

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Август 2024 Том 23 № 3

Специальная тема номера:
ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Приглашенный редактор М.С. Каменских

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 23 No. 3 AUGUST 2024

Special Theme of the Issue:
ETHNICITY AND POWER IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Guest Editors Mikhail S. Kamenskikh

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 23.08.2024. Выход в свет 30.08.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,37. Тираж 500 экз. Заказ № 1057. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Marina N. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карамиджахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Пушкарева Н.Л., *Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Черных А.В., *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: М.Н. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

ETHNICITY AND POWER IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

- Novik A.A.** Balkan Colonists in the Azov Region: Diversity of Identities and Demise of the Ethnic Paradigm 260
- Litvinov V.P.** Administrative and Police Regulation of Muslim Women's Position in Russian Turkestan 272
- Shaidurov V.N., Osipov N.A.** The Germans of St. Petersburg from the 1860s to 1914: Number, Distribution, and Economic Activities 286
- Lysenko, Yu.A., Omurova, Zh.O., Gundova O.E.** Interaction of Central and Local Authorities with the Kazakh Population of the Steppe Region in the Field of Land Use in Late XIX – Early XX Century 299
- Amanzholova D.A.** Some Issues of the RSFSR Federal Construction in the 1920s 310
- Kamenskikh M.S.** Why the Roma National District Was Not Founded in the RSFSR and What it Could Have Been Like 322

HISTORICAL URBANISTICS

- Shevyrev A.P.** From Imperial Capitals to Megacities: St. Petersburg and Moscow in the Second half of the XIX Century 335
- Morozan V.V.** First Domestic Asphalt Paving Companies 346

ARTICLES

- Seliverstov S.V.** The Great Eastern Question: Development of the Pro-Eurasian Worldview of Ismail Gasprinsky at the Beginning of the XX century 358
- Eshchenko Yu.G.** Problems of Oil Transportation in the Ural-Emba Region: The Government Debate in 1920–1921 370

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Новик А.А.** Балканские колонисты в Приазовье: многообразие идентичностей и слом этнической парадигмы 260
- Литвинов В.П.** Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане 272
- Шайдулов В.Н., Осипов Н.А.** Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия 286
- Лысенко Ю.А., Омурова Ж.О., Гундова О.Е.** Взаимодействие центральных и местных органов власти с казахским населением Степного края в области землепользования в конце XIX – начале XX в. 299
- Аманжолова Д.А.** Некоторые вопросы федеративного строительства РСФСР в 1920-е гг. 310
- Каменских М.С.** Каким мог быть и почему не был создан цыганский национальный район в Поволжье в 1930-е гг. 322

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА

- Шевырев А.П.** От имперских столиц к мегаполисам: Санкт-Петербург и Москва во второй половине XIX в. 335
- Морозан В.В.** Первые отечественные фирмы по асфальтированию 346

СТАТЬИ

- Селиверстов С.В.** Велико-Восточный вопрос: развитие проевразийского миропонимания Исмаила Гаспринского в начале XX века 358
- Ещенко Ю.Г.** Проблемы транспортировки нефти Урало-Эмбинского нефтяного района: правительственная дискуссия 1920–1921 гг. 370

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ETHNICITY AND POWER IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-260-271>

EDN: QXIQTI

Научная статья / Research article

**Балканские колонисты в Приазовье:
многообразие идентичностей и слом этнической парадигмы**

Александр Александрович Новик

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

njual@mail.ru

Аннотация: Анализируется влияние государственной идеологии и культурных кодов на этническую и национальную самоидентификацию переселенцев из Юго-Восточной Европы в российский Приазовье. Выясняется степень влияния различных факторов, способствовавших устойчивому сохранению либо утрате этнической, региональной, языковой и религиозной идентичностей в рамках развития отдельной полиэтничной территории. Источниковой основой исследования стали документы Государственного архива Ростовской области и материалы комплексных экспедиций, Архива Музея антропологии и этнографии РАН и других архивохранилищ. Автор пришел к выводу, что в современной ситуации большинство жителей сел, основанных на берегах Таганрогского залива, прекрасно осведомлены об истории своих населенных пунктов, многие готовы утверждать, что имеют греческие/арнаутские корни, а потому решительно декларируют свою «автохтонность». Попыток ревитализации традиционной культуры, возрождения праздников – «как в Греции или Албании» (как то происходит в Запорожской и Донецкой областях) – здесь не отмечается. Приобщенность к своим, родившимся и живущим здесь, воспринимается как более значимый маркер, чем этническое происхождение, этническая самоидентификация и декларирование этнических предпочтений.

Ключевые слова: миграции и диаспоры, этническая и локальная самоидентификация

Для цитирования: Новик А.А. Балканские колонисты в Приазовье: многообразие идентичностей и слом этнической парадигмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 260–271. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-260-271>

**Balkan Colonists in the Azov Region:
Diversity of Identities and Demise of the Ethnic Paradigm**

Alexander A. Novik

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

njual@mail.ru

Abstract: Through his work, the author analyzes the influence of state ideology and cultural codes on the ethnic and national self-identification of the migrants from Southeastern Europe to the Azov region of Russia. Through his research, he has revealed the degree of influence of various factors

contributing to the sustainable preservation or loss of ethnic, regional, linguistic and religious identities within the framework of the development of a separate multi-ethnic territory. The source base for the study is the documents of the State Archive of the Rostov Region and the materials of complex expeditions, the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. The author comes to the conclusion, that at the present, most residents of the villages on the shores of the Taganrog Bay are well aware of the history of their settlements; many are ready to claim that they have Greek/ Arnaut roots, and therefore they resolutely declare their “autochthony.” However, there are no attempts to revitalize this traditional culture or its holidays – “like in Greece or Albania” (as it is happening in the Zaporozhye and Donetsk regions). In the region, belonging to one’s people, by those born and living there, is perceived as a more significant marker than ethnic origin, ethnic self-identification and declaration of ethnic preferences.

Keywords: migration and diaspora, ethnic and local self-identification, state and nation-building, population of the Northern Black Sea region, Balkan politics

For citation: Novik, A.A. “Balkan Colonists in the Azov Region: Diversity of Identities and Demise of the Ethnic Paradigm.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 260–271 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-260-271>

Введение

Актуальность исследования обусловлена пристальным вниманием к региону Причерноморья в последние годы как в обществе, так и среди ученого сообщества, и вызвана необходимостью самого углубленного изучения этнической истории присоединенных более двух столетий назад к России территорий, а также процессов этнической и национальной конвергенции местного населения.

При имеющейся обширной литературе по колонистам в Крыму, Новороссии, Буджаке и др., судьба переселенцев с Балкан на южном берегу Таганрогского залива оставалась вне фокуса научных интересов исследователей до начала XXI в., несмотря на наличие большого числа архивных, эпистолярных и пр. материалов. Так, еще в конце XVIII в. в Санкт-Петербурге было напечатано несколько карт Российской империи, включая южные регионы¹. На эти карты были нанесены новые поселения на берегах Таганрогского залива и вблизи реки Дон, среди которых особый интерес для нас представляют следующие: Епирское, Химара, Албанское. Сами названия этих сел (помимо имеющихся архивных данных) свидетельствуют о том, что их населяли арнауты. В большинстве случаев населенные пункты получали названия тех мест на западе Балкан, откуда мигрировали колонисты². К примеру, известен факт, что албаноязычное село Девнинское (совр. Запорожская область) получило свое название от города Девня в Болгарии, в округе которого предки переселенцев прожили около трех столетий после миграции из юго-восточной Албании и который они считали своей родиной³.

В течение 1998–2022 гг. автор проводил научные изыскания в Приазовье (Ростовская, Запорожская и Донецкая области), где в конце XVIII – середине XIX в. возникли поселения выходцев с Балканского полуострова, островов Средиземноморья и Крыма. Своим возникновением они обязаны политике России, ведшей многовековые войны с Портой за выход к Черному морю. Основное внимание направлено на анализ ситуации в Азовском районе Ростовской области, куда после подписания Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. были поселены воевавшие

¹ Карта Представляющая части Харьковского и Екатеринославского Наместничеств Таврической Области и Земли Войска Донского // Собрание карт для путешествия Ея Императорскаго Величества в полуденный край России в 1787 г. / Соч. А. Вильбрехт. [СПб., 1787]. 8 л.: Рукописн., раскраш.; 56x40 (67x46) см. Склад. в футляр 22x17.

² Ср.: Федотова Т. А. Топонимика сел Азовского района // Очерки истории Азова. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 5. С. 42–43.

³ Новик А.А., Бучатская Ю.В. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины. СПб., 2016. Ч. I. Т. 1. С. 224.

на стороне России православные греки и албанцы, получившие денежные субсидии и право на приобретение земель. Прибывшие в количестве нескольких тысяч колонисты основали села: Маргаритово, Епирское и др.⁴ Для российских чиновников главным критерием выступала не их этническая принадлежность, а вероисповедание, поэтому в документах эпохи упоминаются арнауты, греки, албанцы, греко-албанцы (sic!). Адаптация на новом месте потребовала от поселенцев выработки особых механизмов «врастания» в полиэтничное сообщество таких же, как и они, пришлых: русских, украинцев и др. В отличие от ситуации на восточном берегу Азовского моря, где в годы советской власти были попытки создания национальных колхозов, культурных автономий и проч., здесь такой активности не наблюдалось. Однако самоотнесение себя к переселенцам фиксируется до настоящего времени.

Степень изученности проблемы. Несмотря на значительный тезаурус архивных материалов по переселенцам с Балкан в Приазовье, основное внимание исследователей в XIX и XX вв. было сфокусировано на донских казаках, русском и украинском населении. Определенный всплеск изучения этнического «самочувствия» жителей региона произошел в последнее десятилетие и был вызван не в последнюю очередь конфликтом между Россией и Украиной, приведшим к миграции значительного числа жителей в Ростовскую область. Так, в своем исследовании трансформации этнической идентичности «лиц с русско-украинской этничностью в России» В.В. Бубликов обратился к причинам смены идентификационной парадигмы, фиксируемой в наше время⁵. Вопросам теории этноса в современном русскоязычном дискурсе посвящено новое исследование Д.В. Верховцева⁶, а в фундаментальной работе С.В. Соколовского в основном фокусе оказывается создаваемый людьми виртуальный мир, конструирующий и определяющий повседневность, включая различные аспекты человеческого бытия, сознания, культурных и поведенческих приоритетов⁷. Идентичность «на фоне тихой архивной революции позднего социализма» рассмотрена А.Р. Клоц и М.В. Ромашовой⁸. Примененная в их исследовании методология позволила автору найти единомышленников в области объединения методов архивной работы и полевых изысканий. Классическими выглядят работы Т.Е. Гревцовой, в течение многих лет описывающей различные аспекты социальной жизни, обрядовых практик и проч. у донских казаков⁹. Данные исследования помогли автору в определении происхождения и статуса различных культурных феноменов у потомков балканских колонистов в регионе Приазовья. Материальным аспектам политики идентичности посвящено одно из последних

⁴ *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

⁵ *Бубликов В.В.* Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 2. С. 168–187. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020117>

⁶ *Верховцев Д.В.* Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>

⁷ *Соколовский С.В.* Виртуальность как повседневность // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 6. С. 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954152206001X>

⁸ *Клоц А.Р., Ромашова М.В.* «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // *Антропологический форум*. 2021. № 50. С. 169–199. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-50-169-199>

⁹ *Гревцова Т.Е.* 1) Обряды конца свадьбы в традиционной культуре донских казаков // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 4. С. 116–131. <https://doi.org/10.31857/S086954150010837-0>; 2) География и семантика ритуалов *завивания (заливания) овина* в свадебном обряде донских казаков // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 1. С. 178–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010110>

исследований упомянутого выше С.В. Соколовского¹⁰, а информационному полю в теории этноса и практике изучения этнических процессов уделено пристальное внимание в статье К.Л. Банникова¹¹.

Цель исследования. В данной работе основное внимание будет сфокусировано на историко-этнологической составляющей изучаемой проблемы – анализе факторов, обусловивших сохранение на протяжении двух с половиной столетий этнолокального самосознания у потомков переселенцев-арнаутов. Цель исследования заключается в выяснении факторов, способствующих устойчивому сохранению этнической, региональной и национальной идентичностей, и определении векторов дальнейшего развития этнических процессов в регионе.

Источниковая база. Интерес к этническому прошлому восточного Приазовья был стимулирован археологическими находками, сделанными в начале нашего века Д.И. Зенюком в с. Маргаритово, где на месте разрушенного морем храма были обнаружены кирпичи фундамента XVIII в. с клеймами, которые идентифицируются со староалбанскими алфавитами¹². К настоящему моменту известно 265 ед. кирпичей с символами, которые имеют параллели с тремя алфавитами: так называемого анонима из Эльбасана, Бютхакукия и Весо-Бея¹³. Бóльшая их часть собрана в с. Маргаритово (216 шт. в период с 1997 по 2015 г.), единичные находки встречены на хуторе Чумбур-Коса. Некоторые из экземпляров (ок. 30 ед.) хранятся у коллекционеров в городах Азов, Ростов-на-Дону и Санкт-Петербург¹⁴. Археологические работы продолжаются до настоящего времени. С 2015 г. к исследованиям археологов присоединились этнологи и лингвисты из Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Санкт-Петербургского государственного университета. Результаты работы комплексных экспедиций дали существенный материал по истории, археологии и этнографии полиэтнического региона Приазовья¹⁵.

Для данного исследования трансформации идентичностей наибольшую важность представляют материалы, хранящиеся в фондах «Метрические книги греческой Царе-Константиновской церкви г. Таганрог за 1804–1808 и 1813–1820 гг.» (Ф. 226), «Метрические книги Благовещенской церкви с. Маргаритовка за 1873–1874 гг.» (Ф. 803) Государственного архива Ростовской области, «Геометрический специальный план с. Маргаритовка» (кон. XVIII – нач. XIX вв.) (Ф. 1354) в Российском государственном архиве древних актов.

Следующий значительный блок источников, на который опирался автор – собранный им во время полевой работы в экспедициях в Приазовье значительный по объему тезаурус сведений по истории переселения, самоидентификации потомков балканских колонистов, традиционной культуре и языку, межнациональным отно-

¹⁰ Соколовский С.В. Вещи, аффекты и экология разума: о материальных аспектах политики идентичности // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 57–75. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050049>

¹¹ Банников К.Л. Информационная теория этноса. Аспекты и интерпретации // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 194–218.

¹² Zenjok D., Novik A., Sulloeva M. Shqiptarët në Perandorinë Ruse në shekujt XVIII–XIX: të dhënat të reja në fushën arkeologjike, historike dhe etnografike // Seminari. 2015. Nr 34/2. F. 429–440; Зенюк Д.И. Кирпичи с клеймами в виде букв староалбанских алфавитов из с. Маргаритово Азовского района // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Азов, 2018. Вып. 30. С. 417–463.

¹³ См.: Hahn J. G. Albanesische Studien. Jena, 1854. Bd. 1; Osmani T. Histori e alfabetit të gjuhës shqipe. Tiranë, 1987; Anderson D., Glavy J. Old Albanian Scripts. 30.09.2009 // The Unicode Consortium. URL: <http://www.unicode.org/L2/L2009/09328-old-albanian.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).

¹⁴ Стаценко Т. Загадка старинных кирпичей // Приазовье. 2015. 22 июля. № 29.

¹⁵ Новик А.А. Экспедиция в с. Маргаритово 2015 г.: по следам балканских колонистов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. 2016. Вып. 16. С. 163–182.

шениям и пр. Данные материалы комплексных экспедиций, включая полевые тетради и дневники, аудио- и видеозаписи, фотографии и др. описаны, оцифрованы и заархивированы в Архиве Музея антропологии и этнографии РАН.

Также к исследованию были привлечены документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве и Центральном государственном историческом архиве Украины.

Методы исследования, позволившие объединить подходы, принятые в истории (главным образом микроисторический подход), археологии, лингвистике и этнологии, обеспечили получение количественных и качественных данных.

К истории вопроса: религия vs этничность

В 1768 г. Османская империя при поддержке Франции и Австрии начала войну с Россией. В этих условиях в 1769 г. императрица Екатерина II отправила своих эмиссаров на Пелопоннес, в Черногорию, Албанию и Дунайские княжества с целью установления контактов с местным христианским населением¹⁶. Именно с этого времени в русской армии и на флоте начинают служить греки и албанцы, которые оцениваются как храбрые воины, знающие турецкие военные установки и умеющие сражаться с врагом. Их число значительно приросло после подписания на российских условиях Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.

Царское правительство умело пользовалось недовольством народов Юго-Восточной Европы, находившихся под гнетом османов, стимулировало создание независимых национальных государств¹⁷ и осваивало присоединенные территории, привлекая опытных военных и предприимчивых торговцев, имевших экономические связи в Средиземноморье.

Первые переселенцы прибыли в г. Таганрог в 1776 г.¹⁸ Принявших русское подданство военных, моряков и членов их семей чаще всего фиксировали как *арнаутов*. Экзоэтноним *арнаут* восходит к турецкому *Arnavut* «албанец», «албанский». Однако в документах XVIII–XIX вв., хранящихся в архивах, словом «арнаут» обозначались православные христиане Балкан и Архипелага – албанцы и греки, но только не славяне, которых всегда выделяли особо. В источниках этого периода мы встречаем как общий экзоэтноним *арнаут*, так и отдельные номинации: *албанцы* и *греки*. Встречается и неологизм того времени – *греко-албанцы*¹⁹. Очевидно, что для царских чиновников большую валентность имела их религиозная, а не этническая принадлежность.

Тем не менее, обнаружены отдельные свидетельства об этническом составе Арнаутского войска, рассказывающие, что в мае 1771 г. на базу русского флота в порту Ауза (остров Парос) прибыло 2 659 добровольцев: 825 албанцев из Албании, 974 албанца и 261 грек из Мореи, 106 романиотов из Румынии, 262 грека из Кандии (остров Крит) и 231 грек с различных островов²⁰.

Таким образом, число прибывших албанцев составляло 31 % от общего количества военных.

¹⁶ Греки России и Украины. СПб., 2004. С. 72–74.

¹⁷ См. о схожих процессах в странах Центральной Европы: Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997.

¹⁸ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии / сост. Стат. Отделением Екат. Губ. Зем. Упр. Екатеринослав, 1884. Т. 1. С. 54; Филевский П.П. История города Таганрога. М., 1898. С. 99.

¹⁹ Zenjuk D., Novik A., Sulloeva M. Shqiptarët në Perandorinë Ruse... F. 429–440.

²⁰ Смелянская И.М. Россия в Средиземноморье... С. 134.

Закон № 14901 ПСЗ от 3 августа 1778 фиксирует: «Войско, под именем Албанцов, составлено почти все из греков...»²¹. В метрической книге Греческой Царь-Константиновской церкви в г. Таганроге в 1817 г. есть запись о «солдате албанского Греческого батальона»²². Статистический комитет в последней четверти XVIII в. предоставляет следующие очень противоречивые данные:

Собственно в Таганрог прибыла на поселение в 1776 году прежде всего Албанская команда до 200 душ обоего пола; затем, в том же году прибыло на житье много и других греков²³.

Далее следует примечание:

Греческие переселенцы называли себя «Албанцами» вероятно потому, что большая часть их состояла из Арнаутов или Шкипетеров, обыкновенно именуемых Албанцами; это, без сомнения, смесь древних славянских народов, вторгнувшихся в Морею с греческими аборигенами²⁴.

Историк И.В. Мосхури, изучавший прошлое греков Балаклавы, базируясь на источниках, сделал выводы, что современники фиксировали среди переселенцев две этнические группы – греков и арнаутов, то есть албанцев, а арнаутами в Крыму называли греков, которые служили в Греческом пехотном полку²⁵.

Обратимся теперь к современной ситуации, что должно пролить свет на формирование этнического состава населения восточного Приазовья.

Арнауты, греки и албанцы: пролегомены и мифологемы исторической памяти

Анализ материалов полевых исследований, предпринятых в 2015–2018 гг. в Азовском районе, говорит о хорошей осведомленности местных жителей об истории региона и родных сел²⁶. В с. Маргаритово²⁷ были зафиксированы многочисленные нарративы об основании населенных пунктов греками и арнаутами – касательно последних есть все основания считать, что данные сведения являются не прямой трансляцией знаний от своих предков, а интерпретацией и переосмыслением узанного через СМИ, публикации краеведов и материалы в социальных сетях и Интернете. Как правило, большинство опрошенных (около 80 %) не могут объяснить, кто такие арнауты – греки или албанцы. Зато свое греческое происхождение готовы декларировать многие интервьюируемые, в том числе те, чьи предки, согласно архивным документам, значатся в ревизских списках крепостных крестьян 1829 г. В качестве примера приведем высказывание семьи Масявра²⁸:

Наша семья греческая. Об этом говорит наша фамилия (в действительности это народная этимология антропонима. – А.Н.). Предки наши первыми здесь поселились. И мы ведем свой род от них. Все остальные уже позже греков переселялись на эти земли²⁹.

²¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 20. С. 855.

²² ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 562. Л. 132 об.; *Зенюк Д.И.* Кирпичи с клеймами... С. 420–425.

²³ Сборник статистических сведений... С. 54.

²⁴ Там же; *Зенюк Д.И.* Кирпичи с клеймами... С. 420–425.

²⁵ *Мосхури И.В.* Служащие поселенного в Балаклаве Греческого пехотного полка: греки или арнауты? // Греки Балаклавы и Севастополя. М., 2013. С. 71–76.

²⁶ Архив Музея антропологии и этнографии РАН (далее – АМАЭ РАН). 2015. К-1, оп. 2. № 2256. Л. 45–51.

²⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1354. Оп. 118. Д. М-2к; *Зенюк Д.И.* Могила Маргариты Блазовой в селе Маргаритово Азовского района // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Азов, 2013. Вып. 27. С. 231–268.

²⁸ Масявра_НИ_самосознание. Цифровая запись аудиointerview с Н.И. Масявра. Записано А.А. Новиком в с. Маргаритово Азовского района Ростовской области в июле 2015 г. // Архив отдела европеистики МАЭ РАН: Новик 2015.

²⁹ АМАЭ РАН. 2015. К-1, оп. 2. № 2256. Л. 9.

Самоидентификация себя как грека повышает статус³⁰, так как автоматически относит к числу первопоселенцев – то есть *своих, автохтонов*.

С «греческим прошлым» современные жители связывают многие культурные достижения: среди них возведение храмов³¹, учреждений просвещения и др. При различных самоидентификациях – «мы греки», «мы потомки греческих поселенцев», «мы русские», «мы украинцы», «мы местные» – именно греческая идентичность обладает высокой степенью престижа. Приведем пример высказывания местных жителей:

Церковь у нас греческая была. Почти со времени основания села. На каком языке служба была? На русском, конечно! Это же мы в России! Почему тогда греческая? Не знаю...³²

На протяжении XX столетия мы можем фиксировать разное осмысление собственных этнической, конфессиональной, локальной и прочих идентичностей населением Приазовья. В 1920–1930-х гг. происходил коренной слом этнического самопозиционирования потомков балканских колонистов. Вместе с выходцами с Балкан на эти земли с конца XVIII в. шло подселение русских и украинских крестьян из губерний Центральной России и Малороссии. До 1917 г. в приазовских селах сложилась довольно обширная прослойка зажиточных землевладельцев, купцов и предпринимателей греческого происхождения. Об этом свидетельствуют не только данные архивов, а – что исключительно важно – фиксируемые до наших дней в ходе проведения экспедиций нарративы. Так, от М.А. Тарасовой, жительницы с. Маргаритово, в июле 2018 г. автором была записана следующая информация:

Моя бабушка в молодости работала в доме одного грека, прислуживала. Это здесь было, в Маргаритово. Грек тот богатый был, занимался торговлей, зерно продавал – возил морем. У греков по всему миру связи были, особенно с Грецией, конечно. Было это уже после революции. В 20-е годы. Может, 25-й, 27-й. Они и при Советской власти богатыми были. Им как-то не запрещали торговлей заниматься. Дом у него был большой, в центре села – там, где раньше церковь была. Дом весь белый был, беленый, греки так любили. А потом он уехал, быстро как-то уехал. Нельзя уже было частникам заниматься всем этим. Куда уехал, не знаю. Наверное, в Грецию. Знаю, что он уже старый был. А так – здесь все богатые были греками. Все им принадлежало³³.

Первое десятилетие после установления Советской власти было исключительно нестабильным и непоследовательным, главным образом в экономическом плане: национализация земли, фабрик и предприятий сменилась оттепелью нэпа, позволившего вести привычное хозяйство и заниматься торговлей, затем пошла волна централизации и запретов на любого рода предпринимательскую активность. В новых политических и экономических условиях потомки греческих и албанских переселенцев предпочли «не выпячивать» свою этническую принадлежность, а «раствориться» среди окружающего населения. Это было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, потомки колонистов составляли собой с момента переселения зажиточную страту населения: сюда входили богатые землевладельцы, купцы, предприниматели и т.п. Во-вторых, на берега Азовского моря весь XIX в.

³⁰ АМАЭ РАН. 2015. К-1, оп. 2. № 2256. Л. 9–10.

³¹ Помещиком М.М. Блазо в с. Маргаритово была построена в 1797 г. деревянная Благовещенская церковь на кирпичном фундаменте (ее освящение произошло в 1798 г.). Затем, в 1882 г., обветшавшая церковь (ее сруб) была подарена жителям соседнего хутора Головатовка, а на ее месте возведен памятный знак. Новый каменный храм в с. Маргаритово был возведен в месте, отстоящем от фундаментов прежней церкви на определенном расстоянии. Обнаруженные археологами кирпичи со знаками старо-албанских алфавитов имеют прямое отношение к фундаменту старой церкви.

³² АМАЭ РАН. 2018А. К-1. Оп. 2. № 2281. Л. 40.

³³ Там же. Л. 39–40.

происходило подселение русского и украинского населения. Основанные арнаутами населенные пункты, помимо притока *homini novi*, оказывались в окружении русских, украинских, казачьих сел, деревень и хуторов. В этих условиях потомки колонистов предпочли стать *своими*, то есть отказаться от своей декларируемой идентичности и слиться с «местными», чтобы: 1) избежать репрессий как представители эксплуатирующего класса; 2) не вызывать подозрений у различных советских органов как представители народов, живущих в других национальных государствах (уже не угнетаемых Османской империей, а имеющих самостоятельность и проводящих собственную политику, чаще враждебную по отношению к Советскому Союзу)³⁴.

В этом плане ситуация на южном берегу Таганрогского залива выглядит совершенно иначе по сравнению с тем, что происходило на западном берегу Азовского моря: здесь со времени освоения присоединенных к Российской империи земель – речь идет о территории современных Запорожской и Донецкой областей, – на местах ногайских поселений были созданы населенные пункты, в которых чаще всего доминировали определенные этнические группы: греки-румели и греки-урумы (выходцы из Крыма), болгары, гагаузы, албанцы (переселившиеся с Балканского полуострова и из Буджака) и др.³⁵

По своему социальному положению потомки балканских колонистов были относительно гомогенны: среди них не было дворян, крупнейших землевладельцев, банкиров и фабрикантов. Именно поэтому, надо полагать, в начале колхозного строительства в СССР в этих селах создавались «национальные» объединения: еврейские, греческие колхозы и т.д. В албаноязычных селах Гаммовке, Девнинском и Георгиевке (Запорожская область) коллективные хозяйства по этническому принципу создавались и без вмешательства сверху³⁶: просто проживающие в селах и занятые сельским трудом крестьяне преимущественно были албанцами. Также в численном отношении греков и албанцев в регионе было много.

Политика украинизации, предпринятая в 1920-е гг. республиканскими властями из Киева, потерпела фиаско: на местах не было учителей, владевших в достаточной степени украинским, не было и других специалистов, способных «продвигать» обучение, документооборот и коммуникацию на украинском. Постепенно от этой идеи отказались. Зато весьма активно стала продвигаться политика внедрения «национальных» языков меньшинств в обучение и управление. Так, в 1930-е гг. благодаря «благоволению» советских чиновников в школах населенных пунктов, в которых проживали преимущественно греки, стали вести занятия по всем предметам на греческом. При этом, что исключительно важно, местное население говорило (и продолжает говорить) по-румейски (на диалекте новогреческого) или по-урумски (тюркский язык), а преподавание велось на новогреческом, принятом в Греции³⁷. Так стали решать языковой вопрос в Москве (в действительности это тема для специальной дискуссии). Для этого были созданы учебники, напечатаны книги, словари и пр. В местах проживания греков стали печатать периодику (газеты и журналы), издавать художественную литературу (прозу, поэзию), публицистику и др. После нескольких лет либерализма в вопросах национальных языков и развития этнических культур произошла резкая смена курса. Уже к концу 1930-х гг. преподавание на национальных языках было ликвидировано, а его активисты

³⁴ АМАЭ РАН. 2018А. К-1. Оп. 2. № 2281. Л. 41–42.

³⁵ Пономарьова І. С. Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII – початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження. Київ, 2006; Новик А.А., Бучатская Ю.В. «Приазовский отряд»...

³⁶ Как то происходило с еврейскими колхозами. АМАЭ 1998. К-1, оп. 2. № 1726. (202 л.). Л. 14.

³⁷ Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб., 2009. С. 40–45.

вместе с самыми знаковыми фигурами национальной интеллигенции были репрессированы.

В Ростовской области, в поселениях на берегу Азовского моря, попыток ввести преподавание на греческом или албанском не предпринималось никогда. Во-первых, потомки выходцев с Балкан и островов Средиземноморья к началу XX в. в численном отношении здесь составляли меньшинство. Во-вторых, местные власти проводили политику унификации населения региона. Самыми большими по численности здесь были две этнические группы: русские и украинцы. Некоторые села и хутора (к примеру, Полтава) преимущественно были населены украинцами. Тем не менее, здесь не велось преподавания на украинском и никогда не предпринималось попыток сделать украинский языком местной администрации. Потомки арнаутов тем более не претендовали на языковую и административную автономию³⁸.

Процессы этнолокальной гомогенизации стали более очевидными после Великой Отечественной войны: греки и арнауты, напуганные департациями народов, заподозренных советскими властями в сотрудничестве с фашистскими оккупантами, предпочли декларировать свою советскую идентичность, что лежало в русле набиравшей силу новой национальной политики СССР. Теория этноса Ю.В. Бромлея (со знаковой для нее терминологией *этнос*, *этникос* и пр.), подвергающаяся жесткой критике последние 30 лет, в действительности имела под собой почву. Многие люди на местах заявляли свою советскую идентичность не только во время всесоюзных переписей населения, но продолжают ее отстаивать, как показывают результаты наших экспедиций 1998–2022 гг., и в наши дни.

К началу 1990-х гг. в Азовском районе Ростовской области большинство населения в селах Марагритово, Чумбур-Коса и др. составляли русские и украинцы, для которых локальная принадлежность и отнесенность к советской нации/народу чаще имела большую валентность, чем этническое происхождение.

Дезинтеграция СССР привела к определенной турбулентности этнических процессов в Приазовье. Приобретение независимости бывшими союзными республиками вызывало широкую общественную дискуссию в локальном сообществе, не нашедшую, однако, выражения в каких-либо действиях и акциях, как то было по ту сторону возникшей государственной границы – в Запорожской и Донецкой областях³⁹.

На южном берегу Таганрогского залива подобных шатаний этнической самоидентификации в эти десятилетия не происходило. Фактов миграции в Грецию из изучаемых сел не фиксировалось, как и не предпринималось попыток организации национальных обществ, языковых курсов или факультативов в местных школах. Интерес к собственной этнической истории в некоторой степени возродился благодаря работе исследователей: главным образом археологов, обнаруживших на местах бывших храмов и общественных построек кирпичи с клеймами на – предположительно – старо-албанских алфавитах, а также этнолингвистических экспедиций, работавших в поле в 2015–2018 гг.

Выводы

В современной ситуации большинство жителей сел, основанных выходцами из Юго-Восточной Европы на берегах Таганрогского залива, прекрасно осведомлены об истории своих населенных пунктов, многие готовы утверждать, что имеют греческие/арнаутские корни (некоторые из них, как говорит анализ полевых

³⁸ АМАЭ 2018Б. К-1. Оп. 2. № 2282. Л. 15.

³⁹ Новик А.А., *Бучатская Ю.В.* «Приазовский отряд»... С. 283–290.

и архивных материалов, не имея на то оснований), а потому решительно декларируют свою «автохтонность». Тем не менее, попытки ревитализации традиционной культуры, возрождения праздников – «как в Греции или Албании» (как то происходит в Запорожской и Донецкой областях) – здесь не отмечается. Зато все традиционное и местное (включая сценарий проведения свадеб, религиозных праздников, похоронных обрядов, знахарство и пр.) именуется *греческим* – с отсылкой на времена прибытия первых поселенцев в последней четверти XVIII в. В действительности акциональный, персонажный, предметный коды «греческой» свадьбы почти полностью совпадают с тем, что мы наблюдаем у русских и украинцев, живущих по соседству, а также в казачьих станицах на Дону⁴⁰. Желание подчеркнуть «старинность» обычаев обуславливает навешивание этнических ярлыков. И если для жителей албаноязычных, румеязычных или урумоязычных сел на западном берегу Азовского моря приобщение к языку и культуре метрополий является очевидным актом этнического самочувствия, выносящего в какой-то степени свои традиции, опыт и достижения если не на периферию, то на второй план, то для потомков балканских переселенцев в Ростовской области сохранение культуры первопоселенцев – а вернее, того, что воспринимается как таковая, – декларируется как основополагающая ценность, гарантирующая особые привилегии в своем сообществе, так как перебрасывает мост в прошлое и закрепляет положение *первых* и *своих*. К *своим* относят и тех, кто разговаривает по-русски, и тех, кто «балакает», т. е. говорит по-украински или на так называемом суржике (смеси русского и украинского)⁴¹. В этой ситуации приобщенность к *своим*, родившимся и живущим здесь, воспринимается как более значимый маркер, чем этническое происхождение, этническая самоидентификация и декларирование этнических предпочтений.

Поступила в редакцию / Submitted: 05.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.05.2024

References

- Anderson, D., Glavy, J. “Old Albanian Scripts.” *The Unicode Consortium*. Accessed August 16, 2023, <http://www.unicode.org/L2/L2009/09328-old-albanian.pdf>
- Bannikov, K.L. “Information theory of ethnicity. Aspects and interpretations.” *Etnografija* 18, no. 4 (2022): 194–218 (in Russian).
- Bublikov, V.V. “Between Russians and Ukrainians: Transformation of Ethnic Identity of Persons with Russian-Ukrainian Ethnicity in Russia.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2 (2022): 168–187 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0869541522020117>
- Fedotova, T.A. “Toponimika syel Azovskogo raiona [Toponymy of villages in the Azov region].” In *Ocherki istorii Azova* [Essays on the history of Azov], issue 5, 242–249. Rostov-on-Don: Azovskii kraevedcheskii muzei Publ., 2000 (in Russian).
- Filevskiy, P.P. *Istoriia goroda Taganroga* [History of the city of Taganrog]. Moscow: [N.s.], 1898 (in Russian).
- Grevtsova, T.Ye. “Geography and Semantics of the Rituals Named ‘zavivat’ (zalivat’) ovin in the Wedding Rite of the Don Cossacks.” *Etnograficheskoe Obozrenie*, no. 1 (2022): 178–197 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0869541522010110>
- Grevtsova, T.Ye. “Rites of the End of Wedding in the Traditional Culture of the Don Cossacks.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4 (2020): 116–131 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086954150010837-0>
- Hahn, J.G. *Albanesische Studien* [Albanian studies], bd. 1. Jena: F. Mauko, 1854 (in German).

⁴⁰ Гревцова Т.Е. Обряды конца свадьбы... С. 116–131.

⁴¹ АМАЭ 2018А. К-1, оп. 2. № 2281. Л. 30.

- Ivanova, Yu.V., ed. *Greki Rossii i Ukrainy* [Greeks of Russia and Ukraine]. St. Petersburg: Aletea Publ., 2004 (in Russian).
- Kisiliyer, M.L., ed. *Lingvisticskaia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'ia. Po materialam ekspeditsyi 2001–2004 godov* [Linguistic and ethnocultural situation in the Greek villages of the Azov region. Based on materials from expeditions of 2001–2004]. St. Petersburg: Aletea Publ., 2009 (in Russian).
- Klots, A.R., and Romashova, M.V. “‘Are You Living History?’ – The Soviet Person and the Quiet Archival Revolution of Late Socialism.” *Anthropologicheskij Forum*, no. 50 (2021): 169–199 (in Russian), <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-50-169-199>
- Moskhuri, I.V. “Sluzhashchie poselennogo v Balaklave Grecheskogo pekhotnogo polka: greki ili arnauty? [Servants of the Greek Infantry Regiment settled in Balaklava: Greeks or Arnauts?].” In *Greki Balaklavy i Sevastopolya* [Greeks of Balaklava and Sevastopol], 71–76. Moscow: Indrik Publ., 2013 (in Russian).
- Myl'nikov, A.S. *Narody Tsentral'noi Evropy: formirovanie natsional'nogo samosoznaniia. XVIII–XIX vv.* [Peoples of Central Europe: the formation of national identity. XVIII–XIX centuries]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1997 (in Russian).
- Novik, A.A. “Ekspeditsiia v s. Margaritovo 2015 g.: po sledam balkanskikh kolonistov [Expedition to the village Margaritovo 2015: in the footsteps of the Balkan colonists].” In *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of field research of MAE RAS], issue 16, 163–182. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Novik, A.A., Buchatskaya, Yu.V., Ermolin, D.S., Dugushina, A.S., and Morozova, M.S. *'Priazovskii otriad.' Iazyk i kul'tura albantsev Ukrainy* [‘Azov detachment.’ Language and culture of Albanians in Ukraine], part 1, vol. 1. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Osmani, T. *Histori e alfabetit të gjuhës shqipe* [History of the Albanian language alphabet]. Tiranë: Shtëpia botuese e Librit Shkollor, 1987 (in Albanian).
- Ponomar'ova, I.S. *Etnichna istoriya hrekiv Pryazov'ya (kinets' XVIII – pochatok XXI st.). Istoryko-etnografichne doslidzhennya* [Ethnic history of the Greeks of the Azov region (the late XVIII – early XXI century). Historical and ethnographic research]. Kyiv: Referat Publ., 2006 (in Ukrainian).
- Smilyanskaya, I.M., Velizhev, M.B., and Smilyanskaya, Ye.B. *Rossia v Sredizemnomorie. Arkhipelagaskaia ekspeditsiia Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean. Archipelago expedition of Catherine the Great]. Moscow: Indrik Publ., 2011 (in Russian).
- Sokolovskiy, S.V. “Things, Affects and the Ecology of Mind: On Material Aspects of Identity Politics.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5 (2022): 57–75 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0869541522050049>
- Sokolovskiy, S.V. “Virtuality as Mundanity.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2022): 5–10 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086954152206001X>
- Statsenko, T. “Zagadka starinnykh kirpichei [The mystery of ancient bricks].” *Priazovie*. July 22, 2015 (in Russian).
- Verkhovtsev, D.V. “Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (2022): 79–101 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
- Zenyuk, D., Novik, A., and Sulloeva, M. “Shqiptarët në Perandorinë Ruse në shekujt XVIII–XIX: të dhënat të reja në fushën arkeologjike, historike dhe etnografike [Albanians in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries: new data in the archaeological, historical and ethnographic field].” *Seminari*, no. 34/2 (2015): 429–440 (in Albanian).
- Zenyuk, D.I. “Kirpichi s kleimami v vide bukvi staroalbanskikh alfavitov iz s. Margaritovo Azovskogo raiona [Bricks with marks in the form of letters of the Old Albanian alphabets from the village Margaritovo, Azov district].” In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2015–2016 gg.*, issue 30, 417–463. Azov: Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2018 (in Russian).
- Zenyuk, D.I. “Mogila Margarity Blazovoi v sele Margaritovo Azovskogo raiona [The grave of Margarity Blazova in the village of Margaritovo, Azov region].” In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g.*, issue 27, 231–268. Azov: Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Александрович Новик, кандидат исторических наук, заведующий Центром европейских исследований, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3; njual@mail.ru; SPIN-код: 3038-4800; <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109>

Alexander Alexandrovich Novik, PhD in History, Head of the Centre for European Studies, Leading Researcher of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia; njual@mail.ru; SPIN-code: 3038-4800; <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>
EDN: QZSHWE

Научная статья / Research article

Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане

Вячеслав Петрович Литвинов

Елецкий районный отдел народного образования,
Липецкая область, Россия
✉ litwinov.slav@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается проблема правового регулирования положения мусульманских женщин на присоединенных к России территориях Средней Азии (Русском Туркестане) в двух контекстах: с одной стороны, общего состояния женского вопроса в Российской империи, а с другой, – обеспечения прав всего местного населения региона. Исследуется роль имперской полиции в регулировании правового положения мусульманской женщины. При этом подчеркивается, что в различных областях России положение женщины имело свою региональную специфику, но особенно сложным оно было в исламской Средней Азии. Отмечается, что, в отличие от Бухарского и Хивинского ханств мусульманские женщины Русского Туркестана получали поддержку со стороны администрации и полиции, помогавших им противостоять традиционным положениям обычного права и шариата. Рассматриваются нормы, согласно которым женщины могли обращаться за защитой своих прав к русским властям. Выявляется значение принятого в 1886 г. нового «Положения об управлении Туркестанским краем», ухудшившего условия жизни женщины и оставившей ей возможность защищать свои права только через принятие христианства (православия). На основании различных источников доказывается, что положение женщины в регионе при русском правлении заметно улучшилось по сравнению с доимперским периодом.

Ключевые слова: гендерная история, женщины-кочевницы, среднеазиатские ханства, сартянки, обычное право, шариат, ислам

Для цитирования: Литвинов В.П. Административно-полицейское регулирование положения мусульманской женщины в Русском Туркестане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 272–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>

Administrative and Police Regulation of Muslim Women's Position in Russian Turkestan

Vyacheslav P. Litvinov

Yelets regional department of national education,
Lipetsk area, the Russian Federation
✉ litwinov.slav@yandex.ru

Abstract: The author considers in two contexts the problem of the legal regulation of Muslim women's position in Russian Turkestan, the Central Asia territories which had become part of Russia – on the one hand, the general state of the women's issue in the Russian Empire, and on the other hand,

© Литвинов В.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

how the state ensured the rights of the entire local population of the region. Within the text, the role of the imperial police in regulating the legal status of Muslim women is examined. It is emphasized that in various regions of Russia the position of women had its own regional specifics, but it was especially difficult in Islamic Central Asia. However, it is noted that unlike the Bukhara and Khiva khanates, Muslim women of Russian Turkestan gained support from the administration and the police, which helped them resist the traditional provisions of customary law and Sharia. Imperial civil law was considered the norm according to which women could turn to the authorities for protecting their rights. The author also reveals the influence of the new “Regulations on the Administration of the Turkestan Territory” adopted in 1886, which worsened the living conditions of women and left them with the opportunity to protect their rights only through the adoption of Christianity (Orthodoxy). Nevertheless, based on various sources, the article shows that the position of women in the region under Russian rule had significantly improved compared to the pre-imperial period.

Keywords: gender history, nomadic women, Central Asian khanates, Sart women, customary law, Sharia, Islam

For citation: Litvinov, V.P. “Administrative and Police Regulation of Muslim Women’s Position in Russian Turkestan.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 272–285 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-272-285>

Введение

Актуальность темы статьи определяется, прежде всего, той ролью, которую играют женщины в современном мире, их возрастающим влиянием на политическое и культурное развитие общества. Особое значение разработки темы заключается в необходимости исследования отношения модернизирующегося государства, действующего на основании системы законов, и традиционного общества, ограничивавшего права женщин. Современное звучание теме придает используемый в статье гендерный подход, позволяющий объективно рассмотреть положение женщины Средней Азии в дореволюционный период и опровергнуть получившие сегодня широкое распространение взгляды на имперский, якобы колониальный характер отношения России к ее мусульманской окраине.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии тема русской женщины получила достаточно широкое освещение¹. Определенный интерес вызывала и проблема положения женщин-мусульманок Средней Азии. Еще в дореволюционный период к ней обращался ряд исследователей². Не осталось без внимания и правовое положение мусульманок региона³. В советской историографии, ориентированной на разоблачение колониальной политики царизма, подчеркивались бесправное положение женщины-мусульманки и отстраненность русской администрации от решения социальных проблем региона. Так, историк М. Аюбжано-

¹ См.: Пушкарева Н.Л. 1) Русская женщина – история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М., 2002; 2) Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; Ворошилова С.В. Положение женщины в крестьянской семье в дореволюционной России // История государства и права. Научно-правовое издание. 2012. № 3. С. 14–16; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб., 2015. Т. 2. С. 185–199 и др.

² Наливкин В.П., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886; Мальшев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902; Шканский О. Положение женщин у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. 1896. № 6. С. 1–19; № 7. С. 34–53; Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, кара-киргизская царица Аляя // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 955–981 и др.

³ Бартольд В.В. Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6; Джалилов А. Из истории положения женщин Средней Азии до и после распространения ислама. М., 1874; Остроумов Н.П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911 и др.

ва утверждала: «Царские чиновники проявили полную безучастность к судьбам женщин Средней Азии»⁴.

В современной историографии женский вопрос в Русском Туркестане рассматривается объективнее, хотя отголоски негативистского подхода встречаются в ряде работ национальных историков суверенных государств Средней Азии⁵. Вместе с тем сама проблема отношения русской администрации к положению женщины в регионе так и не стала объектом специального исследования, что и делает обращение к ней необходимым.

Целью исследования является выявление деятельности русской администрации и полиции по обеспечению прав женщины-мусульманки Русского Туркестана.

Источниковой базой послужили делопроизводственные документы, хранящиеся в фонде «Семиреченское областное правление» (Ф. 44) Центрального государственного архива Казахстана, «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора» (Ф. 1), «Самаркандское областное правление» (Ф. 18) и «Управление начальника города Ташкента» (Ф. 36) Центрального государственного архива Узбекистана и «Канцелярия начальника Закаспийской области» (Ф. 1) Центрального государственного архива Туркменистана.

Также к исследованию были привлечены опубликованные нормативно-правовые акты и публицистические материалы.

Положение женщины в Российской империи

Российское законодательство XVIII–XIX вв. регулировало положение женщин Империи, в том числе на присоединенных территориях Средней Азии. Так, например, сенатским указом от 22 января 1757 г. было запрещено после наказания кнутом женщин «рвать ноздри и ставить клейма на лице»⁶. Закон от 21 апреля 1785 г. указывал, что нанесший бесчестье замужней женщине должен платить ей вдвое больше, нежели ее мужу за такое же деяние⁷. Власть запрещала выдачу замуж девушек моложе 16 лет⁸. Именными указами императора Александра II от 17 апреля 1863 г. женщины были полностью избавлены от телесных наказаний⁹. Власть запрещала женщинам ночные работы на горных промыслах¹⁰. Женщины, осужденные на каторжные работы, в рудники не назначались. Беременные женщины из ссыльных до разрешения от бремени и 40 дней после этого вообще освобождались от работ. Позже их как кормящих матерей назначали на легкие работы. На кормле-

⁴ Аюбжанова М. Женский вопрос в дореволюционном Туркестане // Сборник работ аспирантов ТашГУ. Вып. 254. История. Ташкент, 1964. С. 212; См. также: Диванова Т. Калым и причины, способствующие его сохранению // Вопросы истории и права. Сб. статей преподавателей вузов ТССР. Ашхабад, 1972; Пальванова Б. Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад, 1967; Ченчик В.А. О положении женщины в Туркмении // Известия АН Туркменской ССР. Серия: общественные науки. 1964. № 4. С. 30–38 и др.

⁵ См.: Абашинов С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007; Бектурганова К.А. Исторические образы кыргызских женщин: от Каныкей до Курбанджан // Курбанджан датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Материалы Международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. С. 158–166; Плоских С.В. Власть и женщины в кыргызском обществе XIX в. // Там же. С. 198–199; Мирмаматова Р.А., Мамадалиев И.А. К вопросу о раскрепощении женщин-мусульманок Средней Азии во второй половине XIX начале XX вв. (на материалах «Туркестанского сборника») // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2014. № 2. С. 149–155 и др.

⁶ Полный свод законов Российской империи-I (далее – ПСЗРИ). Т. 14: 1830. № 10686. С. 717.

⁷ Там же. Т. 22. СПб., 1830. № 16188. Ст. 91. С. 367.

⁸ Свод законов Российской Империи (далее – СЗРИ). Издание 1912 года. Т. 10. Ч. 1: 1912. С. 1.

⁹ ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1: 1866. № 39504. Ст. IV, V. С. 353; Там же: № 39505. Ст. 3. С. 354.

¹⁰ СЗРИ. Т. 7: 1912. С. 76.

ние ребенка отводилось полтора года¹¹. Любая защита женщиной своей чести и целомудрия (даже убийство) считалась необходимой обороной¹². «Уголовное уложение» 1845 г. содержало 10 статей о серьезном наказании за посягательство на указанные женские достоинства – каторжные работы до 15 лет¹³. Лица, вовлекшие незамужних женщин в сожительство, обязывались жениться на них. В Полном собрании законов Российской империи (1649–1913 гг.) содержатся десятки актов о наказании за аморальное отношение к женщинам. Таким образом, факты свидетельствуют о том, что женщины России обладали определенными правами, которые впоследствии распространялись и на мусульманок Русского Туркестана.

При этом следует учесть, что законодательство дореволюционной России, касающееся женщин, учитывало региональные особенности и, прежде всего их этноконфессиональную принадлежность.

Особое внимание государство уделяло положению женщины-мусульманки, принадлежавшей ко второй по численности конфессии в Российской империи – исламу. Власть отдавала решение женского вопроса в мусульманских регионах в ведение учрежденных государством религиозных управлений, которые должны были решать его на основе традиционного права (шариата)¹⁴. Вместе с тем власть сохраняла за собой полномочия, позволявшие влиять на положение мусульманских женщин России. Так, например, в начале 1835 г. был издан закон, разрешавший женам мусульман-рекрутов вступать в брак вторично¹⁵. Вскоре такое же право получили жены ссыльных «магометан»¹⁶. На исходе 1836 г. последовал акт о пресечении многобрачия, однако он не касался мусульманок, желавших выйти замуж за уже женатого единоверца¹⁷. Анализ такого рода документов показывает, что они принимались с учетом соответствующих шариатских установлений и никак им не противоречили. Таким образом, ко времени присоединения Средней Азии к Российской империи в 1860-х гг. в стране сложилась определенная правовая база, оказывавшая существенное влияние на социальное положение мусульманской женщины. Надзор же за исполнением указанных выше законодательных установлений возлагался на учреждения царской полиции.

Положение мусульманской женщины до вхождения Средней Азии в состав Российской империи

В дореволюционной историографии, опиравшейся, в основном, на оценочные суждения путешественников и публицистов, существовало мнение об абсолютно бесправном положении женщины-мусульманки Средней Азии¹⁸. Вместе с тем в ряде научных трудов указывалось на то, что ...имущественные права женщины обеспечены шариатом в большей степени, чем многими европейскими сводами законов¹⁹.

¹¹ СЗРИ. Т. 14: 1912. С. 239, 240; Так же: ПСЗРИ-I. Т. 39: 1830. № 29773. С. 67.

¹² Там же. Т. 15: 1912. С. 10.

¹³ Там же. Статьи 1523–1532. С. 168–170.

¹⁴ ПСЗРИ-I. Т. 22: 1830. № 16710. С. 1107–1108; ПСЗРИ-I. Т. 23: 1830. № 17174. С. 482; ПСЗРИ-II. Т. 47. Отд. 1: 1875. № 50680. С. 379–397.

¹⁵ ПСЗРИ-II. Т. 10. Отд. 1: 1836. № 7735. С. 20–21.

¹⁶ Там же. Т. 11. Отд. 1: 1837. № 8764. С. 14.

¹⁷ Там же. Отд. 2: 1837. № 9713. С. 207–208.

¹⁸ См.: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865. С. 113; Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. Алматы, 1998. Т. 1. С. 171.

¹⁹ *Бартольд В.В.* Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 468.

С другой стороны, отмечалось отсутствие права «женщин-сартянок» (сарты – оседлые земледельцы. – *В.Л.*) на участие в общественной жизни.

В итоге известный историк-востоковед, академик В.В. Бартольд приходил к выводу, что мусульманская женщина имела больше прав по сравнению с другими кочевыми народами Востока²⁰. Но здесь, как представляется, с Бартольдом можно согласиться лишь отчасти. Номады Востока вообще и Средней Азии в частности жили по нормам обычного права. Жизнь мусульманской кочевницы внешне казалась свободной и беспроблемной. Особенно она восхищала зарубежных путешественников – чаще всего агентов спецслужб. Англичанин Г. Лэнселл считал положение кочевниц гармоничным в сообществах номадов²¹. Британский лорд Дунмор писал о том, что кочевники Русского Туркестана

обращаются со своими женщинами очень хорошо и более разумно, чем большинство мусульманских народов. Замужние киргизки²² не жалуются на своих мужей, они чрезвычайно свободны в своих действиях и никогда не закрывают свое лицо. Они прекрасные хозяйки и очень заботливые матери²³.

Такого же мнения придерживался капитан англо-индийских спецслужб Р.П. Коббольд²⁴. Норвежец Свен Гедин подчеркивал, что «хотя киргизы и являются мусульманами, их женщины не ходят в парандже, но свободно показывают свое лицо»²⁵.

Однако это была только видимая часть положения мусульманской женщины-кочевницы. Обычное право (адат) рассматривало женщину как имущество, принадлежавшее сначала отцу, а потом мужу – за определенную плату – калым. Она не имела права наследования, свидетельства в суде и т.п. По словам А. Жакиповой, «женщина-казашка была бесправна во всех сферах общественно-политической жизни»²⁶. Исследователь кочевого обычного права (адата) народов Средней Азии С.К. Кожоналиев писал о том, что в дороссийский период, согласно адату, женщину можно было убить без наказания судом, ее можно было продать, отдать в долг, возместить ею долг вместо скота, даже продать по расписке. За кражу женщин, изнасилование их и т.п. суд биев наказывал только как за посягательство на чужое имущество²⁷.

Наиболее уважительным отношение к женщине было у киргизов. В их всемирно известном эпосе «Манас» жена Манаса Каныкей говорит мужу: «Кем быть царю, зависит от женщины». Киргизский фольклор знает образы великих женщин – Сайкал, Айчурек, Жаныл и др. Только у киргизов женщина имела верховную власть над сородичами в реальной жизни. Кыргызка Курбанджан-датха (1811–1907) называлась «царицей Алая», и многотысячная масса кочевников Памиро-Алая слушалась ее беспрекословно. Ее уважали при дворе кокандских ханов,

²⁰ Бартольд В.В. Первоначальный ислам и женщина // Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 469.

²¹ Lansdell H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. London, 1885. Vol. 1. P. 331.

²² Киргизами в то время называли всех кочевников Средней Азии, за исключением туркмен.

²³ Dunmore. *The Pamirs: being a narrative of a year's expedition on horse back and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia*. London, 1893. Vol. 2. P. 118.

²⁴ Cobbold R.P. *Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs*. London, 1900. P. 49.

²⁵ Hedin S. *My life as explorer*. New York, 1925. P. 129.

²⁶ Жакипова А. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 29.

²⁷ Кожоналиев С.К. Суд и уголовное право киргизов до Октябрьской революции (1850–1917 гг.). Алма-Ата, 1967. С. 15.

а после ликвидации их власти почитали туркестанские генерал-губернаторы, дарившие ей царские подарки²⁸.

Положение кочевницы Средней Азии не было полностью бесправным. Основная причина женских несчастий заключалась в выдаче девушек замуж за нелюбимого человека, часто ей вообще незнакомого до свадьбы. Известно, что в среде мусульман Средней Азии, как оседлых, так и кочевых, браки заключались по соглашению между родителями еще при рождении детей либо с малолетнего возраста, и с тех пор начиналась выплата «махра» (калыма) за будущую жену. В дороссийский период мусульманские женщины Средней Азии не имели никакой возможности избавиться от уготованной им судьбы, и случаи суицидов были нередкими в их среде. Обращения женщин с жалобами на насильственные браки в суды по шариату или адату не имели никакого успеха.

Власть и мусульманская женщина в Русском Туркестане

С присоединением Средней Азии к России в 1860-х гг. положение коренного населения, в том числе женского, стало меняться. В первом «Туркестанском положении» от 6 августа 1865 г.²⁹ царская власть оставила брачно-семейные дела в ведении традиционных судов коренного населения – по шариату и адату. Управляющие «туземным» населением и городничие не вмешивались в их деятельность. Однако они не могли не заметить тяжелое положение мусульманок и не доносить об этом в «верха». Поэтому «Степная комиссия», разрабатывавшая законодательный проект «Временного положения» для планируемого к учреждению в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства (края), учла это обстоятельство и внесла в него две поправки, призванные защитить права мусульманской женщины в его пределах. В июле 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство³⁰. Проект управления в нем был рассмотрен, но не утвержден министерствами, а его запустил в административный оборот лично император Александр II, что не умаляло значения документа как закона, почти два десятилетия регулировавшего всю жизнь Туркестанского края. § 203-й проекта «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. гласил: «В брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который решает дело, а по более важным – представляет военному губернатору на его усмотрение»³¹. Это относилось к кочевым женщинам. Но защищались и права мусульманок из числа оседлых жителей. Статья 235-я Проекта 1867 г. указывала:

В делах брачных и посемейных сторона, недовольная решением казиев, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который или решает дело сам, или представляет на усмотрение военного губернатора³².

Несмотря на некоторую разницу формулировок, содержание двух статей можно считать идентичным. Таким образом, русская власть одинаково защищала права как кочевой, так и оседлой мусульманской женщины.

²⁸ Ювачев И. Курбан-Джа-Датха, каракиргизская царица Алая // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 955–981; Курбанджан-датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа: Материалы международной научной конференции 25 октября 2011 г. Бишкек, 2011. С. 344.

²⁹ ПСЗРИ-П. Т. 40. Отд.1: 1867. № 42372. С. 876–881.

³⁰ Там же. Т. 42. Отд. 1: 1871. № 44831. С. 1150–1151.

³¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 31.

³² Там же.

Здесь важно учесть, что, в отличие от краев, губерний и областей «внутренней» России, в которых полицейская власть в уездах была отделена от административной, в Туркестанском крае они выступали совместно. В Проекте 1867 г. отмечалось, что «уездный Начальник есть власть административная и полицейская»³³. Он указывал, что «уездный Начальник по делам полицейским пользуется правом Уездного Исправника»³⁴. Как начальник уездной администрации царский чиновник не имел права вмешиваться в «туземное» судопроизводство, однако как руководитель местной полиции должен был не только обеспечивать исполнение его постановлений, но и реагировать на жалобы, принесенные ему на судебные решения. Следует отметить, что полиция в Туркестане подчинялась не министерству внутренних дел, а военному министерству. Ее чины носили армейскую форму, в связи с чем ее иногда называли военной полицией.

Дореволюционный знаток Средней Азии И. Аничков писал о том, что статья 203-я проекта «Туркестанского положения» 1867 г. разрешала начальникам уездных полицейских управлений «выдавать открытые виды на проживание киргизкам, не пожелавшим выйти замуж по адату», и многие из них воспользовались этой статьей. Среди оседлых мусульманок протесты против насильственной выдачи замуж тоже имели место. Однако «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. отняло у них право «видеть в лице русского начальника единственный выход из своего невозможного положения»³⁵. Действительно, в период с 1867 г. до начала 1887 г. было немало случаев обращения мусульманских женщин к русским властям с жалобами на решения народных судов по их выдаче замуж.

Процедура обращения мусульманских женщин к русским властям за защитой была установлена царской администрацией региона. Они должны были подавать прошения на имя военных губернаторов области, которые отправляли документы на рассмотрение и принятие соответствующих мер начальникам уездной полиции. Если женщины-просительницы состояли до этого в браке, то уездные начальники обязательно обращались по их заявлениям в народные суды. Например, 24 февраля 1873 г. «киргизка» Верхне-Каратальской волости Копальского уезда Гайша Курбанова подала прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому, в котором сообщала, что после смерти первого мужа вторично была выдана отцом замуж за Курбана Файзуллина, который оказался пьяницей, промотал все имущество, а потом уехал в Ташкент и в течение семи лет не поддерживал с ней никаких связей. Просила выдать ей свидетельство о разводе с тем, чтобы вторично выйти замуж за «киргиза» Ахмеджана³⁶. 5 марта 1873 г. прошение Гайши отправили для рассмотрения начальнику Копальской уездной администрации и полиции. 10 мая 1873 г. последний сообщал военному губернатору о том, что муж Гайши, действительно, вел порочный образ жизни, бросил жену и находился в 7-летней отлучке. Поэтому он выдал «киргизке» свидетельство о разводе с Курбаном Файзуллиным³⁷. 29 мая 1873 г. Колпаковский, хорошо знавший «киргизский» язык и быт кочевников, писал начальнику Копальской уездной полиции о том, что тот не имеет права выдавать указанное свидетельство, поскольку на основании «Туркестанского положения» 1867 г. бракоразводные дела решаются в народном суде. Однако уездный полицейский начальник повлиял на суд биев,

³³ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. § 45-й. С. 9.

³⁴ Там же. § 60-й. С. 11.

³⁵ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899. С. 109.

³⁶ Центральный государственный архив Казахстана (далее – ЦГА Каз.). Ф. 44. Оп. 1. Д. 29846. Л. 3–3 об.

³⁷ Там же. Л. 2 об.

который признал выданное им свидетельство о разводе законным, и Гайша вышла замуж за избранного ею Ахмеджана. 23 февраля 1874 г. он доложил военному губернатору о том, что вопрос с жалобщицей-«киргизкой» решен окончательно, а дело «это не передается на народный суд, потому что иска никто не предъявил»³⁸.

В 1882 г. Семиреченская область как самая «кочевая» по составу населения была передана в ведение образованного Степного генерал-губернаторства (края)³⁹. Однако до принятия нового «Степного положения» от 25 марта 1891 г.⁴⁰ в ней продолжал действовать проект «Туркестанского положения» 1867 г., в том числе и упоминавшаяся выше статья 203-я. Поэтому в 1884 г. семиреченские власти также пытались помочь «киргизке» Дурдане Есенгуловой, подавшей 5 марта прошение военному губернатору, генерал-майору А.Я. Фриде. Она указывала, что уже дважды была замужем и оба супруга умерли. Теперь волостной управитель Сарымсак Айдосов выдал ее замуж за чужого человека Челобая Тойчубекова, у которого она уже живет второй месяц. Есенгулова просила наказать Айдосова и разрешить ей выйти замуж по собственному выбору. В прошении Дурдане особо отмечала, что уже подавала жалобу начальнику Верненского уезда, но он не помог ей⁴¹. Губернатор обратился за разъяснениями к последнему. 30 марта 1884 г. начальник Верненской уездной полиции писал генералу Фриде о том, что он разбирался с делом Есенгуловой и добился, чтобы ей дали свободу в желании выйти замуж по своей воле. Народный суд поддержал его, так как обычное право кочевников разрешало вдовам, пережившим период левирата – замужества за братом покойного мужа, самим выбирать себе нового мужа. Дореволюционный российский исследователь обычного права кочевников Туркестана Н. Малышев писал о том, что в «эреже»⁴² чрезвычайного съезда кочевых судей-биев г., в частности, отмечалось: «Вдова пусть по своей воле выходит замуж»⁴³. Некоторое время Есенгулова не давала о себе знать, но 20 августа 1886 г. она подала военному губернатору Семиреченской области новое прошение, в котором сообщала, что живет с Тойчубековым очень плохо, имущество покойного мужа у нее отняли. Она просила предоставить ей полную свободу и выдать о том «бумагу» для выбора того образа жизни, который она пожелает⁴⁴. 28 августа 1886 г. генерал Фриде писал Верненскому уездному начальнику о том, что поскольку Дурдане Есенгулова не воспользовалась данной ей в 1884 г. свободой выбора мужа, то ее дело нужно закрыть, обеспечив ей защиту от притеснений мужа и его родичей⁴⁵.

Было бы ошибочным полагать, что русская администрация в Средней Азии в женском вопросе слепо следовала букве закона, то есть принимала только жалобы на решения народных судов биев и казиев по брачно-семейным делам. На самом деле русские власти в регионе принимали жалобы и от мусульманских женщин, которые просили защитить их от давления родителей и родичей, требовавших от них выйти замуж за нелюбимых женихов. Приведем пример. 25 апреля 1875 г. «киргизка» Калипа Байменова подала прошение военному губернатору Семиреченской области, в котором жаловалась на то, что родители хотят выдать ее замуж против ее желания⁴⁶. 4 июня 1875 г. генерал Колпаковский предписал начальнику

³⁸ Центральный государственный архив Казахстана (далее – ЦГА Каз.). Ф. 44. Оп. 1. Д. 29846. Л. 6.

³⁹ ПСЗРИ-III. Т. 2. Отд.1: 1886. № 886. С. 211–212.

⁴⁰ Там же. Т. 11: 1894. № 7574. С. 133–147.

⁴¹ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 34270. Л. 3–4.

⁴² Коллективное правовое заключение кочевых судей-биев.

⁴³ Малышев Н. Обычное семейное право киргизов. Ярославль, 1902. С. 80.

⁴⁴ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп.1. Д. 34270. Л. 14–14 об.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ Там же. Д. 30105. Л. 1.

Сергиопольской уездной администрации и полиции помочь Калипе всеми возможными для него способами. 12 июня 1875 г. тот вызвал к себе Аягузского волостного управителя и приказал ему обязать родителей Байменовой не выдавать ее замуж насильно. Однако это не имело успеха, и 3 октября 1875 г. Калипа снова подала прошение военному губернатору, сообщая о том, что ее с 9 лет просватали за Мендыбая Когитаева и теперь заставляют выйти за него, чтобы не возвращать выплаченный калым. И она вновь просила защиты у русских властей⁴⁷. Колпаковский понимал всю сложность ситуации, но потребовал от начальника Сергиопольской полиции отчета о принятых мерах относительно Байменовой. 12 ноября 1875 г. он докладывал о том, о чем мы писали выше. На некоторое время дело заглохло, однако, как оказалось, Калипа продолжала упорствовать натиску родичей: 18 апреля 1877 г. она сообщала в прошении Колпаковскому о том, что терпит «невыносимые мучения» и просит разрешить ей выйти замуж за того, кого она сама выберет⁴⁸. Военный губернатор 15 мая 1877 г. потребовал от уездной полиции оградить Байменову от притеснений и положить конец ее истории. Архивное дело не указывает, к каким мерам прибег начальник Сергиопольского уезда, однако 25 сентября 1879 г. он сообщал генералу Колпаковскому о том, что Калипа вышла замуж за избранного ею самой «киргиза» Айбака Дюзмамбетова, но отвергнутый жених подал иск о возвращении калыма в народный суд, который вскоре будет рассмотрен⁴⁹.

В 1871 г. семиреченский губернатор получил прошение от дочери султана Джаная Джамилы, которая жаловалась на родичей, препятствовавших ей выйти замуж по собственному выбору⁵⁰. Колпаковский распорядился помочь «киргизке». Дело длилось три года, но девушка смогла с помощью русских властей добиться своего. В 1873 г. они же помогли «киргизке» Таке выйти замуж по своей воле за чужеродного для казахов татарина, хотя она с детства считалась невестой другого⁵¹. В 1874 г. к Колпаковскому обратилась с прошением «киргизка» Маргуба. Она жаловалась на то, что отец заставляет ее выйти замуж за нелюбимого человека⁵². Генерал, которого очень уважало «туземное» население, лично приложил усилия для решения этого вопроса⁵³. В 1877 г. начальник Сергиопольской администрации и полиции прислал Колпаковскому вместе с рапортом прошение «киргизки» Кульбай, в котором она жаловалась на то, что ее отец и родичи препятствуют ей выйти замуж за любимого человека. Генерал приказал начальнику Сергиопольской полиции повлиять на родных казашки, что и было сделано⁵⁴.

Таким образом, российские власти, используя административно-полицейский ресурс, обходили традиционные нормы и становились на защиту прав женщин-мусульманок.

О переходе мусульманских женщин в православие

Одним из надежных способов упрочения правового положения мусульманских женщин Русского Туркестана и обеспечения его полицейской защитой было принятие ими «господствующей веры» – православия. Следует заметить, что конфессиональные переходы происходили еще до присоединения Средней Азии к России. И пионерами изменения веры здесь были опять-таки мусульманки-кочевницы.

⁴⁷ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп.1. Д. 30105. Л. 5–5 об.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ Там же. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Д. 29963. Л. 1–1 об.

⁵¹ Там же. Д. 29898. 1, 4, 6 об.

⁵² Там же. Д. 29938. Л. 1–1 об.

⁵³ Там же. Л. 2–5.

⁵⁴ Там же. Д. 21219. Л. 3–4.

Уже в Северном Туркестане (так называемой «Киргизской степи») имели место случаи добровольного принятия казахами православной веры. Например, так поступила казашка Кармыза, которая была девочкой отдана в жены нелюбимому человеку. После замужества она не раз сбежала в соседние русские селения Оренбургского казачьего войска, спасаясь от жестокого обращения мужа. Казашка Мария Тушканова принимала ее, помогала и знакомила с основами православной религии. Попытки казахов принудить ее вернуться к мужу не имели успеха, так как Кармыза приняла православие под именем Марии Косьминичны Кабановой и получила право на защиту со стороны царской власти (полиции). Со временем она даже совершила паломничество в Москву и Киев и стала проповедовать православие среди казахов, за 30 лет обратив в христианство более 200 чел., преимущественно женского пола. В 1870 г. ее удостоила приема императрица Мария Александровна, сделавшая пожертвование в фонд помощи казахам – неофитам православия. Осенью 1890 г. Мария Косьминична была пострижена в монахини под именем Манефы, а вскоре, 22 октября 1890 г., скончалась в возрасте 59 лет⁵⁵.

В Русском Туркестане ее пример получил распространение после того, как «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. отменило право мусульманских женщин обращаться к русской администрации и полиции в вопросах брачно-семейных отношений и выхода замуж по своей воле⁵⁶. Поэтому мусульманки стали чаще обращаться с просьбами о крещении их с тем, чтобы избавиться от традиции выхода замуж за нелюбимого человека под давлением семьи, заранее получившей за нее калым. Так, например, 11 июня 1890 г. «киргизка» Курдайской волости Бекубаева подала прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору Г.И. Иванову о том, что она хочет принять крещение, однако встречает сопротивление со стороны мужа и родственников. Просила оградить ее от их притеснения до тех пор, пока ее не окрестят⁵⁷. После настойчивых усилий полицейской власти по защите прав потенциальной христианки ее муж Калиулла Бекубаев тоже попросил крестить его в православие. Мусульманка Тынчтык Саксенбаева подала 21 сентября 1890 г. прошение военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору Г.И. Иванову о своем желании принять православие. Она писала о том, что муж и родители хотят ее за это убить и просила помочь ей. 25 сентября 1890 г. семиреченский губернатор сообщал начальнику Верненской уездной полиции: «Прошу оказать ей защиту от преследования ее и угроз со стороны мужа ее и других киргизов»⁵⁸. Уездный начальник, в лице которого мусульмане привыкли видеть главную русскую власть над собой, сумел исполнить просьбу губернатора, прибегнув к угрожающей риторике – в итоге Саксенбаева была благополучно окрещена. Священник Дмитрий Муромцев писал о том, что в станице Саркандской епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий (Абашидзе) столкнулся с группой «киргизов» – женщины и мужчин. Женщина пыталась прорваться к епископу, а мужчины ее сдерживали. Выяснилось, что она хотела уйти от законного, но нелюбимого ею мужа, заплатившего за нее калым. «Киргизка» просила разрешить ей принять православие с тем, чтобы избавиться от притязаний мужа и обратиться к любви по собственному выбору⁵⁹.

⁵⁵ Муқаналиева А.М. Из истории развития православного миссионерства на территории Западного Казахстана // Сборник материалов XLI Международной научно-практической конференции. 23 ноября 2018 г., г. Москва. М., 2018. С. 23.

⁵⁶ ПСЗРИ-III. Т. 6: 1888. № 3814. С. 318–344.

⁵⁷ ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 31510. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Л. 13.

⁵⁹ Туркестанские епархиальные ведомости. 1907. 15 октября. № 20. Часть неофициальная. С. 488.

Среди мусульманок из числа оседлых жителей Русского Туркестана случаи перехода из ислама в христианство тоже имели место, однако реже по сравнению с кочевницами. Так, например, в феврале 1893 г. в Самарканде приняла православие бухарская подданная-мусульманка Нахос-Ходжа. В крещении она получила имя Мария Ивановна Бабаева. В 1894 г. она вернулась в Бухару, где была известна как проститутка. Узнав о ренегатстве женщины, местные фанатики едва не убили ее. Российскому политическому агенту в Бухаре П. Лессару едва удалось переправить ренегатку в Самарканд⁶⁰. Благодетель православных церквей Самаркандского округа, о. Михаил (Омелюстный) окрестил в октябре 1912 г. бездетную и незамужнюю жительницу г. Катта-Кургана Харнису Мухамедминовну Шемьянову⁶¹.

Однако не все женщины-мусульманки допускались к принятию крещения. Например, 28 сентября 1876 г. начальник Ташкентской тюрьмы писал начальнику городской полиции о том, что содержащаяся в заключении по подозрению в убийстве мужа Ядыгарая «сартянка»⁶² Тадми Баймагомедова подала прошение о принятии ею православия⁶³. 20 октября 1876 г. городской начальник обратился по этому поводу к благодетелю православных церквей Сырдарьинской области, протоиерею Андрею (Малову). Но он не разрешил «уголовнице» принять крещение⁶⁴. Такая же проблема возникла в 1877 г., когда сидевшая в ташкентской тюрьме за занятие проституцией жительница Чимкентского уезда Азизхан Файзильбаева подала прошение о принятии православия. Но ей тоже было отказано в крещении⁶⁵. Известный туркестанский деятель Н.П. Остроумов сообщал о конфликте самаркандского священника Н. Высоцкого с начальником Зеравшанского округа, генерал-майором Н.А. Ивановым⁶⁶ относительно «присоединения» к православию «туземной» женщины, пребывавшей до этого в местном публичном доме. Иванов полагал, что ее крещение оскорбит «господствующую» веру. Его поддержал и «Главный начальник» края генерал К.П. фон Кауфман, усмотрев в желании «сартянки» креститься только корыстные намерения⁶⁷. В результате мусульманская «куртизанка» осталась в своей прежней вере. Жительница Закаспийской области Фатьма Сулейман-кызы 16 марта 1885 г. подала прошение о желании принять православие. Однако наведенные о ней справки показали, что она отличается «легким поведением» и хочет принять христианство для того, чтобы расторгнуть мусульманский брак с мужем и жить свободно⁶⁸. 6 апреля 1885 г. начальник Ахалтекинського уезда, полковник Невтонов объявил Фатьме об отказе властей на ее «просьбу о переходе из магометанства в православие»⁶⁹.

Приведенные факты перехода мусульманок в православие свидетельствуют об определенной тенденции, которая требует дальнейших изысканий, создающих базу для статистических обобщений. Но очевидно то, что русские власти оказывали поддержку мусульманкам, решившим принять православие, а сам переход создавал для администрации основу для защиты прав женщины.

⁶⁰ Центральный государственный архив Узбекистана (далее – ЦГА Узб.). Ф. 1. Оп. 29. Д. 1083. Л. 4 об.

⁶¹ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3279. Л. 12.

⁶² Сартами называли оседлых жителей Туркестанского края.

⁶³ ЦГА Узб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1315. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Л. 2 об.

⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶ Был туркестанским генерал-губернатором в 1901–1904 гг.

⁶⁷ *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент, 1899. С. 107.

⁶⁸ Центральный государственный архив Туркменистана. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2822. Л. 3.

⁶⁹ Там же. Л. 4–4 об.

Выводы

Таким образом, положение женщины в Российской империи определялось законами, а также традиционными нормами права. Государство во многом законодательно защищало ее права. На положение женщин влияли также региональный и этноконфессиональные факторы. С их учетом государство регулировало женский вопрос в мусульманских регионах Российской империи, во многом опираясь на провозглашенный генерал-губернатором Туркестанского края К.П. фон Кауфманом принцип «игнорирования» ислама, означавший проведение политики веротерпимости и невмешательства в традиционные устои.

Однако по мере освоения Средней Азии конфликт между модернизирующимся государством и традиционным среднеазиатским обществом стал нарастать, что отразилось наряду с прочим на положении женщин региона, привело к обострению женского вопроса. При этом следует учесть неоднородность женского социума, который делился на кочевых и оседлых обитательниц края. Их положение в доимперский период регулировалось традиционными нормами и шариатом, и было в значительной мере бесправным. Они одинаково вынуждены были выходить замуж не по своему выбору, а за калымные выплаты. Царское правительство ввело в проект «Туркестанского положения» 1867 г. нормы, позволяющие мусульманкам в брачно-семейных делах обращаться за помощью к администрации и полиции Русского Туркестана. Это дало некоторый эффект, преимущественно в кочевой среде региона. Но с принятием «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. мусульманские женщины утратили право обращения за помощью к русской власти по брачным делам. Теперь они могли приобрести свободный статус только через принятие православия. В целом, несмотря на все сложности, положение мусульманской женщины в Средней Азии при русской власти заметно улучшилось по сравнению с периодом до присоединения региона к России.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2024

References

- Abashin, S.N. *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: in search of identity]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2007 (in Russian).
- Anichkov, I. *Ocherki narodnoi zhizni Severnogo Turkestana* [Essays on the folk life of Northern Turkestan]. Tashkent: F. i G. br. Kamenskie Publ., 1899 (in Russian).
- Ayubzhanova, M. “Zhenskii vopros v dorevolucionnom Turkestane [Women's issue in pre-revolutionary Turkestan].” *Sbornik rabot aspirantov TashGU. Vyp. 254. Istoriya*. Tashkent: Izd. Tashkentskogo universiteta im. V. I. Lenina Publ., 1964 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. “Pervonachal'nyi islam i zhenshchina [The original Islam and the woman].” In vol. 6 of *Sochineniia*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1966 (in Russian).
- Bekturganova, K.A. “Istoricheskie obrazy kyrgyzskikh zhenshchin: ot Kanykei do Kurbandzhan [Historical images of Kyrgyz women: from Kanykei to Kurbandzhan].” In *Kurbandzhan datka – vydaiushchiisia politicheskii i obshchestvennyi deiatel' kyrgyzskogo naroda. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabria 2011 g.* [Kurbanjan datka – an outstanding political and public figure of the Kyrgyz people. Proceedings of the International Scientific Conference of October 25, 2011], 158–166. Bishkek: KRSU Publ., 2011 (in Russian).
- Chenchik, V.A. “O polozhenii zhenshchiny v Turkmenii [On the status of women in Turkmenistan].” *Izvestiia AN Turkmenskoi SSR. Seriya: Obshchestvennye nauki* [News of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. Series: Social Sciences], no. 4 (1964): 30–38 (in Russian).

- Cobbold, R.P. *Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs*. London: W. Heinemann, 1900 (in Russian).
- Divanova, T. “Kalym i prichiny, sposobstvuiushchie ego sokhraneniui [Kalym and the reasons contributing to its preservation].” In *Voprosy istorii i prava. Sbornik statei prepodavatelei vuzov TSSR* [Questions of history and law. Collection of articles of teachers of higher education institutions of the TSSR], 114–118. Ashgabat: [N.s.], 1972 (in Russian).
- Dzhalilov, A. *Iz istorii polozheniia zhenshchin Srednei Azii do i posle rasprostraneniia islama* [From the history of the position of women in Central Asia before and after the spread of Islam]. Moscow: [N.s.], 1874 (in Russian).
- Hedin, S. *My life as explorer*. New York: Boni & Liveright, 1925.
- Kozhonaliev, S.K. *Sud i ugolovnoe pravo kirgizov do Oktiabr'skoi revoliutsii (1850–1917 gg.)* [Kyrgyz court and Criminal law before the October Revolution (1850–1917)]. Alma-Ata: [N.s.], 1967 (in Russian).
- Lansdell, H.D.D. *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885.
- Malyshev, N. *Obychnoe semeinoe pravo kirgizov* [Customary family law of the Kyrgyz]. Yaroslavl: tip. Gubernskogo pravleniia Publ., 1902 (in Russian).
- Mirmamatova, R.A., and Mamadaliev, I.A. “On the Issue of Emancipation of Females-Muslims in Middle Asia in the second Half of the XIX-th – the Beginning of the 20-th Centuries (on the material of Turkestan collection).” *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*, no. 2 (2014): 149–155 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanov Publ., 2015 (in Russian).
- Mukanalieva, A.M. “Iz istorii razvitiia pravoslavnogo missiionerstva na territorii Zapadnogo Kazakhstana [From the history of the development of Orthodox missionary work in Western Kazakhstan].” In *Sbornik materialov XLI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 23 noiabrya 2018 g., g.*, 21–24. Moscow: Olimp Publ., 2018 (in Russian).
- Nalivkin, V.P., and Nalivkina, M. *Ocherk byta zhenshchiny osedlogo naseleniia Fergany* [Essay on the life of a woman of the settled population of Fergana]. Kazan: Imperial Kazan University Publ., 1886 (in Russian).
- Ostroumov, N.P. *Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraia* [Konstantin Petrovich von Kaufman, organizer of the Turkestan region]. Tashkent: I.N. Kushnerev i K° Publ., 1899 (in Russian).
- Ostroumov, N.P. *Sovremennoe pravovoe polozhenie musulmanskoj zhenshchiny* [Modern legal status of Muslim women]. Kazan: Provincial Administration Publ., 1911 (in Russian).
- Palvanova, B. *Oktiabr i zhenshchiny Turkmenistana* [October and Women of Turkmenistan]. Ashgabat: Turkmenistan Publ., 1967 (in Russian).
- Ploskikh, S.V. “Vlast i zhenshchiny v kyrgyzskom obshchestve XIX v. [Power and women in Kyrgyz society of the XIX century].” In *Kurbanjan datka – vydayushchiisia politicheskii i obshchestvennyi detatel' kyrgyzskogo naroda. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabria 2011 g.* [Kurbanjan datka – an outstanding political and public figure of the Kyrgyz people. Proceedings of the International Scientific Conference of October 25, 2011], 170–176. Bishkek: KRSU Publ., 2011 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender Theory and Historical Knowledge]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. *Russkaia zhenshchina – istoriia i sovremennost: dva veka izucheniiia ‘zhenskoi temy’ russkoi i zarubezhnoi naukoj. 1800–2000: materialy k bibliografii* [Russian woman – history and modernity: two centuries of studying the ‘women’s theme’ by Russian and foreign science. 1800–2000: materials for a bibliography]. Moscow: Ladimir Publ., 2002 (in Russian).
- Shkapsky, O. “Polozhenie zhenshchin u kochevnikov Srednei Azii [The position of women among the nomads of Central Asia].” *Sredneaziatskii vestnik* [Central Asian Bulletin], no. 6 (1896): 1–19; no. 7 (1896): 34–53 (in Russian).
- Vamberi, A. *Puteshestvie po Srednei Azii. Opisaniie poezdki iz Tegerana cherez Turkmenskuiu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo moria v Khivu, Bukharu i Samarkand, sovershennoi v 1863 godu* [Travel to Central Asia. Description of a trip from Tehran across the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand, made in 1863]. St. Petersburg: tip. Yu.A. Bokrama Publ., 1865 (in Russian).
- Voroshilova, S.V. “The position of women in a peasant family in pre-revolutionary.” *History of State and Law*, no. 3 (2012): 14–16 (in Russian).

- Yuvachev, I. “Kurban-Dzha-Datha, kara-kirgizskaya carica Alaya [Kurban-Ja-Datha, kara-the Kyrgyz Queen Alaya].” *Istoricheskii vestnik*, no. 12 (1907): 955–98 (in Russian).
- Zhakupova, A. *Razvitie semeino-brachnykh otnoshenii v Kazakhstane* [Development of family and marriage relations in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1971 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Вячеслав Петрович Литвинов, кандидат исторических наук, Елецкий районный отдел народного образования; Россия, 99740, Россия, Елец, ул. Ст. Разина, 21а; litwinov.slav@yandex; SPIN-код: 9120-1652.

Vyacheslav Petrovich Litvinov, PhD in History, Yelets regional department of national education; 21a, St. Razin Str., Yelets, 399740, Russia; litwinov.slav@yandex.ru; SPIN-code: 9120-1652.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>
EDN: RBCTDL

Научная статья / Research article

Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия

Владимир Николаевич Шайдуров , Никита Александрович Осипов

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

 s-w-n@mail.ru

Аннотация: Рассматривается положение немецкого сообщества в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. Источниковой основой исследования стали опубликованные материалы городских переписей населения 1869 и 1900 гг. и Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по г. Санкт-Петербургу, а также медицинские описания торгово-промышленных заведений столицы; делопроизводственные документы, в том числе прошения ремесленников и иных лиц, переписка органов городского самоуправления с центральными ведомствами, контракты на выполнение заказов, выявленные в хранилищах центральных и региональных архивов Российской Федерации. Проведенное исследование показало, что в 1860–1900-е гг. произошло перемещение основной массы немцев-горожан из центральных частей Санкт-Петербурга в новые районы, что было вызвано экономическими причинами. В промышленных частях города женщины-немки составляли большинство в своей этнической группе. В конце XIX – начале XX в. немцы продолжали играть важную роль в системе межэтнического разделения труда. В образовании, медицине, кредитных учреждениях они занимали доминирующие позиции. Несмотря на бурное развитие крупной промышленности, в городской экономике продолжали играть важную роль ремесленники, среди которых немцы сохраняли заметное влияние.

Ключевые слова: межэтническое разделение труда, мелкотоварное производство, трудовая миграция, фронтирная территория, теория модернизации

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Осипов Н.А. Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>

The Germans of St. Petersburg from the 1860s to 1914: Number, Distribution, and Economic Activities

Vladimir N. Shaidurov , Nikita A. Osipov

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia

 s-w-n@mail.ru

Abstract: The authors examine the situation of the German community in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX century. The research is based on the published materials of the urban population censuses of 1869 and 1900 and the First General Census of Population of 1897 in St. Petersburg, as well as medical descriptions of commercial and industrial establishments of the capi-

tal. These office documents including petitions from artisans and other persons, correspondence between the bodies of city management and central departments, contracts for the execution of orders found in the central and regional archives of the Russian Federation. The research shows that in the 1860s and 1900s, the bulk of German citizens moved from the central parts of St. Petersburg to newly built areas of the city largely due to the economic reasons. In the industrial parts of the city, German women made up the majority of ethnic Germans. In the late XIX – early XX century, the German population continued to play an important role in the system of interethnic division of labor of city. They occupied dominant positions in education, medicine, and credit institutions. In addition, despite the rapid development of large-scale industry, artisans still played an important role in the urban economy and the Germans continue to make a significant impact.

Keywords: interethnic division of labor, small-scale production, labor migration, frontier territory, modernization theory

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

For citation: Shaidurov, V.N., Osipov, N.A. “The Germans of St. Petersburg from the 1860s to 1914: Number, Distribution, and Economic Activities.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>

Введение

Актуальность. С момента образования Санкт-Петербург являлся многонациональным городом. С 1720-х гг. петербургские немцы представляли собой одно из наиболее многочисленных этнических сообществ после русских. Почти половина из них представляла собой мещанское сословие, вовлеченное в мелкотоварное производство. Активная экономическая деятельность немцев столицы способствовала превращению их в важный компонент городской жизни.

Степень изученности проблемы. История ремесленного производства Санкт-Петербурга имеет свою историографию. Собственно научное изучение темы началось лишь в советское время. Монография К.А. Пажитнова была посвящена анализу российского законодательства о ремесленных цехах¹. Однако авторы крайне редко обращались непосредственно к изучению истории мелкотоварного производства, которая оказалась в тени истории крупной промышленности. Это можно наглядно продемонстрировать на примере второго тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного периоду капитализма, авторы которого основное внимание сконцентрировали на специфике развития в городе крупных предприятий в различных отраслях. Отмечалось, что хотя в условиях развития капитализма мелкое производство постепенно вытеснялось, тем не менее сохранялось значение ремесленных мастерских в отдельных сферах².

Важный вклад в изучение истории ремесленного мира Санкт-Петербурга внес А.В. Келлер³. Можно согласиться с мнением автора, что во второй половине XIX – начале XX в. ремесленники оставались неотъемлемой частью городской столичной жизни.

Отдельные публикации о немецких ремесленниках Санкт-Петербурга стали появляться с конца 1990-х гг.⁴

¹ См.: Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

² См.: Киреев Н.В., Вяткин М.П. Промышленность // Очерки истории Ленинграда. Т. 2: Период капитализма. Вторая половина XIX века. М.; Л., 1957. С. 122–123.

³ См.: Келлер А.В. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб., 2020.

⁴ См.: Репина А.В. Немецкие булочники в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger Deutsche. СПб., 1999. С. 197–204.

Цель исследования – определить основные тенденции развития немецкого ремесленного сообщества в 1860–1910-е гг. Для этого проведен анализ численности и размещения немцев в Санкт-Петербурге по материалам городских переписей 1869 и 1900 гг., участия немцев в системе межэтнического разделения труда на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделено особенностям мелкотоварного производства.

Источниковая база. Поставленные исследовательские задачи определили использование различных видов источников. Высокую информативность сохраняют изданные результаты переписей. Их анализ позволяет определить динамику численности и размещения немцев в городском пространстве, структуру хозяйственных занятий, удельный вес в той или иной сфере деятельности. Уникальным источником о городской жизни являются материалы учета промышленного производства, в том числе медицинские описания торгово-промышленных заведений, составленные по распоряжению градоначальников. Представленный в них материал позволяет представить объективную ситуацию, например, о медико-санитарном состоянии предприятий и ремесленных мастерских. Использованные делопроизводственные и иные документы были выявлены в фондохранилищах Государственного архива Российской Федерации (Ф. 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии), Российского государственного исторического архива (Ф. 490. Петергофское дворцовое управление МИДв; Ф. 497. Дирекция Императорских театров МИДв), Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (Ф. 223. Петроградская ремесленная управа; Ф. 479. Петроградская казенная палата; Ф. 569. Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции; Ф. 752. Санкт-Петербургская трактирная депутация при Санкт-Петербургском общественном управлении), Научного архива Русского географического общества (Ф. Р-108. Фонд П.И. Кеппена).

Методологической основой исследования является теория модернизации в контексте ее воплощения на фронтальной территории. Санкт-Петербург являлся важным связующим звеном с Европой Северо-Запада и России в целом. Через него с трудовыми мигрантами из Германии, например, проникали новые технологии, формы социокультурной организации, которые получали широкой распространение.

Численность и размещение немцев в Санкт-Петербурге (по материалам городских переписей)

По данным городской переписи 1869 г., в Санкт-Петербурге проживало 45,5 тыс. немцев обоего пола разных исповеданий. На период 1870-х гг. их численность составила уже 46,5 тыс. чел.⁵, то есть не более 7 % от общей численности населения города в 668 тыс. чел. В конфессиональном отношении доминировали лютеране, составившие почти 93 % немецкого населения столицы.

Мещанство являлось самым многочисленным немецким сословием в рассматриваемый период. По данным городской переписи, оно насчитывало 14 444 чел. обоего пола, что составило 60,4 % от числа петербургских инородцев, а всего доля немцев среди мещан столицы составила 11,7 %. Далее следовали потомственные и личные дворяне (около 16,9 %). На долю немцев-военных пришлось 3,6 %, крестьяне в городе составляли лишь 5,4 %. Невелико было число немцев – почетных граждан и купцов. Так, доля почетных граждан среди них колебалась от 1,1 %

⁵ Научный архив Русского географического общества. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22. Л. 352.

среди католиков до 3 % среди православных, а купцов – 5,5 % (католики) до 7,5 % (протестанты). В то же время число немцев среди этих страт относительно других «инородцев» было достаточно велико: среди почетных граждан и купцов они составили 72,3 % и 65,5 % соответственно⁶. Также значимой доля немцев была в этих сословиях и относительно общей их численности. Среди почетных граждан немцы в общей сложности составляли 18,7 %, а среди купечества – 15 %. И по этим показателям они находились на втором месте после русских.

Распределение немцев в городском пространстве было неравномерным. Так, значительная их часть проживала в центральных частях столицы (Адмиралтейская, Казанская, Спасская) (43,7 %). Многочисленным было немецкое население Васильевского острова (15,4 %) и Литейной части (11,3 %). Эти городские районы являлись к середине XIX в. традиционными местами расселения немцев. Подобная картина наблюдалась и в первой четверти XIX в., о чем свидетельствует анализ созданной нами в рамках проекта «Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества» базы данных о ремесленном населении Санкт-Петербурга на основе материалов С. Аллера⁷.

Однако с расширением границ немцы расселялись и в других частях города. Можно с уверенностью утверждать, что преимущественно в промышленных районах (Нарвская, Московская, Петербургская, Выборгская части) поселялись ремесленники, открывавшие здесь свои мастерские.

На размещение немецкого населения в городе оказывал влияние и экономический фактор. Если посмотреть на соотношение мужского и женского населения, то можно выделить городские части с заметной диспропорцией. Так, в 6 городских частях из 12 отмечается значительное преобладание женщин. Наибольший дисбаланс отмечался в Рождественской и Коломенской частях (63 и 59 % женщин соответственно). Несколько меньшим он был в Литейной (58 %), Васильевской (57 %) и Московской (57 %) частях⁸. Объяснить это можно высокой степенью концентрации промышленных предприятий, на которых было занято большое количество женщин. В первую очередь, они работали на ткацких мануфактурах и проживали в фабричных бараках при них. Так, в Рождественской части они трудились на фабрике Товарищества шерстяных изделий «Торнтон», Невской бумагопрядильной мануфактуре Л. Штиглица, в Коломенской – на фабрике шелковых изделий А.И. Ниссена, в Васильевской – на ткацкой мануфактуре, принадлежавшей обществу «Российская бумагопрядильная мануфактура», ситценабивной фабрике «Я. Лютш», в Нарвской – на Российской бумагопрядильной мануфактуре.

В пореформенный период Санкт-Петербург стал одним из наиболее динамично развивавшихся городов Российской империи. Здесь продолжали работу старые мануфактуры, одновременно с этим появляется большое количество новых предприятий. Для их строительства отводились земельные участки на тогдашних окраинах (Выборгская, Александро-Невская, Петербургская, Московская, Нарвская части). Это, в свою очередь, порождало не только потребность в рабочих руках, но и влекло за собой перераспределение уже имевшихся трудовых ресурсов, что подтверждают материалы городских переписей (см. табл. 1).

⁶ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1. С. 124, 126.

⁷ Ремесленники Санкт-Петербурга в 1822 г. // Немцы Санкт-Петербурга: история формирования и эволюции этнического сообщества [сайт]. URL: <http://germspb.ru/speciality1823> (дата обращения: 16.01.2024 г.).

⁸ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года... С. 30, 45, 54.

Распределение немцев по различным частям г. Санкт-Петербурга, чел.

Часть города	1869 г., обоего пола	1900 г., обоего пола
Адмиралтейская	4273	2313
Казанская	8307	4825
Спасская	7289	3372
Коломенская	2273	2232
Нарвская	2797	3432
Московская	3280	4153
Александрово-Невская	964	1455
Рождественская	1446	2081
Литейная	5124	4839
Васильевская	7006	8110
Петербургская	1868	4958
Выборгская	885	2096

Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1: Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб., 1872. С. 124, 126; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года / [под ред. Н.А. Федулова]. Вып. 1: Численность и состав населения по полу, возрасту, месту рождения (в Санкт-Петербурге или вне его), времени поселения в Санкт-Петербурге, семейному состоянию, грамотности, сословию, вероисповеданию и родному языку. СПб., 1903. С. 51.

Как видим, произошел значительный прирост численности немцев именно в развивающихся промышленных частях столицы, тогда как в центре отмечается их сокращение. В Адмиралтейской, Казанской, Спасской частях жили наиболее зажиточные слои. Развитие магазинной торговли постепенно вытесняло мелкие лавки, поэтому многие ремесленники (булочники, кондитеры, колбасники, портные, сапожники и пр.) перемещаются вместе с мастерскими в новые районы, которые могут обеспечить их постоянно растущей клиентурой.

Немцы Санкт-Петербурга в системе межэтнического разделения труда на рубеже XIX–XX вв.

Одной из характерных черт полиэтнического города является межэтническое разделение труда. Представители той или иной группы занимали экономические ниши, которые были им традиционно близки. Санкт-Петербург не был исключением. Во второй половине XIX в. этнический состав городского населения стал более пестрым за счет массовой внутренней миграции в столицу евреев, финнов, эстонцев, латышей. Немцы продолжали играть заметную роль в городской экономике, что подтвердили данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Анализ основных видов хозяйственной деятельности позволяет сделать вывод о том, что больше 40 % самостоятельных хозяев были заняты в производственной сфере⁹. Соотношение мужчин и женщин составило 3:1. Сравнивая немцев, например, с еврейским населением столицы, можно отметить общую картину. Правда, доля евреев-производственников была гораздо выше и составила 70 % (56 % мужчин и 14 % женщин).

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1903. Т. 37. С. 214.

Можно выделить несколько занятий, которые были широко распространены у немцев. Это, например, обработка металлов (1 600 мужчин и 26 женщин)¹⁰, переработка животных и растительных продуктов (611 мужчин и 199 женщин), обработка дерева (580 мужчин и 6 женщин), полиграфическое производство (772 мужчины и 47 женщин). Как видим, традиционно владельцами предприятий были мужчины. Лишь в одной сфере (изготовление одежды) число женщин значительно превосходило мужчин (1 335 и 728 соответственно)¹¹.

Важной для немецкого населения Санкт-Петербурга была работа по найму (10 % мужчины и 19,5 % женщины)¹². Это были различные формы занятости, среди которых все большее значение стала приобретать работа на промышленных предприятиях. На это указывает и приведенная выше статистика о распределении женщин по частям города и их преобладании в местах концентрации промышленных предприятий.

Традиционной для немцев оставалась и сфера услуг, в которую отнесены учебная и воспитательная, врачебная и санитарная деятельность, извозный промысел, кредитная и банковская сфера. В ней было занято около 17,3 % немцев. Участие мужчин и женщин было примерно одинаковым (9,5 и 7,8 % соответственно)¹³. Однако в учебной и воспитательной сферах женщины явно доминировали (соотношение 3:1).

Торговля для немцев в конце XIX – начале XX в. не представляла особого интереса как сфера хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствует тот факт, что в нее было вовлечено лишь 10,5 % самостоятельных хозяев. В этом отношении они отличались, например, от еврейского населения столицы, для которого торговля находилась на втором месте (занято более 18 % самостоятельных хозяев)¹⁴.

Анализ межэтнического разделения труда в Санкт-Петербурге не представляется возможным без определения доли немцев в общегородской массе в той или иной группе занятости. Это позволяет определить их вклад в общее развитие городского хозяйства. Нами были выделены те виды деятельности, в которых они составили более 2 % от общего числа занятых (см. табл. 2).

Таблица 2

Немцы Санкт-Петербурга в системе межэтнического разделения труда, %

Группа занятий	Мужчины, %	Женщины, %
Учебная и воспитательная деятельность	7,27	14,51
Врачебная и санитарная деятельность	10,6	5,5
Деятельность и служба частная. Поденщики и прислуга	2,5	3,55
Обработка металлов	3,11	Менее 1,0
Полиграфические производства	5,64	Менее 1,0
Инструмент физический, оптический, хирургический, часы и игрушки	15,3	15,21
Ювелирное дело, предметы роскоши	3,2	3,66
Изготовление одежды	2,32	4,78
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	21,01	Менее 1,0
Торговое посредничество	7,59	31,82
Торговля вообще, без точного определения	5,3	15,66
Проституция	9	5,9

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 37. Город Санкт-Петербург. СПб., 1903. С. 214.

¹⁰ Указывается количество владельцев предприятий.

¹¹ Первая всеобщая перепись... С. 214.

¹² Там же. С. 214.

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Там же. С. 215.

Представленные данные позволяют выделить сферы, в которых немцы играли важную роль. Так, каждый десятый медицинский работник, каждый седьмой производитель сложных и точных инструментов, каждый пятый служащий кредитных и общественных коммерческих учреждений были немцами. В целом же данная тема нуждается в более глубокой проработке с привлечением дополнительных источников.

Немецкие ремесленники в Санкт-Петербурге в 1860-х – 1914 гг.

Как отмечалось выше, значительную часть немецкого населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. составляли мещане, занимавшиеся различными ремеслами. Мелкотоварное производство сохраняло свое значение для городской экономики. В некоторых отраслях производительность ремесленных мастерских была выше фабрично-заводской (производство одежды, обуви). Исследователи указывают на большую роль мелкого производства в пищевой, дерево- и металлообрабатывающей промышленности¹⁵.

Немецкие ремесленники, в зависимости от подданства, были записаны в российские или иностранные цехи. Однако для городского обывателя это различие оставалось незаметным. По данным Петербургской иностранной ремесленной управы, на 1858 г. в столице в 30 цехах числилось 959 мастеров, которые платили казенную подать¹⁶. Самыми многочисленными были булочный (166 мастер) и портной (159 мастеров) цехи. К 1915 г. в цехи, подчиненные Иностранной ремесленной управе, входило 372 иностранца, из которых 260 были немцами или австрийцами¹⁷. Существенное сокращение числа иностранных мастеров было связано, в первую очередь, с государственной политикой. Так, согласно циркуляру Департамента полиции исполнительной от 4 февраля 1881 г. иностранцам, утратившим подданство, в пятилетний срок следовало принять российское подданство¹⁸.

Вплоть до 1914 г. власти не обращали особого внимания на ремесленный мир. Сохранялось, например, вековое требование обязательной приписки к ремесленному цеху для желающего открыть ту или иную мастерскую. Так, в 1907 г. представитель торгового дома «Э.И. Борель» подал прошение в Санкт-Петербургскую Ремесленную Управу о его причислении в булочно-кондитерский цех, предъявив при этом купеческое свидетельство первого разряда¹⁹. Появлявшиеся нормативные акты зачастую регламентировали отдельные стороны жизни ремесленников и ремесленного производства. Так, в 1904 г. были внесены некоторые изменения в требования к пекарням²⁰.

Во второй половине XIX – начале XX в. сохранялись разные источники для формирования ремесленных кадров. Так, широко применялась практика приема учеников со стороны. Большинство учеников были русскими. Но среди них встречались и выходцы из петербургских колоний²¹, которых родители отдавали в уче-

¹⁵ Киреев Н.В., Вяткин М.П. Промышленность // Очерки истории Ленинграда. Т. 2: Период капитализма. Вторая половина XIX века. М.; Л., 1957. С. 123.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 1. Д. 17. Лл. 18 об. – 19.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278. Оп. 7. Д. 227. Л. 3.

¹⁸ Мыш М.И. Об иностранцах в России (сборник узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями). СПб., 1888. С. 54.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 6404. Л. 1.

²⁰ Обязательные постановления об устройстве и содержании пекарен при булочных, кондитерских и хлебопекарных заведениях и хлебопекарен при мелочных лавках // Известия Санкт-Петербургской Городской Думы. 1904. № 4. С. 17.

²¹ Несмотря на то, что в 1871 г. была проведена реформа, в ходе которой юридически статус «колоний» для поселений и «колонисты» для их жителей были упразднены, оба термина использовались вплоть до начала 1920-х гг.

ние. Подобная практика была сопряжена, в первую очередь, с существовавшей в колониях подворной системой землевладения и наследования, когда все имущество безраздельно переходило от отца к старшему сыну. Другие сыновья, от рождения не имевшие права на земельный надел, должны были изыскивать иные способы к содержанию своих семей. Получив удостоверение подмастерья или диплом мастера, колонисты стремились причислиться в ремесленный цех. Так, в 1889 г. Федор Фитцлер, приписанный к Александрийской колонии в Петергофе, заявил о своем желании вместе с семьей выйти из сельского общества и приписаться к ремесленникам Санкт-Петербурга. Обществу же он объявил о том, что хлебопашества не знает, но обучен слесарному мастерству, имея о том соответствующий диплом²².

Другим источником стал приток трудовых мигрантов из-за границы. Так, в 1870-х гг. в Санкт-Петербурге оказалось большое число выходцев из Германии, так или иначе связанных с производственной сферой. Приток был во многом обусловлен кризисом грюндерства 1873 г. Начавшаяся экономическая депрессия спровоцировала рост эмиграции. Оказавшись в столице, немцы смогли выявить для себя привлекательные экономические ниши. Так, в 1872 г. в Санкт-Петербург переселился инженер Карл Винклер, который в 1876 г. открыл небольшую строительно-слесарную мастерскую, которая к концу XIX в. переросла в завод.

Большой удачей для любого ремесленника было получение заказа от казенных учреждений. Для ткацких мастеров и портных важным заказчиком выступала Дирекция Императорских театров. Многие из них в течение длительного времени были связаны с ней контрактными обязательствами. Так, в 1860-х гг. мастер ткацкого цеха Карл Шуберт занимался пошивом для театрального гардероба фуфаек, панталон и чулок из шелкового, шерстяного и бумажного трико²³. Подобные контракты могли заключаться с разрешения Министра Императорского Двора, в чьем ведении находились театры. Расценки устанавливались, как правило, Дирекцией и были крайне низкими. Но этот факт не останавливал мастеров. Выполнив один заказ, они стремились получить новый контракт. Это позволяло получать пусть небольшой, но твердый доход.

Некоторым из ремесленников удавалось попасть в штат казенных учреждений. Одним из примеров может служить Густав Меймер, который с 1850 по 1869 г. работал в петербургских театрах поденщиком, а с 1869 по 1882 г. числился в Дирекции театров портным-подмастерьем. В результате преобразований в театральном ведомстве первоначально он был выведен за штат с единовременной выплатой 360 руб.²⁴, но в дальнейшем приписан к Немецкой труппе в качестве портного. Это наглядно свидетельствует о том, что немецкие мастера высоко ценились в театральной сфере.

В конце XIX – начале XX в. в столице по-прежнему было много немецких мастеровских, которые обеспечивали горожан, в первую очередь, продуктами питания. Для Санкт-Петербурга, как и других городов, остро стояли санитарно-гигиенические проблемы, в том числе и в вопросе производства хлебобулочных, колбасных и иных изделий. Состояние многих мастерских и лавок оставляло желать лучшего.

Для чиновников фабрично-заводского отдела при канцелярии Петербургского градоначальника в 1880-е гг. осмотры мастерских были обыденным явлением. Это были как плановые обходы, так и реакция на обращения горожан. Так, 14 ноября 1883 г. на имя градоначальника поступило анонимное письмо, в котором

²² РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 420. Л. 3.

²³ Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 20675. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 25387. Л. 1 об.

описывалось антисанитарное состояние булочной прусского мастера Германа Грессина, расположенной в д. 7 по Большой Московской улице²⁵. Уже 19 ноября пристав получил соответствующее распоряжение о проведении осмотра помещений, что и было выполнено 23 ноября. На поверку оказалось, что

в самой пекарне устроена перегородка, отделяющая небольшое помещение длиной 3 аршина (2,13 м. – *В.Ш., Н.О.*), шириной 3 аршина (2,13 м. – *В.Ш., Н.О.*) и высотой 4 аршина (2,84 м. – *В.Ш., Н.О.*), в котором спят 3 подмастерья и 1 ученик, и устроены к одной стене двойные нары. Стены комнат и потолок покрыты копотью, вблизи этой комнаты существует ватерклозет и содержатся чистые стены и суть зловония нет²⁶.

К содержанию же самой пекарни у проверяющих претензий не возникло. На требование сломать верхние нары, побелить стены и потолок мастер не реагировал вплоть до начала апреля 1884 г. Только «настояние на исполнении сих требований путем добровольного с ним соглашения» со стороны пристава и околоточного надзирателя заставили Грессина исполнить предписание.

В гораздо лучшем положении были колбасные мастерские немецких мастеров. Если в пекарнях труд оставался ручным, то при изготовлении фарша и иных мясных продуктов широко стали использовать различные механические приспособления. Так, для колбасной мастерской Штейдинга (ул. Большая Морская, д. 18) фарш готовили на оборудовании, которое приводилось в действие керосиномотором, а для вымешивания готового фарша в мастерской применяли особую механическую мешалку²⁷. Владельцы колбасных мастерских заботились о чистоте помещений. По свидетельству очевидца, Шермейссер, содержавший лавку в д. 5 по Малой Морской улице, устроил цементный пол и мозаичные стены²⁸. Но и это не всегда могло оградить мастера от привлечения к ответственности. Того же мастера дважды привлекали к судебной ответственности как за грязное содержание мастерской и лавки, так и за продажу некачественных продуктов²⁹.

Деятельность немецких ремесленников в Санкт-Петербурге находила своеобразную трактовку в русской публицистике второй половины XIX в. Свою оценку петербургские немцы получили в очерке «Записки метафизика. О насущном хлебе»³⁰, принадлежавшем перу известного писателя и публициста В.А. Слепцова. Выступая с позиций либерального национализма, автор задал соответствующий тон той части своего произведения, которая посвящена жизни столичных немцев. Один из тезисов выдвинут им уже в первых строках:

В населении здешней столицы огромный процент, как известно, составляют люди, чуждые нам по национальности и религии, люди, которые, несмотря на вековое пребывание свое у нас, все-таки совершенно соединиться с нами и не могут и не желают. Про них можно сказать, что в строгом смысле они живут отдельно³¹.

Другой тезис Слепцова имеет непосредственное отношение к хозяйственной деятельности и повседневной жизни немецкого городского обывателя. Вполне осознанно он противопоставляет русского и немца. Превосходство последнего, по его

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897. С. 53.

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ Там же. С. 54.

³⁰ В.С. Записки метафизика. О насущном хлебе // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 166–184.

³¹ Там же. С. 174.

мнению, заключается «ни в чем другом, как именно в умении эксплуатировать»³². И это «умение» «почти всегда» направлено против русского.

В статье Слепцова отчетливо звучит мысль о пресловутом «немецком засилье» в экономике России, которая получит свое развитие в конце XIX – начале XX в. Описывая современный ему Петербург, он безапелляционно заявил, что

почти все самые надежные и самые выгодные занятия <...> находятся в руках немцев; почти все аптеки, должности главных докторов в больницах, все более или менее влиятельные места заняты немцами; не говоря уж о торговле и ремеслах, в которых немцы постоянные хозяева³³.

Подобное утверждение не было голословным, оно вполне подтверждается статистикой.

Как отмечали современники, немец смотрел на свое ремесло не только как на средство существования, но и как на способ добыть себе трудом голос и доступное в своем кругу положение, которым он

упрочивает будущее своих детей, двигая их, посредством хорошего образования по тому пути, который наиболее пригоден характеру ребенка³⁴.

Война с Германией и Австро-Венгрией спровоцировала антинемецкие настроения в российском обществе. Это вылилось не только в погромы, которые прокатились по крупным городам, и принятие так называемого «ликвидационного законодательства», но и упразднение Петроградской иностранной (еще ее называли Немецкой) управы ремесленных цехов летом 1915 г. На основании утвержденного Николаем II 26 мая 1915 г. положения Совета Министров иностранцы-ремесленники на общих основаниях были приписаны к русским цехам³⁵. Часть из числа немецких ремесленников смогла сохранить свои предприятия, но многие попали под так называемые «ликвидационные законы» 1915 г. и вынуждены были прекратить хозяйственную деятельность.

Отдых и развлечения немецкого ремесленника

Несмотря на большую загруженность, немецкие ремесленники стремились с пользой провести свободное время. Каждый мог выбрать для себя ту форму отдыха, которая соответствовала его социальному статусу и уровню благосостояния.

Уже в конце XVIII в. в Санкт-Петербурге стали появляться первые заведения, в которых немецкий обыватель мог провести свободное время. Для купцов и иностранных гостей это был, например, Немецкий клуб. В 1848 г. был утвержден устав Немецкого танцевального общества в Санкт-Петербурге, членами которого могли быть лица, относящиеся к гражданскому состоянию, за исключением учеников и прислуги³⁶.

Увеселительные мероприятия пользовались у жителей столицы большой популярностью. Однако принимать участие в балах и маскарадах Немецкого танцевального общества могли лишь состоятельные предприниматели. Но и средний класс нуждался в развлечениях. А потому высокий спрос рождал соответствующие предложения. С 1860-х гг. в городе широко были распространены музыкальные

³² В.С. Записки метафизика. О насущном хлебе // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 175.

³³ Там же.

³⁴ Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. С. 22.

³⁵ Об упразднении Петроградской управы иностранных ремесленных цехов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1915 г. Отделение первое. Полугодие первое. Петроград, 1915. С. 1632.

³⁶ Устав Немецкого танцевального общества в Санкт-Петербурге 1848 года. СПб., 1849. С. 9.

вечера, которые организовывали представители немецкого сообщества. При этом немцам приходилось бороться за клиента. В этих условиях они стремились сделать свои заведения более привлекательными. Так, кондитер Юлиус Бурс в 1866 г. испрашивал у Конторы Санкт-Петербургских театров разрешение открыть при кондитерской, расположенной в Спасской части города на углу Вознесенского и Екатеринингофского проспектов в доме Кавелина музыкальные вечера с танцами³⁷. Со стороны Конторы и полиции не было возражений, а потому 27 января 1867 г. ему было выдано соответствующее свидетельство³⁸.

Подобные вечера были популярны. Мастера использовали их для рекламы своих предприятий. Так, мастер кухмистерского цеха Иоганн Норманн в начале 1860-х гг. с разрешения властей проводил в квартире на Васильевском о-ве по средам, субботам и воскресеньям танцевальные вечера. Согласно сохранившемуся рекламному проспекту мероприятия начинались в 9 часов вечера, вход для мужчин был платный и составлял 1 руб., с женщин входная плата не взималась³⁹.

В условиях жесткой конкуренции нужно было придать вечерам какую-либо особенность. Так, обойный мастер Андрей Курс просил разрешить ему организацию музыкальных вечеров в помещении, принадлежащем Калинкинскому пивоваренному заводу, с которым уже было достигнуто соглашение⁴⁰. Вероятно, выгоду должны были иметь от подобных мероприятий оба организатора.

Подобные вечера были свободны от излишней чопорности, а невысокая цена входного билета или отсутствие таковой делало их чрезвычайно демократичными. Поэтому наибольшей популярностью они пользовались среди молодежи. Это был не только способ отдохнуть, но и возможность установить новые связи. Для некоторых это была возможность найти потенциального брачного партнера.

Самым доступным и распространенным способом отдыха для немецкого ремесленника была встреча с друзьями в трактире. О том, как проходили подобные встречи, мы узнаем из сохранившихся агентурных донесений о наблюдении за немецкими ремесленниками в Санкт-Петербурге, которые были представлены в III Отделение. Одним из популярных мест среди петербургских немцев была ресторация на углу Невского проспекта и ул. Малая Морская в доме Чаплиных⁴¹. Нередко обсуждались события австро-прусской войны (события 1866 г.)⁴². Возникавшие между немцами споры нередко сопровождались «рукопашной разделкой»⁴³. Пользовались популярностью и так называемые «Bier-Hallen» (пивные). Одна из них была, например, на ул. Большой Морской (владельцем был купец Рейнхардт). Ее посетителями были, как отмечал осведомитель, «не члены... клуба (имеется в виду Немецкое танцевальное общество. – *В.Ш., Н.О.*)». В его донесении от 7 сентября 1865 г. указывалось, что «была большая компания немцев, и, оставаясь там до 4-х часов утра, пела разные национальные песни»⁴⁴.

Большое значение для организации досуга немецких ремесленников во второй половине XIX – начале XX в. имело общество «Пальма». Уже в середине 1860-х гг. при нем был открыт буфет⁴⁵, который пользовался популярностью среди подмастерьев. С этого же времени в столице и пригородах устраивались музыкаль-

³⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 20742. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Там же. Д. 18691. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Д. 20044. Л. 1.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3А. Д. 2422. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 2411. Л. 20.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 752. Оп. 2. Д. 8.

ные и увеселительные вечера⁴⁶. По инициативе прусского подданного владельца типографии Рудольфа Шнейдера («один из самых деятельных членов общества..., пользуется здесь (в Санкт-Петербурге. – В.Ш., Н.О.) репутацией порядочного человека»⁴⁷) предполагалось издание листка, «который будет заключать в себе полезные наставления для немецкого рабочего сословия в столице»⁴⁸. В 1890-х – 1914 гг. при обществе «Пальма» были открыты гимнастические секции, театр, читались публичные лекции.

Выводы

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. число немцев в столице неуклонно возрастало как за счет естественного прироста, так и в результате миграционных процессов. В этот период высокая численность немецких ремесленников как из числа русских, так и иностранных подданных поддерживалась преимущественно за счет трудовой миграции из-за границы, чему с 1870-х гг. способствовали экономические кризисы. Важным источником был переход в цехи бывших колонистов, которые обучались ремеслу у столичных мастеров. В некоторых случаях запись в цехи носила вынужденный характер и была сопряжена с необходимостью открытия и содержания мелкотоварного предприятия. Немецкое предпринимательство в разных формах продолжало играть важную роль в хозяйственной жизни Санкт-Петербурга вплоть до начала Первой мировой войны.

По мере расширения городского пространства происходило постепенное перемещение ремесленников в новые части Санкт-Петербурга. К этому подталкивали как дороговизна содержания жилых помещений, мастерских и лавок в центральных частях городов, так и возможности расширить производство за счет привлечения большого числа новых клиентов.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.03.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024

References

- Keller, A.V. *Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka (administrativno-zakonodatel'nyi i sotsial'no-ekonomicheskii aspekty)* [The craft of Saint Petersburg of the XVIII – early XX century (administrative, legislative and socio-economic aspects)]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2020 (in Russian).
- Kireev, N.V., and Vyatkin, M.P. “Promyshlennost' [Industry].” In vol. 2 of *Ocherki istorii Leningrada*, 122–123. Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1957 (in Russian).
- Mysh, M.I. *Ob inostrantsakh v Rossii (sbornik uzakonenii, traktatov i konventsii, s odnosyashchimisia k nim pravitel'stvennymi i sudebnymi raz'iasneniyami)* [On Foreigners in Russia (collection of laws, treatises and conventions, with government and judicial explanations related to them)]. St. Petersburg: N.A. Lebedev Press, 1888 (in Russian).
- Pazhitnov, K.A. *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma* [The problem of craft workshops in the legislation of Russian absolutism]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1952 (in Russian).
- Repina, A.V. “Nemetskie bulochniki v Sankt-Peterburge [German bakers in St. Petersburg].” In *Die Deutschen in Russland: Petersburger Deutsche*, 197–204. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1999 (in Russian).

⁴⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 20669.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3А. Д. 2417. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Л. 1.

Rittikh, A.F. *Plemennoi sostav kontingentov russkoi armii i muzhskogo naseleniya Evropeiskoi Rossii*. [The tribal composition of the contingents of the Russian army and the male population of European Russia]. St. Petersburg: A.A. Il'in Press., 1875 (in Russian).

V.S. "Zapiski metafizika. O nasushchnom khlebe [Notes of a metaphysician. About daily bread]." *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (1868): 166–184 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Николаевич Шайдуров, доктор исторических наук, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; s-w-n@mail.ru; SPIN-код: 1904-6910; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Dr. Habil. Hist., Head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru; SPIN-code: 1904-6910; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Никита Александрович Осипов, лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; osipov090996@mail.ru; SPIN-код: 1762-9546; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

Nikita Aleksandrovich Osipov, Research assistant of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; osipov090996@mail.ru; SPIN-code: 1762-9546; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-299-309>
EDN: QUGXPW

Научная статья / Research article

Взаимодействие центральных и местных органов власти с казахским населением Степного края в области землепользования в конце XIX – начале XX в.

Юлия Александровна Лысенко ^a, Жамыйкат Орозбековна Омурова ^b,
Ольга Евгеньевна Гундова ^a
^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
^b Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек, Республика Кыргызстан
 iulia_199674@mail.ru

Аннотация: Исследуются практики взаимодействия центральных и местных органов власти разных уровней с казахами Степного края на рубеже XIX–XX вв. в области землепользования; раскрываются проблемы в данной области, порожденные массовой миграцией крестьянского населения в регион и процессом изъятия земель для создания переселенческих участков. Цель – реконструировать нормативную базу обращений казахского населения в органы власти по вопросам землепользования, процедуру их рассмотрения и механизмы принятия решений. Источниковой базой статьи выступили ходатайства и прошения казахов, а также делопроизводственные материалы – межведомственная переписка, протоколы заседаний, отчеты, постановления и указы – Правительствующего сената, Департамента земледелия и государственных имуществ МВД, Министерства юстиции, областных правлений Акмолинской и Семипалатинской областей Степного генерал-губернаторства, выявленные в Российском государственном историческом архиве. Показано, что основной формой взаимодействия центральных и местных органов власти с казахами Степного края по вопросам землепользования выступали прошения и ходатайства. В случае отрицательного решения по обращениям казахов они пользовались правом подачи апелляции в Правительствующий сенат, МВД и Государственную думу. В таких случаях проводились служебные разбирательства, длившиеся до нескольких лет. Решения по ним обязательно сообщались истцам. Авторы пришли к выводу, что казахи активно использовали предоставленные законодательством инструменты, связанные возможностью решения вопросов землепользования. Авторами выявлено, что в большинстве случаев центральные органы власти подтверждали правомочность решений региональной администрации по изъятию земельных участков. Однако сам факт значительного количества прошений и ходатайств свидетельствует о равных, наряду с остальными подданными Российской империи, возможностях, которые были предоставлены казахам в вопросах отстаивания своих экономических интересов.

Ключевые слова: Урало-Иртышское междуречье, аграрная история, крестьянская колонизация, переселенческое движение, южный фронт

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.)»).

Для цитирования: Лысенко Ю.А., Омурова Ж.О., Гундова О.Е. Взаимодействие центральных и местных органов власти с казахским населением Степного края в области землепользования в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 299–309. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-299-309>

© Лысенко Ю.А., Омурова Ж.О., Гундова О.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Interaction of Central and Local Authorities with the Kazakh Population of the Steppe Region in the Field of Land Use in Late XIX – Early XX Century

Yuliya A. Lysenko ^a , Zhamykat O. Omurova ^b , Olga E. Gundova ^a

^a Altai State University, Barnaul, Russia

^b Jusup balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

 iulia_199674@mail.ru

Abstract: The authors analyze the interaction between the central and regional authorities and the Kazakhs of the Steppe Region at the turn of the XX century on land use issues. The study reveals the problems in this area caused by the mass migration of the peasant population to the region and the process of land seizure by the state to create resettlement sites. The aim is to reconstruct the regulatory framework for appeals of the Kazakh population to the government bodies on the issues of land use, and the procedure for their consideration and decision-making mechanisms. The source base for the article is: the Kazakhs' petitions and requests, as well as other office materials – interdepartmental correspondence, minutes of meetings, reports, resolutions and decrees – of the Governing Senate, as well as the Department of Agriculture and State Property of the Ministry of the Interior, the Ministry of Justice, and the regional governments of the Akmola and Semipalatinsk regions of the Governor-Generalship of the Steppes as found in the Russian State Historical Archive. The sources used has allow the authors to develop the stated goal of the article, and they have been able show that the main form of interaction between the central and regional authorities and the Kazakhs of the Steppe Region on land use issues were the Kazakhs' petitions and requests. If a decision concerning their appeals was negative, the Kazakhs had the right to turn to the Governing Senate, the Ministry of the Interior, and the State Duma. In such cases, there were official proceedings lasting up to several years. The decisions on them were necessarily announced to the plaintiffs. The authors concluded that the Kazakhs actively used the tools provided by legislation to resolve land use issues. Nevertheless, it is revealed that in most cases, the central authorities confirmed the legitimacy of regional administration decisions on the seizure of land plots. However, the significant number of petitions and requests testifies to the fact that in the matters of defending their economic interests the Kazakhs were given equal opportunities with other subjects of the Russian Empire.

Keywords: Ural-Irtysh interfluve, agrarian history, peasant colonization, migration movement, southern frontier

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project 23-28-01369 “Authority and society in the Steppe region of the Russian Empire: the evolution of interaction practices (XIX – early XX centuries).”

For citation: Lysenko, Yu.A., Omurova, Zh.O., Gundova, O.E. “Interaction of Central and Local Authorities with the Kazakh Population of the Steppe Region in the Field of Land Use in Late XIX – Early XX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 299–309 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-299-309>

Введение

Актуальность. Российская модернизация второй половины XIX – начала XX в. способствовала расширению взаимодействия власти и общества на различных территориях империи. Одну из них представлял Степной край, охватывавший степную зону Урало-Иртышского междуречья¹. В регионе проживало коренное кочевое

¹ На протяжении второй половины XIX – начала XX в. рассматриваемый регион несколько раз изменял административную принадлежность. В 1868 г. было принято «Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской». Данный нормативно-правовой акт закрепил процесс присоединения степных областей к Российской империи, а также утвердил введение унифицированной модели регионального административно-территориального устройства и управления. Уральская и Тургайская области были включены в состав Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская – в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. После упразднения в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства Акмолинская, Семипалатинская и изъятая из юрисдикции туркестанских генерал-губернаторов Семиреченская

население – казахи. Однако высокие темпы крестьянской миграции восточнославянских народов за Урал, в Азиатскую часть Российской империи в конце 80-х гг. XIX – начале XX в. способствовали сокращению доли казахов в общей численности населения Степного края с 77 % в 1897 г. до 53,7 % в 1917 г.

Переселение крестьян сопровождалось массовой экспроприацией пастбищных угодий у коренных жителей – казахов, что подкреплялось действовавшим законодательством. Ситуация усугублялась нарушениями, возникавшими при формировании переселенческих участков. В частности, у казахов отмежевывались земли, на которых находились стационарные жилые и хозяйственные постройки, что запрещалось законом.

Сложившая ситуация в сфере землепользования привела к росту обращений казахов-скотоводов во властные структуры. Анализ практик взаимодействия органов власти с казахским населением по вопросам землепользования представляется актуальным и позволяет вывести на новый уровень дискуссию о характере национальной политики России в данном регионе.

Степень изученности проблемы. В современной историографии представлены различные аспекты обращений казахского населения Степного края в органы власти, в числе которых вопросы духовной жизни², функционирования системы местного самоуправления³, семейно-брачных отношений⁴, участия в выборах в Государственную думу⁵.

Переселенческому движению в Степной край в литературе уделялось значительное внимание. Исследователи выдвигали идеи культурной колонизации региона, отмечали пагубность воздействия земельных изъятий на традиционное кочевое хозяйство казахов⁶. Однако, несмотря на наличие значительного количества работ

области вошли в состав Степного генерал-губернаторства. В том же году Уральская и Тургайская области были изъяты из состава Оренбургского генерал-губернаторства и переданы непосредственно в подчинение Министерства внутренних дел. Принятое в 1891 г. Степное положение предусматривало новый формат управления вышеперечисленными пятью областями. Таким образом, под Степным краем в административном смысле понимаются Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и Смеречинская области в границах второй половины XIX – начала XX в. Появление Степного генерал-губернаторства способствовало формированию и укреплению понятия «Степной край». В современной российской и казахстанской историографии, применительно к исследуемому периоду, исследователи также употребляют данную дефиницию, имея в виду территории пяти степных областей.

² Лысенко Ю.А. Практики взаимодействия мусульманских общин Степного края с органами государственной власти (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2024. Т. 23. № 1. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119>

³ Лысенко Ю.А., Куликова М.Ф. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–1 (80). С. 181–188.

⁴ Анисимова И.В. Регламентация семейно-брачных отношений в казахском обществе Степного края: традиционное право и имперская политика // Вопросы истории. 2021. № 10(2). С. 52–60.

⁵ Буктугутова Р.С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX в. Кокшетау, 2006.

⁶ Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в. Барнаул, 2003; Влияние колонизации на киргизское хозяйство. СПб., 1907; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана. Алма-Ата, 1965; Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. Санкт-Петербург, 1897; его же Переселение и колонизация. Санкт-Петербург, 1905. С. 163–164; Коншин Н.Я. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние // Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898; Кузнецов Д.В. Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // Россия между Востоком и Западом. Вып. II. Омск, 2001. С. 56–71; Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Тарахова Е.В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане

по аграрной политике России в Степном крае, фактически не изучены сюжеты, связанные с реакцией казахского населения на крестьянское переселение, и механизмы решения сложившейся ситуации в сфере землепользования. Исследователи, как правило, лишь констатируют многочисленные факты обращения казахов в органы власти с просьбой о решении данной проблемы. Авторы статьи восполняют существующий в историографии пробел по данной проблематике.

Целью исследования является реконструкция практик взаимодействия органов власти с казахским населением по вопросам землепользования, выявление их результатов.

Источниковой базой статьи послужили материалы делопроизводства, хранящиеся в фонде «Переселенческое управление МВД» (Ф. 391) Российского государственного исторического архива. Они включают в себя прошения и ходатайства казахского населения в адрес органов власти Российской империи – в областные правления Степного края, Правительствующий сенат, Министерство внутренних дел, Государственную думу. Отдельную группу данного вида источников составили межведомственная переписка, отчеты и протоколы совещаний Общих присутствий⁷ областных правлений Степного края, Переселенческого управления МВД, межведомственных совещаний, которые позволяют проследить рефлексию органов власти на поступающие от казахского населения обращения, выявить механизмы решения обозначенных в них проблем.

Все выявленные источники вводятся в научный оборот впервые. Датирование описей подтверждает тот факт, что массовым обращением казахского населения в органы государственной власти по вопросам землепользования стало в период Первой русской революции и после нее.

Механизмы взаимодействия органов власти с казахским населением по вопросам землепользования

Изъятия земельных ресурсов у казахов Степного края, ставшие следствием массовой крестьянской миграции в регион, осуществлялись межевыми партиями. Результаты их работы – межевые планы участков, проектируемые к отчуждению у казахского населения, должны были обязательно утверждаться решением Временных комиссий по образованию переселенческих участков. Их состав формировался из чиновников уездных администраций, региональных отделений Переселенческого управления МВД.

На заседаниях Комиссии обязательным было присутствие доверенных от казахов, проживающих в пределах волости, отмежевание в которой утверждалось. Это положение фиксировалось специальным Циркуляром от 19 мая 1898 г. Кочевники в ходе заседания должны были выразить свое согласие на отчуждение земельного участка, заявить о готовности переселиться в другие регионы. После обсуждений принималось итоговое заключение об утверждении нового запроектированного

в конце XIX начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. С. 203–206. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-40](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-40); *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950; *Черников В.С.* Крестьянская колонизация Северного Казахстана в эпоху капитализма // История СССР. 1982. № 6. С. 132–141; *Щербина Ф.А.* Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905.

⁷ Общие присутствия Областных правлений – название коллегиальных органов государственной власти при губернаторах (военных губернаторах областей в Степном крае) в России в 1860-х гг. – 1918 гг. Председателем общего присутствия выступал губернатор (военный губернатор в Степном крае). На общем присутствии заседали вице-губернатор, начальники структурных подразделений областных правлений: советники всех рангов, губернские (областные) врач, архитектор, чиновники Переселенческого управления, инженер, ветеринар и т.д.

переселенческого участка. Решение сообщалось в обязательном порядке аульному обществу⁸.

В случае несогласия с решением Временной комиссии об отмежевании земли для создания переселенческого участка представители казахского населения имели право обжаловать его в вышестоящей инстанции – областном правлении. Апелляция в форме жалобы, прошения или ходатайства должна была быть подана в течение месяца со дня принятия решения. Рассмотрение поступивших жалоб на решения Временных комиссий по образованию переселенческих участков на Общих присутствиях областных правлений заканчивались, как правило, в поддержку уже принятого решения.

Получив отрицательное заключение областных правлений, казахи могли в течение следующих трех месяцев подать апелляцию в вышестоящую инстанцию – Правительствующий сенат – с ходатайством о пересмотре решения. В этом случае проводилось служебное расследование, в ходе которого запросы с просьбой о комментариях по каждому конкретному случаю направлялись Степному генерал-губернатору, в Министерство юстиции, Министерство земледелия и государственных имуществ, Переселенческое управление МВД и т.д.

Имели место случаи, когда в Правительствующий сенат от казахов поступали апелляции на постановления областных правлений с нарушением сроков, предусмотренных законодательством. Тем не менее, Правительствующий сенат все-таки инициировал служебные разбирательства по каждому такому случаю⁹. Следует отметить, что принятое решение обязательно сообщалось просителям через уездных начальников и волостных правителей.

Таким образом, прошения и ходатайства казахов в органы государственной власти стали основной формой взаимодействия по проблемам землепользования, возникавшим в результате земельных изъятий в переселенческий фонд. Население степи активно использовало права, связанные с возможностью обжалования решения нижестоящей инстанции в вышестоящей, в том числе в Правительствующем сенате. В РГИА авторами статьи выявлено значительное количество дел, связанных с рассмотрением обращений казахского населения в государственные органы власти. Проанализируем некоторые из них.

Жалоба казахов 4-го старшинства Чарской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области

В конце 1908 г. казахи 4-го старшинства Чарской волости Усть-Каменогорского уезда обратились в Семипалатинское областное правление с жалобой на решение Временной комиссии, которая утвердила проект образования переселенческого участка Чеку-Беит. В ней просители подчеркивали, что излишков в Чарской волости нет, в связи с чем ходатайствовали о сохранении за ними изъятых участка¹⁰. 26 января 1909 г. общее присутствие Семипалатинского областного правления решение Временной комиссии утвердило и тем самым, «оставило без последствий жалобу казахов»¹¹.

Неудовлетворенные решением Семипалатинского областного правления, казахи 4-го старшинства Чарской волости Усть-Каменогорского уезда подали апелляцию в Правительствующий сенат. В Сенате последовало служебное разбирательство, запрошено заключение Главного управления землеустройством и земледели-

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 828. Л. 3–3 об.

⁹ Там же. Д. 211. Л. 8 об.

¹⁰ Там же. Л. 4–4 об.

¹¹ Там же. Л. 4 об.

ем МВД¹². Оно поступило в Сенат 9 апреля 1909 г. и подтверждало правомерность действий Семипалатинского областного правления¹³.

На основании полученного заключения Правительствующий сенат принял решение по данному делу, которое было утверждено 9 апреля 1910 г. указом императора Николая II. В дополнение к выводам Главноуправляющего землеустройством и земледелием в указе отмечалось:

Постановление общего присутствия Семипалатинского областного правления, коим была оставлена без последствий жалоба доверенных киргизов (казахов. – Ю.Л. Ж.О., О.Г.) на образование указанного участка, не заключает в себе не превышение власти, ни явного нарушения закона, а потому, не усматривая оснований к отмене обжалованного постановления общего присутствия, Правительствующий сенат <...> определяет жалобу просителей оставить без последствий¹⁴.

30 ноября 1910 г. заведующему переселенческим делом в Семипалатинском районе из Переселенческого управления МВД было направлено извещение «об оставлении без последствий» жалобы казахов 4-го старшинства Чарской волости Усть-Каменогорского уезда Тургонбая Бекпамова на постановление Общего присутствия Семипалатинского областного правления от 26 января 1909 г.

Жалоба казахов 50-го старшинства Алтыбаевской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области

Рассмотрение некоторых ходатайств казахского населения иногда затягивалось на годы. В служебные разбирательства в таких ситуациях были вовлечены чиновники многих министерств и ведомств. Достаточно сложным и резонансным стало дело, связанное с поступлением в Правительствующий сенат жалобы казахов Алтыбаевской волости Павлодарского уезда на постановление общего присутствия Семипалатинского областного правления от 6 февраля 1910 г. На нем было принято решение об утверждении проектов образования переселенческих участков Метей и Миалы в границах этой волости. При его рассмотрении разногласия возникли между сенаторами Второго департамента Правительствующего сената, товарищами министра внутренних дел, и Главноуправляющим землеустройством и земледелием. В результате дело было передано в высшую инстанцию Правительствующего сената – Первое общее собрание¹⁵.

Обстоятельства дела складывались следующим образом. Павлодарская Временная комиссия 30 сентября 1909 г. утвердила проект образования переселенческих участков Метей и Миалы из земель аула № 4 Павлодарской волости и аулов № 4, 5, 6 Алтыбаевской волости. Особенностью дела выступал тот факт, что на отмежеванных территориях находились стационарные постройки казахов – несколько жилых домов. В такой ситуации законодательно изъятие земли разрешалось только при согласии казахов, с выплатой им компенсации за понесенный материальный ущерб. Видимо, получив предварительное согласие, Комиссия возбудила ходатайство перед семипалатинским военным губернатором о выдаче девяти казахам вознаграждения в размере 640 руб. за перенос построек, располагавшихся на землях запроектированных участков¹⁶.

На последовавшую жалобу казахов аула № 5 Алтыбаевской волости общее присутствие Семипалатинского областного правления 6 февраля 1910 г. подтвер-

¹² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 211. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 20–20 об.

¹⁵ Там же. Л. 49.

¹⁶ Там же. Л. 49 об.

дило постановление Временной комиссии. Казахи направили апелляцию в МВД и Правительствующий сенат¹⁷. Заключение МВД было представлено только 2 июня 1911 г. В нем не было выявлено как-либо нарушений в действиях областной администрации, на основании чего предлагалось «жалобу казахов аула № 5 Алтыбаевской волости оставить без внимания»¹⁸.

15 марта 1912 г. Правительствующий сенат получил заключение по этому делу от Главного управления землеустройства и земледелия. В нем также рекомендовалось «оставить без последствий» данное ходатайство. Однако Сенат смущал факт необходимости сноса жилых казахских построек, поэтому он запросил уточняющую информацию у семипалатинского губернатора¹⁹. Ответ поступил 28 ноября 1912 г. В нем губернатор, помимо уже известных фактов о количестве изымаемой земли у казахов Алтыбаевской волости и выделении новых участков для переселения, писал:

Сенокосных угодий оставлено в пользовании киргизов (казахов. – Ю.Л, Ж.О., О.Г.) в окрестностях участков Метей и Миалы вполне достаточное количество, равным образом оставлено в пользовании кочевников свыше 100 колодцев, необходимых для водопоя. <...> Снос 6 зимовок не приносит существенного ущерба для кибитковладельцев <...> Сами зимовки носят характер временных помещений, не приковывающих кочевников на продолжительное время и пригодны для проживания в них лишь весной и осенью²⁰.

Наконец 5 марта 1913 г., спустя 3,5 года с начала этого дела, состоялось совещание Второго департамента Правительствующего сената, на котором присутствовали сенаторы и товарищ министра внутренних дел. Из девяти сенаторов шесть высказались за отмену решения общего присутствия Семипалатинского областного правления. Их главный аргумент сводился к нарушению областным правлением ст. 124 Правил о переселении 1906 г. и ст. 11 Инструкции 9 июня 1909 г., согласно которым у казахов запрещалось изъятие земли, на которой имелись стационарные сооружения²¹.

Товарищ министра внутренних дел и еще три сенатора посчитали, что возведенные на отмежеванных участках жилые и хозяйственные постройки носят временный/летний характер и не пригодны для зимнего проживания. На основании данных фактов они считали, что жалобу необходимо оставить без внимания²².

Оказавшись в затруднительном положении, Правительствующий сенат направил дело на рассмотрение обер-прокурору, которые дал ответ 6 апреля 1913 г. Его ордер был направлен Первому общему собранию Правительствующего сената. Мнения присутствовавших на нем 27 сенаторов также разделились. Часть из них высказалась за удовлетворение жалобы казахов аула № 5 Алтыбаевской волости²³. Другие вместе с товарищем Главноуправляющего земледелием и землеустройством посчитали, что нарушений в действиях региональной администрации нет, поэтому предложили не отменять ее решения²⁴.

В сложившейся ситуации Правительствующим сенатом было принято решение обратиться в Министерство юстиции за разъяснением. 30 ноября 1915 г.

¹⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 211. Л. 49 об. – 50.

¹⁸ Там же. Л. 50 об. – 51.

¹⁹ Там же. Л. 51 об. – 52.

²⁰ Там же. Л. 52.

²¹ Там же. Л. 52–52 об.

²² Там же. Л. 53 об. – 54.

²³ Там же. Л. 33–34.

²⁴ Там же. Л. 34 об.

министр юстиции вынес свой вердикт. Он признал юридический статус земель, изъятых у кочевников для создания переселенческих участков Метей и Миалы как летних пастбищ, исключив, таким образом, распространение на них ст. 124 Правил о переселении 1906 г. и ст. 11 Инструкции 9 июня 1909 г. На этом основании министр юстиции рекомендовал жалобу казахов аула № 5 Алтыбаевской волости на постановление общего присутствия Семипалатинского областного правления от 6 февраля 1910 г. оставить без последствий²⁵.

Жалоба казахов 7-го старшинства Сибирской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области

Для решения проблем землепользования, наряду с Правительствующим сенатом, казахи обращались за помощью в другие инстанции и непосредственно к императору Николаю II. Примером может служить дело по жалобам казахов 7-го старшинства Сибирской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области.

17 марта 1910 г. Правительствующий сенат рассматривал дело казахов 7-го старшинства Сибирской волости Усть-Каменогорского уезда на постановление общего присутствия Семипалатинского областного правления от 26 января 1909 г. Решением присутствия утверждалось образование переселенческого участка «Аблай-Кетка», земли под который были изъяты из пользования ходатайствующих казахов²⁶. Принятию Правительственным сенатом решения по данному обращению предшествовало служебное разбирательство. В нем приняли участие заведующий Семипалатинским переселенческим районом, сотрудники Усть-Каменогорской Временной комиссии по образованию переселенческих участков, крестьянский начальник и податный инспектор 2-го участка Усть-Каменогорского уезда, а также областная администрация и Переселенческое управление МВД²⁷. Запросы Правительствующего сената по данному делу продолжались в течение целого года. Затягивание дела, по всей видимости, вынудило казахов направить 18 апреля 1911 г. телеграмму императору Николаю II, в которой просили не отказать «дать нам такое право на родной клочок земли, как переселенцам»²⁸.

Телеграмма казахов Сибирской волости императору вызвала необычный резонанс. Она была направлена в Управление землеустройства и земледелия, генерал-губернатору Степного края с просьбами «разобраться в ситуации». Дело, по всей вероятности, принимало особый размах, поскольку к нему подключилась Комиссия по переселению Государственной думы. Все это ускорило принятие по ходатайству итогового решения. 26 апреля 1911 г. Правительствующий сенат вынес решение «Оставить жалобу доверенных без последствий»²⁹.

Отметим, что начиная с 1909 г. казахи стали достаточно активно использовать телеграф и направлять телеграммы с ходатайствами по вопросам землепользования императору Николаю II. Имели место случаи, когда они направляли телеграмму в Зимний дворец или Царское село, минуя Правительствующий сенат. Например, общее присутствие Семипалатинской области 17 апреля 1911 г. утвердило решение об изъятии из пользования казахов³⁰ участка Алибек. И уже несколько дней спустя, 22 апреля 1911 г. в канцелярию императора доставили телеграмму

²⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 211. Л. 34 об.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 12 об. – 13.

²⁸ Там же. Д. 827. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 19–19 об.

³⁰ В документе не указана административная принадлежность казахов.

№ 934 из Усть-Каменогорска, в которой казахи просили вернуть им отмежеванный участок³¹. Жалоба, после последовавшего служебного разбирательства, доверенных «осталась без последствий»³².

Жалоба оседлого казахского населения Джайлымышевской и Восточно-Талгарской волостей Верненского уезда, Арасанской волости Копальского уезда Семиреченской области

По инициативе чиновника туркестанской администрации Барлыбека Сыртанова в 1909 г. одновременно в Семиреченское областное правление, Государственную думу, Правительствующий сенат, Переселенческое управление и Главное управление землеустройства и земледелия МВД были направлены телеграммы от оседлого казахского населения Джайлымышевской и Восточно-Талгарской волостей Верненского уезда, Арасанской волости Копальского уезда. В телеграммах просители ходатайствовали об отмене решения Семиреченского областного правления об изъятиях их угодий и приостановке переселения крестьян до полного землеустройства казахов³³. Суть проблемы сводилась к тому, что на отмежеванных под переселенческие участки землях казахских обществ имелись их пахотные угодья, сады, оросительные системы, стационарные жилища, предназначенные для круглогодичного проживания³⁴.

Ситуацию осложнял факт межведомственной борьбы чиновников региональной и центральной администрации. Так, генерал-губернаторы Туркестанского края, как известно, являвшиеся противниками открытия Семиреченской области для переселения, сразу заняли сторону просителей³⁵. Переселенческое управление МВД признавало действия Верненской комиссии правомерными³⁶. В одном из его официальных ответов Правительствующему сенату и Б. Сыртанову констатировалось:

...Переселенческая организация, добившись упорной борьбой с администрацией открытия Семиреченской области заселение русским элементом – сделала огромное государственное дело. Хотя официально прежняя открытая борьба переселенческой организации с местной администрацией и прекратилась, но последняя и по настоящее время бдительно стоит на страже киргизских (казахских. – Ю.Л., Ж.О., О.Г.) интересов и малейшее упущение переселенческой организации ведет к отклонению образования переселенческого участка или Временной комиссией или общим присутствием³⁷.

Из документов этого громкого дела не совсем ясно, как решилась судьба ходатайств казахов Джайлымышевской и Арасанской волостей Семиреченской области. Рассмотрение ходатайства казахов Восточно-Талгарской области завершилось в конце 1911 г. постановлением Правительствующего сената. В нем указывалось на нарушения действий Верненской временной комиссии по образованию переселенческих участков, допустившей отмежевание земель казахов, на которых находились их постоянные зимние жилища, «орошаемые и разработанные ими пахотные земли, клеверники и сады». На этом основании Сенат счел постановление общего присутствия Семиреченского областного правления «состоявшегося без надлежащего выяснения вопроса о том, являются ли интересы киргизов (казахов. – Ю.Л., Ж.О., О.Г.) достаточно обеспеченными» и потому отменил данное постановление³⁸.

³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 827. Л. 6.

³² Там же. Л. 13.

³³ Там же. Д. 828. Л. 12.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ Там же. Л. 75.

³⁶ Там же. Л. 31 об. – 32.

³⁷ Там же. Л. 32 об. – 33.

³⁸ Там же. Д. 1642. Л. 54 об. – 55.

Таким образом, казахам Восточно-Талгарской области были возвращены земли, отмежеванные в фонд Переселенческого управления Семиреченской области. Это был, пожалуй, единственный выявленный авторами случай, когда коренному населению удалось отстоять свои права в вопросах землепользования.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что усилившаяся на рубеже XIX–XX вв. миграция крестьянского населения Российской империи в Степной край обострила земельный вопрос. Изъятие земель у казахского населения спровоцировало его массовые обращения в центральные и местные органы власти с ходатайствами о решении проблем землепользования. Казахи активно использовали предоставленные законодательством инструменты, связанные с возможностью обжалования решений нижестоящих инстанций и подачи апелляции в центральные органы власти и правительство.

По прошениям и ходатайствам казахов проводились служебные разбирательства, иногда продолжавшиеся несколько лет. Они сопровождались межведомственными консультациями, обменами мнениями, запросами в профильные министерства и ведомства. По их результатам выносилось окончательное постановление Правительствующим сенатом, непосредственно проводившим расследование.

Среди 18-ти выявленных в Российском государственном историческом архиве дел, датированных концом XIX в. – 1914 г., было встречено только одно, завершившееся отменой решения местных властей об отмежевании земельного участка у представителей казахского населения. Однако сам факт значительного количества поступавших с его стороны прошений свидетельствовал о существовании равных возможностей для всех жителей Степного края в отстаивании своих экономических интересов.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 07.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.05.2024

References

- Anisimova, I.V. “Reglamentatsiia semeino-brachnykh otnoshenii v kazakhskom obshchestve Stepnogo kraia: traditsionnoe pravo i imperskaia politika [Regulation of family and marriage relations in the kazakh society of the steppe region: traditional law and imperial policy].” *Voprosy istorii*, no 10 (2021): 52–60 (in Russian).
- Buktugutova, R.S. *Ocherki istorii obshchestvennogo dvizheniia v Stepnom krae v kontse XIX – nachale XX v.* [Essays about the history of the social movement in the Steppe region at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Kokshetau: Kokshetau State University Publ., 2006 (in Russian).
- Bykov, A.Yu. *Istoki modernizatsii Kazakhstana (problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX v.)* [The origins of modernization of Kazakhstan (The problem of sedentarization in Russian politics of the XVIII – early XX century)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2003 (In Russian).
- Chernikov, V.S. “Krest’ianskaia kolonizatsiia Severnogo Kazakhstana v epokhu kapitalizma [Peasant colonization of Northern Kazakhstan in the era of capitalism].” *Istoriia SSSR*, no 6 (1982): 132–141 (In Russian).
- Galuzo, P. G. *Agrarnye otnosheniia na iuge Kazakhstana v 1867–1914 gg.* [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Kaufman, A.A. *Pereselenie i kolonizatsiia* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol’za Publ., 1905 (in Russian).
- Kaufman, A.A. *Pereselentsy-arendatory Turgaiskoi oblasti* [Migrants-tenants of the Turgai region]. St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova Publ., 1897 (in Russian).
- Konshin, N.Ia. “K voprosu o perekhode kirgiz Semipalatinskoi oblasti v osedloe sostoianie [To the issue of the transition of the Kyrgyz Semipalatinsk region to a sedentary state].” *Pamiatnaia*

- knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1898 g.* [The memorial book of the Semipalatinsk region for 1898]. Semipalatinsk: [N.s.], 1898 (in Russian).
- Kuznetsov, D.V. “Kolonizatsionnaia i zemleustroitel'naia politika samodержavii v Stepnom krae v kontse XIX – nachale XX v. [Colonization and land management policy of the autocracy in the Steppe region at the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Rossiiia mezhdru Vostokom i Zapadom* [Russia between East and West], issue 2, 56–71. Omsk: OGI Publ., 2001 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Praktiki vzaimodeistviia musul'manskikh obshchin Stepnogo kraia s organami gosudarstvennoi vlasti (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Practices of the Interaction of Muslim Communities of the Steppes with the Government (The 2nd Half of the XIX – Early XX Century)].” *Vestnik NSU. Series: History and Philology* 23, no. 1 (2024):108–119, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-1-108-119> (in Russian).
- Lysenko, Yu.A., Kulikova, M.F. “Sistema mestnogo samoupravleniia v kazakhskoi stepi: ideologii reform i problemy realizatsii (konets XVIII – seredina XIX v. [The system of local self-government in the Kazakh steppe: the ideology of reforms and implementation problems (late XVIII – mid XIX centuries)].” *Izvestiya of Altai State University*, no 4–1 (2013): 181–188 (in Russian).
- Remnev, A.V., and Savel'ev, P.I. “Aktual'nye problemy izucheniya regional'nykh protsessov v imperской Rossii [Current problems of studying regional processes in imperial Russia]. *Imper'skiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX veka)* [The imperial system of Russia in the regional dimension (XIX – early XX centuries)], 5–18. Moscow: Pervyy pechatnyy Dvor Publ., 1997 (in Russian).
- Shcherbina, F.A. *Kirgizskaia narodnost' v mestakh krest'ianskikh pereselenii* [Kyrgyz people in the places of peasant resettlement]. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ., 1905 (in Russian).
- Tarasova, E.V. “Vliianie pereselencheskogo dvizheniia na zemel'nye otnosheniia v Stepnom krae i Turkeстане v kontse XIX – nachale XX v. [Influence of Resettlement Movement on the Land Relations in the Steppe Region and Turkestan at the End of the XIX and the Beginning of the XX Century].” *Izvestiya of Altai State University*, no 4/2 (2013): 203–206. (in Russian), [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-40](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-40)
- Tursunbaev, A.B. *Iz istorii krest'ianskogo pereseleniia v Kazahstan* [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata: AN KazSSR Publ., 1950 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Институт истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Алтайский край, Барнаул, проспект Ленина, 61; iulia_199674@mail.ru; SPIN-код: 1607-1789; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Yuliya A. Lysenko, Dr. Habil. Hist., Professor, the Head of the Oriental Studies Department, Institute of History and International Relations, Altai State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; iulia_199674@mail.ru; SPIN-code: 1607-1789; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Жамыйкат Орозбековна Омурова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения Института истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына; 720033, Республика Кыргызстан, Бишкек, улица Фрунзе, 547; jamyikat2012@gmail.com; SPIN-код: 7161-6152; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Zhamykat O. Omurova, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Regional Studies and Kyrgyz Studies Department, Institute of History and Regional Studies, Jusup balasagyn Kyrgyz National University; 547, Frunze Str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan; jamyikat2012@gmail.com; SPIN-code: 7161-6152; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Ольга Евгеньевна Гундова, старший преподаватель кафедры востоковедения, Институт истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, Алтайский край, Барнаул, проспект Ленина, 61; olga.gundova13@gmail.com; SPIN-код: 3268-5971; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>

Olga E. Gundova, Senior Lecturer of the Oriental Studies Department, Institute of History and International Relations, Altai State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; olga.gundova13@gmail.com; SPIN-code: 3268-5971; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-310-321>
EDN: QMVXCH

Научная статья / Research article

Некоторые вопросы федеративного строительства РСФСР в 1920-е гг.

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

amanzholova19@mail.ru

Аннотация: Анализируются проблемы взаимоотношений между разноуровневыми органами власти и управления, центром и национальными автономиями в РСФСР как самого сложно устроенного иерархического конструкта СССР. Выясняется место и значение так называемого частного совещания национальных работников (ноябрь 1926 г.) и обсуждения его итогов на местах в решении ключевых вопросов нацистроительства и советской модернизации многоэтнической страны. Источниковой основой исследования служат опубликованные материалы, а также архивные документы о совещании в Москве в ноябре 1926 г. и его обсуждении в автономиях: Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ (Ф. 17 – ЦК РКП(б)-ВКП(б), ф. 78 – М.И. Калинин) и Архива Президента Республики Казахстан, АП РК (Ф. 141 – Казахский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б), Государственный архив Российской Федерации, ГА РФ (Ф. 3316 – ЦИК СССР). Автор делает вывод, что федеративное строительство сопровождалось напряженными поисками баланса, а дискуссии представителей центра и автономий касались определения статуса автономий, наладки механизма управления, распределения полномочий и взаимодействия общероссийских и автономистских структур, роли центра и этнополитических элит в реализации задач этнонациональной политики, укрепления государственности.

Ключевые слова: национальная политика, «рыскуловское совещание», федерализация, управление, национальные лидеры

Благодарности и финансирование: Исследование осуществлено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.).

Для цитирования: Аманжолова Д.А. Некоторые вопросы федеративного строительства РСФСР в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 310–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-310-321>

Some Issues of the RSFSR Federal Construction in the 1920s

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

amanzholova19@mail.ru

Abstract: The author considers the problems of the relationship between the multi-level authorities and management, and the center and national autonomies in the RSFSR, as among the most complex hierarchical arrangement of the USSR. The author reveals the place and significance of the so-called private meeting of national workers (November 1926) and the discussion of its results on the ground in solving the key issues of nation-building and Soviet modernization of the multi-ethnic

country. The research is based on the published materials, as well as archival documents related to the meeting in Moscow in November 1926 and its discussion in: the autonomies (the Russian State Archive of Socio-Political History (F. 17 – the Central Committee of the Russian communist party of the Bolsheviks – All-Union Communist Party, F. 78 – M.I. Kalinin), the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (F. 141 – the Kazakh Regional Committee of the Russian communist party of the Bolsheviks – All-Union Communist Party), and the State Archive of the Russian Federation (F. 3316 – Central Executive Committee of the USSR). The author concludes that the federal construction was accompanied by intense search for balance between state bodies, and the discussions between representatives of the center and autonomies concerned: the determination of the status of the autonomies, the adjustment of the management mechanism, the distribution of powers and interaction of all-Russian and autonomist structures, the role of the center and ethno-political elites in the implementation of the tasks of ethno-national policy, and the strengthening of statehood.

Keywords: national policy, “Ryskulov’s conference,” federalization, management, national leaders

Acknowledgements and Funding: The research was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025).

For citation: Amanzholova D.A. “Some Issues of the RSFSR Federal Construction in the 1920s.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 310–321. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-310-321>

Введение

Актуальность представленного материала определяется переосмыслением ряда важных проблем истории федерализации и нациестроительства в СССР и самой крупной ее республике – РСФСР – в 1920-е гг. Этот процесс был противоречивым и сопровождался активными дебатами с участием органов власти и управления в центре и регионах. Для РСФСР, получавшей наиболее сложную иерархическую систему из губерний, областей, краев, автономных республик, областей, округов, районов и национальных сельсоветов, упорядочение управленческих связей, достижение баланса прав и обязанностей, оптимизация в распределении полномочий ведомств имели принципиальный смысл – без этого государственный механизм не мог работать достаточно результативно. Отношения центра и национально-государственных единиц, как и последних с соседними «обычными» губерниями и областями, складывались в сложных поисках инструментов удовлетворения амбиций и объективных нужд каждого региона, а также обеспечения связности территорий, укрепления целостности страны, управляемости и устойчивости государства, декларировавшего соединение классового подхода с самоопределением народов.

Степень изученности проблемы. В настоящее время накоплен определенный багаж в осмыслении совокупности названных вопросов. В частности, на примере Бурятии это показано в контексте утверждения советской модели в традиционных обществах¹. Становление советского федерализма в связи с организацией территории СССР, в том числе в 1920-е гг., с учетом коллизий взаимоотношений центра и автономий показал в обобщающей монографии В.Н. Круглов². Как правило, в изучении истории национально-государственных единиц в раннесоветский период основное внимание уделяется различным нюансам в формировании этнополитических элит, их нередко конфликтному взаимодействию с центром и во внутриэлитных взаимоотношениях, проблемам коренизации и этносоциальной модернизации

¹ Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.) / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2021.

² Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: СПб., 2020.

в ее различных проявлениях³. Гораздо меньшее место занимает актуальная сторона этих явлений, связанная с выработкой компромисса и баланса в многоуровневой системе управления, ролью центра и руководства национальных субъектов федерации в обеспечении целостности и устойчивости государства как единого организма, консолидировавшего всевозможные ресурсы и обеспечивавшего реализацию политики национального равенства и самоопределения.

Большой интерес вызывает череда мероприятий и событий 1925–1926 гг., когда в процессе реорганизации административно-территориального формата страны, изменения статуса некоторых субъектов федерации и разработки конституций автономных республик, наряду с продолжавшимися коренизацией, хозяйственным строительством, этнополитические элиты предприняли ряд попыток реализовать собственные представления о существовании и условиях функционирования самоопределившихся единиц. Центр в то же время стремился наладить согласованную и управляемую разноуровневую государственную систему таким образом, чтобы обеспечить выполнение принятых программ социалистической модернизации национальных регионов и укрепить социально-политическое единство поликультурного общества трудящихся на классовой основе. Ряд важных аспектов этих процессов получил освещение⁴, полезные данные и суждения на примере Киргизии и Татарской АССР приводят И. Тагиров и Б. Сарсенбаев⁵.

Цель исследования. Необходимо установить, какое место в указанном выше контексте занимает так называемое «рыскуловское совещание» (ноябрь 1926 г.), в том числе в проекции его итогов на местах, в автономных республиках.

Источниковая база. Проанализированы опубликованные⁶ и архивные источники о самом совещании в Москве и его обсуждении в отдельных автономиях РСФСР. В частности, проработаны документы фонда «ЦК РКП(б)-ВКП(б)» (Ф. 17), «М.И. Калинин» (Ф. 78), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории, фонда «ЦИК СССР» (Ф. 3316) Государственного архива Российской Федерации и фонда «Казахский краевой комитет РКП(б)-ВКП(б)» (Ф. 141) Архива Президента Республики Казахстан.

Дебаты и решения

Остановимся на некоторых событиях, уточняющих наши представления об организационно-управленческих особенностях становления советской государственности как сложной совокупности институциональных, этнокультурных, социально-политических и иных компонентов. К середине 1920-х гг. наладка механизма управления была далеко не завершена. Совещание комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б)

³ Морозова Т.И. Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март – ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/426/18>; Каменских М.С. 1921 год в дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>; Миронов Б.Н. Дерусификация управления в СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 436–458. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209> и др.

⁴ Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70; Аманжолова Д.А. «РСФСР является центральной страной»: проблемы федерализации России в 1920-е гг. // Российская история. 2022. № 6. С. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869568722060024>

⁵ Тагиров И. «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 1. С. 33–43; Сарсенбаев Б.С. Новые сведения о «рыскуловском совещании националов» // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5. С. 27–31.

⁶ III сессия ВЦИК XII созыва. Стенографический отчет. М., 1926; ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1 и др.

8 сентября 1925 г. констатировало сохранение существенных проблем в партийном руководстве советами и сильного влияния традиционных этносоциальных иерархий. Были выделены как наиболее важные коренизация и упрощение соваппарата, подготовка работников для него, влияние пережитков докапиталистического быта в восточных национальных республиках и областях, оформление и образование автономных единиц и районирование. И хотя Президиум ВЦИК еще в октябре 1924 г. разделил автономии с учетом размеров территорий, дабы обеспечить некие стандарты в упрощении управленческих структур, были объединены технические «аппараты» некоторых ЦИКов, СНК, других органов и отделов, оказалось, «местами сделано мало»⁷.

На сессии ВЦИК XII созыва (октябрь 1925 г.) представители автономий попытались отстоять свои представления о полномочиях и разделении функций в иерархии управленческих институтов. Главы ЦИК Дагестана Н.П. Самурский (Эфендиев) и правительства автономии немцев Поволжья В.А. Курц обратились в ЦК партии, его Секретариат и к И.В. Сталину с предложениями внести изменения в Положение о наркоматах РСФСР, прежде всего в отношении автономных ведомств. Они протестовали против расширения полномочий Президиума ВЦИК и СНК РСФСР⁸. Но вскоре было принято Общее положение о наркоматах РСФСР, по которому необъединенные наркоматы непосредственно подчинялись ВЦИК, его президиуму и СНК РСФСР. ЦИКи автономных республик, краевые и облизполкомы могли в исключительных случаях под свою ответственность приостанавливать распоряжения наркоматов РСФСР, предварительно известив Президиум ВЦИК⁹. Такой подход был вполне оправдан, поскольку обеспечивал консолидацию управленческих структур и их согласованную деятельность в рамках не только самой большой, но и «самой федеративной» национально-территориальной единицы СССР. Для союзных республик подобное единство директивной линии обеспечивали общие органы управления СССР.

Однако проблема согласования решений и действий многочисленных бюрократических инстанций, созданных, как и сами автономии, по принципу матрешки, сохранялась, как и недовольство на местах. Это подтвердило совещание под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) 2 января 1926 г. Лидеры парторганизаций регионов с тюркоязычным населением обсуждали проблемы формирования национального политического класса в республиках, а также реализации советской этнополитики. Их выступления подтвердили наличие известных центру трудностей в практической реализации программных установок применительно к специфике той или иной этносоциальной общности. После 4 совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 1923 г. не раз всплывало предложение провести новое, но В.М. Молотов отверг его, хотя и признал: «...мы до сих пор мало занимались национальными республиками»¹⁰. Партийная линия, выверенная в 1923 г., осталась неизменной, а в тяготы согласований, обсуждений и споров по конкретным вопросам управле-

⁷ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1. С. 317–323.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 997. Л. 37–38; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 331–332.

⁹ Асфендиаров С.Д. Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3; ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. М., 2005. С. 346–350; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 35. Л. 2–18.

¹⁰ «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

ния и развития, которые решались ежедневно в каждой автономии, погрузились структуры законодательной и исполнительной власти.

Они увязывались с выработкой и принятием конституций автономных республик, в частности, вопрос о правах необъединенных наркоматов, как 11 февраля 1926 г. уведомил М.И. Калинина зампред СНК РСФСР А.М. Лежава. В свою очередь, глава советской России Калинин 20 февраля направил Сталину «строго секретно» и «лично» записку, вновь отмечая как несерьезные протесты представителей автономий. Меж тем и в центральном аппарате единства не было: глава отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров выступал за расширение полномочий ЦИКов и правительств автономий в области местных финансов, а наркомостов – в судебном управлении, при соблюдении субординации в спорных и общих вопросах подчинением указаниям общероссийских властей¹¹. Он поддерживал претензии лидеров Казахской АССР¹². Так, в Совете национальностей председатель СНК КАСССР Н.Н. Нурмаков 14 апреля 1926 г. рассказал о несогласованности действий центра и республик, игнорировании их интересов при распределении средств. Он заявил, что центр сокращает выделение запланированных средств, утверждая:

...вы не справитесь с этим, у вас нет сил <...>. [Более того], у нас никаких бюджетных прав нет. То положение о бюджетных правах автономных республик и областей, которое имеется в РСФСР, это только фикция. <...> наряду с пересмотром бюджетных прав союзных республик нужно было бы и дать твердую директиву союзным республикам, в состав которых входят автономные республики и области, чтобы они пересмотрели свои бюджетные права в сторону уточнения и расширения¹³.

«Рыскуловское совещание»: в центре и на местах

Претензии националов в центре поддерживал еще один казахский деятель – заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов. 3-я сессия ВЦИК XII созыва (5–19 ноября 1926 г.) дала повод национальным деятелям попытаться объединить усилия. 12 и 14 ноября 1926 г. Асфендиарова и Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»¹⁴.

По итогам Рыскулову, Курцу, Самурскому, наркому соцобеспечения РСФСР И.А. Наговицыну и Асфендиарову было поручено доложить Сталину о результатах работы. Состоялась ли эта встреча, неизвестно¹⁵. Указанные руководители подготовили свои предложения, Самурский и Наговицын приложили некоторые рукописные уточнения. Асфендиаров и Самурский подготовили и свои предложения к совещанию, причем первый повторил в них идеи, высказанные весной. Самурский был единственным, кто, по сути, отстаивал интересы центра. Он считал невыгодным повышение статуса автономий до союзных республик, на чем настаивали другие руководители автономий, подчеркивал значение общероссийского фактора для борьбы с «великодержавным уклоном госаппарата», участие «представителей малых национальностей в управлении РСФСР» расценивал как фактор их влияния в законодательных и управляющих органах власти и предлагал отказаться от

¹¹ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1. С. 349, 365–366; Асфендиаров С.Д. Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 61. Л. 63, 48–72.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 3316. Оп. 3. Д. 131. Л. 16.

¹⁴ Подробнее см.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

¹⁵ В журнале записей приемов за 1926 год сведений об этом нет. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. URL: <http://istmat.info/node/165> (дата обращения: 24.04.2018).

Отдела национальностей ВЦИК, с которым «в Центре никто не считается» (что вряд ли понравилось Асфендиарову), и создать Совет национальностей¹⁶.

По итогам совещания¹⁷ констатировалась, по сути, идеалистическая позиция лидеров автономий: полное проведение в жизнь решений XII съезда и других постановлений «недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих Госорганов РСФСР», особенно Наркомюста и Наркомзема. Действительно сложные вопросы взаимоотношений центра с национальными окраинами, особенно в хозяйственной и финансовой сферах, вызывали особую критику, а присутствие националов в составе центральных учреждений РСФСР и на сессиях ВЦИК трактовалось как ключ к решению проблем. В документе отвергалась идея выделения великорусской республики и предлагались различные практические меры по подъему национальных регионов (участие АССР в распределении средств на промышленность и капитальное строительство с учетом их экономических возможностей и задач достижения фактического равенства, финансировании, решении земельного и других вопросов; закрепление прав автономий в конституциях РСФСР, АССР и Положении об автономных областях, культурном фонде и др.). Самурский подчеркивал: «Чем сильнее внутри РСФСР объединятся автономные республики, тем скорее и правильно мы разрешим национальный вопрос», а потому надо отвергнуть выход из РСФСР и переход в союзные с выделением чисто великорусской республики, а также создать Совет национальностей при ВЦИК¹⁸. Асфендиаров предлагал идти по пути расширения прав (в том числе учесть прозвучавшие предложения при разработке конституций) и повышения статуса автономий:

постепенно преобразовывать автономные области в автономные республики и автономные республики в союзные. К предстоящему XIII Съезду Советов преобразовать автономные Вятскую и Марийскую области в автономные республики и автономную Казахскую ССР в союзную¹⁹.

Материалы совещания поступили в Комиссию по строительству РСФСР, национальных республик и областей во главе с М.И. Калининным, а также подкомиссий в ее составе под руководством главы Госплана России А.М. Лежавы и секретаря ЦК ВКП(б) Н.М. Шверника. Работала она с 22 июня 1926 г. до 11 марта 1927 г.²⁰ Собственно, сама работа Комиссии послужила предлогом для созыва совещания, поскольку работала недостаточно активно, как считала часть националов.

История так называемого «рыскуловского совещания» привлекает внимание историков советских этноэлит. С.В. Плоских и С. Шилдебай почему-то считают, что оно было несанкционированным и «тайным», Плоских даже пишет о некоем приказе И.В. Сталина немедленно осудить поведение националов, но не приводит ссылок на какой-либо источник²¹. Конспирологическая версия не представляется убедительной. Известно, что совещание проводилось с ведома и согласия руководства страны.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–40, 67, 71.

¹⁷ Перечень предложений не позднее 2 декабря был направлен В.М. Молотову из секретариата зампреда СНК РСФСР, скорее всего, Т.Р. Рыскулова.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–12; Ф. 78. Оп. 7. Д. 88. Л. 15–17.

¹⁹ Там же. Л. 30–32.

²⁰ См.: Аманжолова Д.А. «РСФСР является центральной страной»...

²¹ Плоских С.В. Из истории первого противостояния интеллигенции и власти Кыргызстана (сер. 20-х – сер. 30-х годов XX в.) // Вестник КРСУ. 2008. Том 8. № 7. С. 98; Сейткали Мендешев: сборник документов и материалов. Алматы, 2021. С. 57.

Свою версию по поводу совещания представил И. Тагиров²², отводя решающую роль в его инициировании московской группе татарских деятелей. Он считает, что Рыскулов пытался использовать упущенный перед XII съездом партии шанс по созданию «единого фронта борьбы национальных республик по защите прав нерусских народов»²³. Вряд ли здесь уместна столь радикальная формулировка. Ни до, ни во время совещания, ни после него единства в позициях руководителей автономий не было, да и внутриэлитные отношения в каждой из них были отягощены почти перманентной группировочной борьбой (на примере ТАССР это подтверждает автор), и Рыскулову это было известно. Большинство участников совещания считали необходимым добиваться большего количества прав и полномочий в самых разных вопросах управления, финансирования, судопроизводства и пр., но пределы и условия повышения статуса своих республик и отношений с центральной властью виделись по-разному, что и вскрылось 12 и 14 ноября.

«Рыскуловское совещание» заставило власть специально собрать партийно-советский актив в некоторых автономиях. В Татарской АССР в начале января 1927 г. было проведено собрание партийного актива, осудившее позицию участников совещания. К сожалению, при обсуждении прозвучавшего там предложения о русской республике и Совете национальностей для ЦИК РСФСР не учитываются выводы И.В. Сталина, представленные им накануне XII съезда партии в апреле 1923 г., поскольку его записка была опубликована позже²⁴. Он, как известно, считал создание Русской республики невозможным из-за риска потери национальными автономиями территорий, столиц и самого статуса. Собственно, Самурский на «рыскуловском совещании» приводил аналогичные аргументы. Тагиров указывает на типичные, как бы запрограммированные, доводы участников собрания: нелегитимность совещания, ошибочность и вредность их предложений, «наступательный характер» местного национализма в противовес «великорусскому, великодержавному шовинизму», несправедливый перенос ответственности за проблемы на местах исключительно на центр. Цель собрания – «дать отпор всем антипартийным настроениям», которые проявились на совещании, была достигнута. Тем не менее, как показал Тагиров, на собрании снова прозвучали наиболее чувствительные вопросы, звучавшие тогда нередко: о принципиальных основаниях для различных статусов национальных единиц в СССР и РСФСР, а также о распределении всегда недостаточных средств на нужды автономий²⁵.

Б.С. Сарсенбаев считает, что на совещании этнополитическая элита как одна из немногих сил сопротивлялась

активизации курса, направленного на централизацию власти и «выхолащиванию» федеративного характера СССР с «перетягиванием» полномочий и ресурсов в Москву, который проводился И.В. Сталиным с целью концентрации всей полноты власти в своих руках²⁶.

К сожалению, он не учел публикации В.Г. Чеботаревой, наиболее предметно исследовавшей историю совещания и связанный с этим круг проблем²⁷, и не освещ

²² Тагиров И. «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 1. С. 33–43.

²³ Там же. С. 34.

²⁴ «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

²⁵ Тагиров И. «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 1. С. 33–43.

²⁶ Сарсенбаев Б.С. Новые сведения о «рыскуловском совещании националов» // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5. С. 27.

²⁷ Чеботарева В.Г. И.В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.

тил существо обсуждений на объединенном заседании Киргизского обкома ВКП(б), областной контрольной комиссии, фракции облисполкома и актива по итогам «рыскуловского совещания».

Сарсенбаев дополнил историю последствий совещания сведениями о попытках одного из его участников, заместителя председателя облисполкома Ю. Абдрахманова, уточнить и оправдать свою позицию постфактум, когда в конце 1926 – начале 1927 гг. в автономиях прошли специальные заседания руководства республик, осудившие созыв совещания и его инициативы.

Действительно, обращение Абдрахманова к секретарю ЦК ВКП(б) С.В. Косиору²⁸ по поводу ошибок в стенограмме совещания выглядит прежде всего как попытка оправдания в предчувствии серьезных санкций со стороны центра. В то же время стоит обратить внимание на существо проблем, которые автор подтверждает независимо от мотивов своего обращения. К ним относятся и недоверие представителей центральных наркоматов РСФСР к выдвиженцам из республик, и признаваемые всеми, в том числе в руководстве России, неувязки в отношениях между разноуровневыми наркоматами, правовое оформление которых затягивалось и мешало как общероссийским, так и автономным органам управления в нормальной работе. Не менее интересна реакция Т.Р. Рыскулова на критические замечания Абдрахманова по поводу распределения средств на индустриализацию и повышения роли националов в центральных партийных органах. Как опытный аппаратчик, Рыскулов отверг эту критику. К тому же взаимные обвинения участников совещания о необходимости увеличить поддержку промышленных проектов в автономиях за счет более развитых промышленных регионов на деле не выдерживали критики. Зеленский же предложил Абдрахманову сделать акцент не только на неправильных решениях совещания в целом, но и, в частности, на противодействии попыткам «проташить федерирование руководящих парторганов нашей партии»²⁹. Это вполне соответствовало общему курсу руководства страны на обеспечение вертикали власти и управляемости поликультурным обществом посредством централизованного партийного механизма, способного регулировать деятельность сложно структурированной системы советской государственности.

Стоит отметить, что совещание проходило в дни работы 3-й сессии ВЦИК XII созыва (5–19 ноября 1926 г.), при этом 12 ноября участники совещания не выступали. В субботу 13 ноября на сессии выступил В. Курц. 2-й день совещания 14 ноября пришелся на воскресенье. Сессия же своими решениями фактически ответила на претензии националов. В докладе о бюджете РСФСР отмечалось, что при общем росте бюджета РСФСР на 10 % бюджеты автономных республик возрастали на 22,2 %, хотя и неравномерно в связи с различиями в росте расходов в предыдущие годы: от 16 % для Республики Немцев Поволжья до 43 % для Якутской Республики. В докладе было отмечено:

Во всяком случае, <...> бюджет 1926–27 г. так же, как и бюджеты предшествующих лет, форсирует расходы в автономных республиках, несомненно, в большей степени, чем расходы по остальной части РСФСР³⁰.

На сессии были утверждены положения о ряде наркоматов, что упорядочивало такое взаимодействие после принятия Конституции РСФСР в 1925 г., принят проект нового Положения о судостроительстве РСФСР с учетом недавно прошедших

²⁸ Копии секретарю Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А. Зеленскому, заместителю председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулову и первому секретарю Киробкома ЦК ВКП(б) Н.А. Узюкову.

²⁹ Сарсенбаев Б.С. Новые сведения... С. 29–30.

³⁰ III сессия ВЦИК XII созыва... С. 727–728.

дебатов. Правда, Самурский заметил насчет формул взаимоотношений и практического контроля над деятельностью судебных учреждений на территории автономных республик, что такие детали излишни, хотя они в самом деле вносили нужный баланс во взаимодействие центра и автономий. При обсуждении бюджета РСФСР 16 ноября именно В. Курц и Н. Самурский достаточно резко критиковали докладчика, обвиняя его в предоставлении неверных данных о финансировании культурных нужд автономий. Но другие делегаты резонно ставили вопрос о неравномерном финансировании нужд национальностей. Крестьянин Сукач так парировал им:

...по Дагестану мы даем средства на питание учеников в школах I ступени, тогда как Северный Кавказ не в состоянии дать начальное образование горным народам. Я спрошу членов ВЦИК, а также и Наркомфин: неужели на горах Кавказа народы культурнее, ушли больше вперед, чем в Дагестане? <...> подтягивая одну национальность, мы другие оставляем на попечении Края, который не в состоянии выделить таких средств, которые удовлетворяли бы их нужды в таком объеме, в каком мы удовлетворяем нужды автономных республик. <...> на стипендии в школах I ступени в Казахстане мы даем 90 147 руб. А что получают такие области, как Ойратия, Шория, Хакассия и многие другие, которые должны получать средства из сибирского бюджета? Почти ничего³¹.

Его выступление отчетливо указывало на управленческий перекосяк и недостаточный учет интересов регионов РСФСР, которые были не в состоянии самостоятельно финансировать модернизацию малочисленных народов, в том числе автономных областей³².

В Казахской АССР обсуждение «рыскуловского совещания» прошло 18 декабря 1926 г. на объединенном заседании бюро Казкрайкома, президиума краевой Контрольной Комиссии ВКП(б) и фракций СНК КАССР и КазЦИК. Председательствующий глава Казкрайкома партии Ф.И. Голощекин сослался на план ЦК по обсуждению работы Комиссии М.И. Калинина и доклада Отдела национальностей ВЦИК о советском строительстве в Казахстане и Башкирии. В связи с первым вопросом, отметил он, «не знаю, по чьей инициативе», и состоялось совещание, где участники «наговорил на 130 страниц стенограммы»³³. Основным докладчиком был глава СНК КАССР Н. Нурмаков, который сразу отметил «совершенно случайный» состав участников – не членов ВЦИК, а «бывших сановников», прежде работавших в национальных республиках и живущих в Москве, – «большинство обиженных вроде нашего тов. Ходжанова», что должно было подчеркнуть плохое знание ими реальной ситуации в автономиях, тем более что работники с мест выступали меньше всего. Ходжанов, предлагавший на совещании добиваться, чтобы именно их мнение принималось во внимание Комиссией Калинина, считал Нурмаков, по сути игнорирует деловые качества и значение работающих непосредственно на местах. Как и в других автономиях, на этом заседании подчеркивалось, что на совещании «ни одного слова не было сказано о наших достижениях в национальных республиках». Здесь Нурмаков сослался на слова Абдрахманова, которому вскоре пришлось доказывать, что стенограмма зафиксировала их неверно. Основные претензии он предъявил казахским деятелям – Асфендиарову, Ходжанову и Мунбаеву, которые якобы клеветали на партию, отрицая явные успехи КАССР. В выступлениях Самурского, который на деле отстаивал интересы РСФСР как целого, Нурмаков выделил его слова «Ванька прет», указав на необходимость единого фронта, когда «борьба националов против Ваньки будет вредна». Третий пункт касался ошибочного требования финансировать индустриализацию в нацреспубликах за счет про-

³¹ III сессия ВЦИК XII созыва... С. 757.

³² Там же. С. 826, 757, 832–835, 858.

³³ Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 489. Л. 4.

мышленных центров, и особо опасным называлось предложение строить партию по национальному признаку. Необходимость созывать новое, 5-е совещание нацработников также отвергалась. В итоге на совещании предлагали «объединившись, наступать, и, товарищи, наступать на кого? На РСФСР!» – это вредная ошибка, резюмировал Нурмаков³⁴.

Участник совещания Ж. Мунбаев, приехавший на сессию ВЦИК, оправдывался: ничего не знал, задумано оно было Рыскуловым и Асфендиаровым, а организатором выступил Рыскулов, так как «хотел быть вождем всех национальных республик», и даже вспомнил его жалобы на свою беспомощность в том, чтобы добиваться прав нацреспублик, поскольку его секретарь даже не имел помещения. Больше всего Мунбаева беспокоило собственное положение: «Почему же я лично один попал в эту кашу», – имея в виду осуждение на пленуме Казкрайкома³⁵.

Заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Казкрайкома партии У. Исаев посвятил свою речь разоблачению С. Асфендиарова как огульного критикана, не замечающего реальные достижения и сложности нациестроительства на местах. К тому же он резко отрицательно высказался об идее созыва нового национального совещания, поскольку на нем «не Москва с окраинами, а нацреспублики между собой раздерутся, ибо у них выросли свои задачи, зачастую противоположные». Принципиальные вопросы решены на 4-м совещании 1923 г., остальное – дело практики³⁶. Наиболее примирительно выступил А. Джангильдин. У. Джандосов аналитически подошел к ключевым проблемам развития: неравномерное развитие регионов СССР закономерно, а индустриальные объекты нужно размещать рационально, исходя из интересов всей страны. Одним из участников заседания была высказана важная мысль: выдвинутые в центральные аппараты националы прежде всего должны пройти практическую школу управления, а не воспринимать себя как вершителей общесоюзной национальной политики³⁷. Подводя итог обсуждению, Голощекин предложил определиться: кто может представлять мнение республики – парторганизация или «изношенный вождь» – и подчеркнул, что без СССР «в отдельности никто не сможет существовать», а термин «товарищи националы» явно противопоставляет часть партии «просто товарищам». Самым подробным образом он охарактеризовал показатели развития автономии. Единый фронт против РСФСР – так Голощекин определил суть основной ошибки участников совещания³⁸.

Выводы

Так или иначе, само совещание, формально созданное для обсуждения работы Комиссии Калинина, созданной по решению Политбюро, вряд ли было правомочно как-то повлиять на нее. Его созыв был, видимо, разрешен, поскольку накопившиеся к этому времени обращения из автономий не могли более игнорироваться, всевозможные форумы, обсуждения и решения 1924–1925 гг., как и январское собрание под руководством В.М. Молотова, не привели к некому согласию всех участников нациестроительства, подготовка конституций автономных республик требовала уточнения ряда принципиальных вопросов. К тому же «рыскуловское совещание» совпадало с работой сессии ВЦИК, не требовало дополнительных усилий и затрат на организацию, а само обсуждение в перерывах между заседаниями ВЦИК позволило весьма полно выявить всю палитру мнений национальных лиде-

³⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 489. Л. 5–13.

³⁵ Там же. Л. 14–16.

³⁶ Там же. Л. 19.

³⁷ Там же. Л. 34–35, 39.

³⁸ Там же. Л. 41–42, 57.

ров, существо их неоправданных претензий и дельных предложений, нюансы взаимоотношений и возможные коалиции как в каждой из представленных автономий, так и между их руководителями, а вместе с тем и выдвинутыми на работу в Москве бывшими видными функционерами этих республик.

Проведенные в Татарской и Казахской АССР, Киргизской АО специальные собрания (об аналогичных форумах в других автономиях сведений пока не обнаружено) могут рассматриваться как целенаправленная работа Центра по утверждению общей для всех руководителей российских автономий позиции, причем закреплялись они с помощью надежных сторонников на местах. К тому же принятые в последующем решения учитывали рациональные предложения националов, поскольку иначе напряжение между центром и регионами лишь вредило интересам всех сторон. Признание сложностей и противоречий в националстроительстве не должно было перерасти в отрицание приоритета общегосударственных интересов и задач, а пути преодоления очевидных проблем на местах могли быть найдены лишь при централизованном управлении ресурсами, финансами и кадрами на основе политического единства. Пожалуй, проблема состояла не в том, как писал И. Тагиров, что надо было сделать автономии РСФСР «по-настоящему автономными» в соответствии с решениями XII съезда партии³⁹. Толкование существа автономного статуса, как и других национально-государственных единиц в составе РСФСР, оставалось спорным, а его изменение в разных регионах СССР приносило неоднозначные результаты. Предшествующий опыт федерализации, как и события после «рыскуловского совещания», подтверждают – настройка федеративного организма РСФСР и всего Советского Союза продолжалась достаточно долго, и решениями названного съезда пути достижения равновесного состояния государственной машины совсем не ограничивались, они вырабатывались, уточнялись и изменялись на всем протяжении 1920–1930-х гг.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.09.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 01.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.04.2024

References

- Amanzholova, D.A. “‘The RSFSR is a central country’: Problems of federalization of Russia in the 1920s.” *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2022): 15–27 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0869568722060024>
- Asfendiarov, S.D. “Voprosu III sessii VTsIK i natsional’nye avtonomii [Issues of the III session of the VTsIK and national autonomies].” *Vlast’ Sovetov*, no. 41 (1926): 1–3 (in Russian).
- Bazarov, B.V., ed. *Interiorizatsiia sovetskoi modeli v traditsionnukh soobshchestvakh Buriat-Mongolii (1920–1930 gg.)* [Interiorization of the Soviet model in the traditional communities of Buryat-Mongolia (1920–1930)]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2021 (In Russian).
- Chebotareva, V.G. “I.V. Stalin i partiino-sovetskie natsional’nye kadry [I.V. Stalin and the Party-Soviet national cadres].” *Voprosy istorii*, no 7 (2008): 3–25 (in Russian).
- Chebotareva, V.G. *Natsional’naia poliika Rossiiskoi Federatsii 1925–1938 gg.* [National Policy of the Russian Federation 1925–1938]. Moscow: Moskovskii dom natsional’nostei Publ., 2008 (in Russian).
- Kamenskikh, M.S. “1921 in the discussion on the creation of the Komi-Permyak district.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (2020): 47–62 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>

³⁹ Тагиров И. «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 1. С. 40.

- Kruglov, V.N. *Organizatsiia territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktiki, rezultaty* [Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practice, results]. Moscow; St.-Petersburg: Tsentr gumanitarnukh initsiativ Publ., 2020 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Derusification of Administration in USSR.” *Modern History of Russia* 11, no. 2 (2021): 436–458 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209>
- Morozova, T.I. “A conflict in the Buryat-Mongol Regional Committee of the Russian Communist Party of the Bolsheviks: Formal and informal tactics of the power game (March–November 1925).” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, no. 426 (2018): 142–153 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/426/18>
- Ploskikh, S.V. “Iz istorii pervogo protivostoyaniya intelligentsia i vlasti Kyrgyzstana (ser. 20-kh – ser. 30-kh godov XX v.) [From the history of the first confrontation between the intelligentsia and the authorities of Kyrgyzstan (mid-20s – mid-30s of the XX century)].” *Vestnik KRSU* 8, no. 7 (2008): 96–101 (in Russian).
- Sarsenbaev, B.S. Novye svedeniia o ‘ryskulovskom soveschasnii natsionalov’ [New information about the ‘Ryskulovsky meeting of the nationals’].” *Vestnik KRSU* 15, no. 5 (2015): 27–31 (in Russian).
- Tagirov, I. “‘Ryskulovskoe soveschasnie’ i protivoborstvo sovetского i partiinogo rukovodstva Tatarskoi respublikii [‘Ryskulov’s meeting’ and the confrontation between the Soviet and party leadership of the Tatar Republic].” *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, no. 1 (2006): 33–43 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории, Российская академия наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; SPIN-код: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; SPIN-code: 5525-3738; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-322-334>
EDN: QGNHBB

Научная статья / Research article

Каким мог быть и почему не был создан цыганский национальный район в Поволжье в 1930-е гг.

Михаил Сергеевич Каменских

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук;
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
✉ mkamenskih27@gmail.com.

Аннотация: Рассматривается политика в отношении цыганского населения, направленная на его вовлечение в сельскохозяйственную кооперацию и создание цыганских колхозов на территории Поволжья в 1930-е гг. В этот период даже небольшие по численности народы получали свои автономии в виде республик, округов и даже районов. Поэтому вопрос, почему в СССР не было создано территориальной автономии для цыган, выглядит довольно актуальным. Между тем в 1936–1937 гг. в РСФСР в рамках политики оседания цыган проект по созданию цыганского национального района в Куйбышевском крае всерьез обсуждался и рассматривался. Автор исследует обстоятельства и устанавливает причины неудачи реализации проекта по созданию цыганского национального района в Поволжье. Источниковой базой для исследования стали впервые вводимые автором в научный оборот архивные материалы из фонда Всесоюзного переселенческого комитета Российского государственного архива экономики. В фондах содержится немало сведений и докладных записок с подробным описанием цыганских колхозов, включая этнографический материал. Автор приходит к выводу, что проект по созданию цыганского национального района был стратегически важным для советского руководства и власти прикладывали большие усилия для его реализации. К началу 1937 г. все необходимые условия для создания района были созданы. Однако нежелание низовых властных структур иметь цыганское население, начавшиеся репрессии, ликвидация Всесоюзного переселенческого комитета и изменение трендов в национальной политике не позволили проекту реализоваться.

Ключевые слова: национальная политика, нацистроительство, коллективизация, национальные окраины, федерализация

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала», рег. номер 124021500047-2, 2024–2028 гг.

Для цитирования: Каменских М.С. Каким мог быть и почему не был создан цыганский национальный район в Поволжье в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-322-334>

Why the Roma National District Was Not Founded in the RSFSR and What it Could Have Been Like

Mikhail S. Kamenskikh

Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences,
Perm state national research polytechnic university, Perm, Russia

✉ mkamenskikh27@gmail.ru

Abstract: The author analyzes the activities of Soviet policy towards the Roma population with a focus on state involvement in agricultural cooperation and the creation of Roma collective farms in the Vo-ga region in the 1930s. During that period, even small national groups gained autonomy in the form of republics, districts, and even regions. Therefore, the question of why territorial autonomy for Roma was not founded in the USSR seems quite currently relevant. Meanwhile, in 1936–1937 in the RSFSR, as part of the policy of settling the Roma, the project for creating the Roma national district in the Kuibyshev region was seriously discussed and considered. The circumstances and reasons for the failure to implement the project of creating the Roma national district in the Volga region are clarified across the article. The basis for the research is the archival materials of the fund of the All-Union Resettlement Committee of the Russian State Academy of Economics (fund 5675) introduced by the author into scientific use for the first time. The sources allow revealing the circumstances of the discussion and preparatory work on the creation of the Roma national district. The funds contain significant information and reports with a detailed description of the Roma collective farms, including those containing ethnographic material. The author concludes that the project of creating the Roma national district was of strategic importance for the Soviet leadership and the authorities made great efforts to implement it. By early 1937, all the necessary conditions for the establishment of the district had been created. However, the reluctance of the lower power structures to host the Roma population, the outbreak of large repressions, the abolition of the All-Union Resettlement Committee, and the change of trends in the national policy prevented the implementation of the project.

Keywords: national policy, nation-building, collectivization, national outskirts, federalization

Acknowledgements and Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment “Ethnocultural processes in the center of Eurasia: archeology and ethnography of the Urals,” reg. number 124021500047-2, 2024–2028.

For citation: Kamenskikh, M.S. “Why the Roma National District Was Not Founded in the RSFSR and What it Could Have Been Like.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-322-334>

Введение

Актуальность. Одной из базовых особенностей современного российского федерализма является система разноуровневых национально-территориальных автономий, где реализуются права этнических сообществ на изучение родного языка и культуры.

Истоки российского федерализма берут свое начало в 1920-е гг., когда создавался СССР. Как известно, в идеологии большевизма решение национального вопроса подразумевало наличие собственных территорий для всех этнических групп. С этой целью в стране создавалась сложная сеть национально-территориальных автономий. В 1920–1930 гг. десятки разных народов СССР получили свои автономии – от национальных республик до округов, районов и даже сельсоветов. Всего в стране было создано свыше 240 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов, численность которых постоянно росла¹.

Каждая национальность помимо признания права на собственное развитие обязательно получала и «свою» территорию (республики, области, округа, районы, сельсоветы). Такие административно-территориальные образования для небольших

¹ Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934.

по численности компактно проживающих этнических групп рассматривались как часть ленинско-сталинской политики, нацеленной на культурный подъем отсталых народов.

Сегодня феномен советской федерализации остается одним из актуальных вопросов российской истории.

Он раскрывается не только в примерах создания автономий, но и в обсуждении проектов по созданию отдельных административно-территориальных единиц для разных народов. Ярким примером можно считать дискуссии об автономии цыган для СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в СССР проживало свыше 88 тыс. цыган. По численности они занимали 43-е место среди народов СССР. Их было больше, чем, например, ненцев, карачаевцев, хакасов и многих других народов, уже имевших свои автономии². За все время существования СССР территориальной автономии для этого народа создано не было, однако дискуссии о цыганском национальном районе и даже республике велись на протяжении первых двух десятилетий советской власти. Ближе всего к реализации этой идеи власти подошли в рамках обсуждения автономии для цыган в Куйбышевской области во второй половине 1930-х гг. Дискуссия о цыганской автономии в 1930-е гг. во многом раскрывает и особенности советского подхода к федерализму.

Степень изученности проблемы. В историографии существует несколько подходов к пониманию советской модели федерализма. Ряд историков склонен рассматривать ее в русле имперского подхода, а СССР как наследника Российской империи³. Еще один подход рассматривает советскую модель как попытку создать поликультурное государство за счет перекачки ресурсов из метрополии. Историк Т. Мартин применительно к этой модели в 2001 г. сформулировал ставшее классическим понятие «империи положительной деятельности» («The affirmative nation Empire»)⁴. Суть ее в том, что центральные власти вкладывали значительные средства в поддержку культуры и экономики национальных окраин в ущерб центральным регионам с преимущественно русским населением. С этой позицией отчасти солидарен В.Ю. Зорин, отметивший в своей последней работе влияние политики «искусственной перекачки средств и ресурсов из центра в национальные окраины», которая сформировала у республик «иждивенческую позицию, а не способствовала их экономической самостоятельности»⁵. Похожая точка зрения выражена в трудах А. Вдовина и Дж. Хоскинга⁶.

В последние годы популярной среди историков становится идея о советском федерализме как политике уступок и компромиссов⁷.

Так, современный взгляд на советскую национальную политику как вынужденную политику компромиссов раскрыла в своей монографии американская ис-

² Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М., 1941.

³ Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Harvard, 1954; *Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. М., 2013; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М., 2010.

⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁵ Зорин В.Ю. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века.: уч. пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. С. 179.

⁶ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумф великого народа. М., 2013. *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М., 2012.

⁷ Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. С. 129–138; *Тишков В.А.* Реквием по этносу. М., 2003. *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003.

следовательница Ф. Хирш. Развивая тезис Ю. Слезкина, она приходит к выводу, что большевики на уровне государства поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтоб сохранить и централизовать власть⁸. Частично вопрос о политике компромиссов между центром и местными элитами поднят в книге Дж.М. Истера «Советское государственное строительство», где автор делает акцент на роли регионов в политике большевиков⁹. В своем исследовании он показывает, что «неформальное сотрудничество и внутрисоветские конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами»¹⁰. По справедливому замечанию Д.А. Аманжоловой, «новизна и масштаб советского проекта в целом уже predeterminedли противоречивость преобразований, а культурная сложность сообщества народов как неомогенной целостности во все исторические эпохи требовала сильного государства, гибкой системы управления, баланса централизованных по вертикали и горизонтальных мер, институтов, кадровых ресурсов»¹¹.

В целом, можно отметить, что на сегодняшний день процесс создания автономий в первые два года существования СССР уже детально изучен, однако дискуссии о сути федерализма продолжаются. Введение в научный оборот новых источников, анализ отдельных кейсов и дискуссий для автономий отдельных народов будут способствовать пониманию сути советского федерализма.

При разных трактовках системы республиканских и федеративных отношений российские и зарубежные авторы сходятся во мнении, что территориальные автономии, построенные по этническому признаку, были одной из основ советского строя и имели государственное значение¹².

Если говорить о цыганах, то стоит отметить, что имеющиеся научные труды по истории цыган не содержат сведений о попытках создать цыганский район или автономию для этого народа. В обстоятельной статье Н.Ф. Бугая¹³, специально посвященной цыганским колхозам, информации о планах по созданию района для цыган нет. Ничего не упоминал об этом и советский исследователь Н.Ф. Платунов¹⁴, анализирувавший переселенческую политику в отношении цыган. Коллективная монография ИЭА РАН «Цыгане» серии «Народы и культуры» (2018 г.) не рассматривает цыган как субъектов национальной политики. Достаточно полно в историографии рассмотрены особенности создания и деятельности цыганских колхозов на территории Урала¹⁵. В нескольких работах отражены особенности кол-

⁸ Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London, 2005. P. 5.

⁹ Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 25–26.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Аманжолова Д.А. Государственное нациестроительство: некоторые проблемы становления советской модели федерализации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2023. № 3–4. С. 2.

¹² Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London, 2005. P. 5.

¹³ Бугай Н.Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.

¹⁴ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

¹⁵ Килин А.П. Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Материалы конференции: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала. Екатеринбург, 2002. С. 261–264; Каменских М.С. Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17; Черных А.В., Каменских М.С. Цыгане Урала в национальной и экономической политике Советского государства 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 851–868. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868>

хозного строительства в южных регионах России¹⁶. В.Н. Шайдуrow и ряд его соавторов ограничиваются в работах примерами Сибири и Северо-Запада страны¹⁷.

Таким образом, несмотря на большое количество литературы, выходящей по цыганской тематике, реализация проекта цыганской автономии в РСФСР в историографии практически не раскрыта.

Цель исследования заключается в установлении обстоятельств и причин неудачи в реализации проекта по созданию цыганского национального района в Поволжье.

Источниковая база. Основным источником работы – введенный автором в научный оборот комплекс делопроизводственной документации о цыганах Поволжья Российского государственного архива экономики. В документах объединенного фонда «Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954» (Ф. 6575)¹⁸ отложилась переписка центральных органов власти с облисполкомами о текущей работе среди цыган; проекты нормативных документов о колхозном строительстве цыган (проекты постановлений, акты о наделении землей, выписки из протоколов заседаний облисполкомов и райисполкомов); докладные записки инспекторов Всесоюзного переселенческого комитета и Переселенческого отдела НКВД, которые во второй половине 1930-х гг. с целью выяснения текущей ситуации выезжали в цыганские колхозы. Большая часть документов впервые водится в научный оборот. Также к написанию публикации привлечены опубликованные дискуссии и программные документы большевиков по решению национального вопроса и политики в отношении цыган. Важную роль при подготовке статьи сыграли и материалы переписей населения в СССР 1926 и 1939 гг.

Ряд документов, относящихся к обсуждению цыганской автономии, была опубликована в 2021 г. в сборнике «Roma Voices in History» коллективом российских и зарубежных авторов¹⁹, а также в сборнике «Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия»²⁰.

Цыгане в национальной политике СССР

Работа по созданию «своих» территорий для каждого уровня автономии шла в несколько этапов. После завершения национально-территориального размежевания на уровне республик и автономных округов, активно реализовавшегося в 1920-е гг.²¹, в 1930-е гг. в СССР началось формирование национальных районов и сельсоветов. Масштабы автономии и размеры получаемых территорий часто зависели от численности народа. Характеризуя большевистский подход к пониманию федерализма, И.В. Сталин в тезисах «Об очередных задачах партии в националь-

¹⁶ *Истягин В.Р.* Реализация государственной переселенческой политики в Северо-Кавказском крае в начальный период коллективизации: переселение цыган, корейцев, ассирийцев // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2015. № 4. С. 60–66; *Иващенко В.И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону, 2011.

¹⁷ *Шайдуrow В.Н.* Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х годов // Вызов в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб., 2021. С. 289–293; *Шайдуrow В.Н., Сапронова Н.А., Гончаров Ю.М., Новогродский Т.А.* Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 60–72.

¹⁸ В фонд входят сведения о деятельности Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) при ЦИК СССР (1925–1930), Переселенческого управления Наркомзема СССР (1930–1933 гг.), Всесоюзного переселенческого комитета при Совнаркоме СССР (1933–1936 гг.) и Переселенческого отдела НКВД СССР (1936–1939 гг.).

¹⁹ *Marushiakova E., Popov V.* Roma Voices in history. Ferdinand Schöningh, 2021, 1068 p.

²⁰ Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия / под ред. А.В. Черных (отв. ред.), Е.А. Марушиаковой, Н.Г. Деметер. СПб., 2022.

²¹ *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. С. 129–138.

ном вопросе» предлагал охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации», а чтобы догнать «ушедшую вперед Центральную Россию», каждый народ должен

поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения²².

На этом фоне возникла дискуссия о необходимости своей территориальной автономии для всех народов СССР, которые не имели исторических компактных мест проживания. Так, например, в 1934 г. была создана автономия для еврейского населения²³. Примерно в это же время с новой силой началось обсуждение возможности создания автономии для цыган, также довольно многочисленной общности СССР. Кроме этого, цыгане были расселены по разным странам без какой-либо государственности, и создание цыганской автономии в СССР для советского руководства не могло бы не стать мощным идеологическим козырем для демонстрации преимуществ своего строя²⁴.

В 1920–1930-х гг. советское правительство предпринимает беспрецедентные меры, направленные на вовлечение цыган в процессы советской модернизации через создание отдельных трудовых коллективов, сельскохозяйственных артелей и колхозов. Предполагалось, что такая политика позволит

вырвать цыган из той ямы прошлого, для того, чтоб приобщить их к трудовой культурной жизни наравне с другими национальностями²⁵.

На трудовые коллективы цыган советское правительство планировало опираться при создании в перспективе мест компактного проживания. Колхоз как форма организации жизни была наиболее удобной для советской власти политикой в отношении цыган. В докладной записке Наркомзема РСФСР о трудоустройстве цыганского населения за 1936 г. говорится:

Местонахождение колхозов, их компактное месторасположение дает возможность создать из них твердую опору и активных проводников в цыганских массах по реализации директив партии и Правительства о привлечении кочевников к производительному труду²⁶.

Условия для создания автономии для цыган были созданы еще в конце 1920-х гг.²⁷, однако массовое их вступление в коллективные хозяйства начинается в 1931–1932 гг. Судя по источникам, инициатива исходила от самих цыган. В письме Нацбюро Колхозцентра в Наркомзем 1931 г. говорится о фиксируемом большом наплыве ходоков-цыган с ходатайством о наделении их земельными участками для организации коллективных хозяйств.

---

²² Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Сочинения, 1947. Т. 5. С. 23–34.

²³ Диманштейн С.М. Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. М., 1936. С. 42.

²⁴ Цыгане / отв. ред. Н.Г. Деметер, А.В. Черных. М., 2018.

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5446. Оп. 13. Д. 83. Л. 112.

²⁷ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0> (дата обращения 20.10.2023); Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни» от 20 февраля 1928 г. // Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-88 р. Оп. 5. Д. 55. Л. 2 об.; Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 г. // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 10.

Однако собственного территориального образования у цыган в РСФСР не было. Идеологи цыганского общественного движения неоднократно высказывались о необходимости создания собственной автономной республики или района. В 1934 г. член ВКП(б) цыганского происхождения И.Я. Герасимов официально обращался к председателю ЦИК СССР М.И. Калинину:

...прошу Вас поставить вопрос по оседанию цыган кочевников в разрезе выделения специ[альной] цыганской территории в виде района и издание газеты на цыганском языке²⁸.

Главной проблемой в деле создания автономии для цыган был характер расселения. Цыгане вели кочевой образ жизни, не имели мест постоянного компактного проживания, что связывалось с имперским прошлым и несправедливой политикой царского правительства в отношении цыган, нарратив о которой фиксируется в источниках. Так, представитель Отдела национальностей ВЦИК С.А. Такоев писал:

Кошмарная история цыган оставила определенный след в психике и в быту этой национальности. Эти пережитки прошлого представляют в настоящее время одну из трудностей работы среди цыган²⁹.

Один из идеологов советской национальной политики, член Совета национальностей ВЦИК СССР и «куратор» цыганского вопроса А.И. Хацкевич говорил в 1936 г.:

Кочевание цыган вызывалось их бездомностью, нищенством, преследованиями и т.д., отсюда, конечно, вытекал и их образ жизни с различными извращениями... Поэтому наша задача – всячески помочь трудящимся цыганам ликвидировать пережитки их тяжелого прошлого и перейти к трудовой культурной жизни³⁰.

На первом этапе советское правительство оказывало поддержку цыганам через создание отдельных коллективных хозяйств. По данным отдела национальностей ВЦИК, к середине 1930-х гг. в стране с разной степенью успешности было создано около 30 цыганских колхозов общей численностью 797 семей³¹. В колхозы вступали далеко не все цыгане. По словам представителя отдела национальностей ВЦИК С.А. Такоева, в 1936 г. имелось «приблизительно 10 % трудоустроенных цыган»³², однако даже это количество рассматривалось как серьезное достижение и важный шаг в решении цыганского вопроса. Создание нескольких компактно расположенных цыганских колхозов позволило бы в перспективе создавать сельсоветы и национальный район как низовые формы автономии.

Цыгане в Поволжье в 1920–1930-е гг.

В 1926 г. в регионах Поволжья проживало 3 354 цыган³³, что составляло чуть более 8 % всех цыган РСФСР, которых по Всесоюзной переписи населения 1926 г. насчитывалось 40 943 чел.³⁴ По Всесоюзной переписи 1939 г. на рассматриваемых

²⁸ 12.3.3 Председателю Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М.И. Калинину от курсанта ВКСС имени т. Киселева А.С. – т. Герасимова И.Я. Члена ВКП(б) // *Roma Voices in History*. Brill / Ferdinand Schöningh. P. 843.

²⁹ Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // *Революция и национальности*. 1936. № 2. С. 68.

³⁰ Там же. С. 61–62.

³¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 145. Л. 98.

³² Совещание по трудоустройству... С. 64.

³³ Приведены данные по Самарской (759), Ульяновской (134), Саратовской (616), Сталинградской (931), Нижегородской (679) губерниям, Марийской АССР (42), АССР Немцев Поволжья (193).

³⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М., 1928. Вып. 4. С. 6.

территориях находилось уже свыше 5300 цыган или 10 % цыган РСФСР³⁵. При всей условности переписи как источника о национальном составе региона можно отметить, что в 1930-е гг. от 8–10 % цыган проживало в Поволжье, что было значительно выше, чем на других территориях страны. Поэтому политика коллективизации цыган сильнее всего коснулась именно этого региона. Согласно переписке, отложившейся в фондах Всесоюзного переселенческого комитета, в Поволжье на волне коллективизации в конце 1920-х гг. было создано 8 колхозов – сельхозартель им. Калинина в Кировской области, колхоз им. Калинина Высельского сельсовета и колхоз Бековского района Саратовской области, колхозы «Нацмен цыган» Котельниковского района и «Цыганская заря» Краснослободского района Сталинградской области, «Нэво дром» Пектубаевского района Марийской автономной области, «Ново джуймо» – в Горьковской области. Самым крупным был колхоз «Нэви бахт» в Куйбышевском крае.

Рентабельность создаваемых цыганских колхозов поддерживалась за счет кредитов. В 1932 г. Наркомзем выделил на поддержку цыганских колхозов 300 тыс. рублей, в 1933 г. – 105 тыс. рублей, в 1934 году – 103 тыс. рублей. После 1934 г. финансирование прекратилось. Динамика создания колхозов напрямую зависела от субсидий: 1932 г. – 2, 1933 г. – 5, 1934 г. – 8, 1935 г. – только 1. Очевидно, что идеи коллективизации стали среди цыган менее популярными после прекращения финансирования. В 1935 г. цыгане стали покидать колхозы³⁶. Неудачу коллективизации цыган списали на местные органы власти. В докладной записке отдела национальностей говорится:

На местах, зачастую проявляют недостаточное внимание к этому делу, не учитывая особенностей этой народности... экономические и национально-бытовые особенности трудящихся цыган (кочевой образ жизни, необеспеченность жильем и т.д.)³⁷.

К середине 1930-х гг. проблема создания автономии для цыган так и осталась нерешенной.

Цыганская автономия и «Куйбышевский проект»

В 1935 г. центральные власти поменяли стратегию в отношении цыган. Создание новых колхозов было решено заменить укрупнением существующих хозяйств за счет доприселения³⁸. Так родилась идея о создании отдельной административной единицы для цыган. 4–5 января 1936 г. состоялось Собрание по дальнейшему трудоустройству кочующих цыган, организованное Советом национальностей ВЦИК. По его итогам было решено создать комиссию, которой было поручено составить проект по улучшению быта цыган и вынести его на рассмотрение Президиума ЦИК. Решения были зафиксированы в постановлении Президиума ЦИК от 7 апреля 1936 г. «О мероприятиях по трудоустройству кочующих, и улучшению хозяйственного и культурно-бытового обслуживания трудящихся цыган». В этом документе ЦИК союзных республик обязывались проверить на местах ситуацию с развитием цыганских колхозов и принять меры к поддержке имевшихся хозяйств с перспективой создания национальных цыганских сельсоветов или районов³⁹.

³⁵ Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М., 1941. С. 5.

³⁶ Собрание по трудоустройству... С. 69.

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 7446. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

³⁸ Имеется в виду дополнительное заселение цыганских семей к уже существующим населенным пунктам.

³⁹ О мероприятиях по трудоустройству кочующих и улучшению хозяйственного и культурного быта обслуживания трудящихся цыган // Революция и национальности. 1936. № 6. С. 87.

С этой целью инспекторы Всесоюзного переселенческого комитета, отвечавшего за расселение цыган, были направлены в колхозы Челябинской области, Куйбышевского, Саратовского, Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев⁴⁰.

По поступившим отчетам стало очевидно, что возможность создать цыганский сельсовет была только на территории Куйбышевского края, о чем также говорилось на совещании⁴¹. «Вопрос о создании национального района может быть положительно разрешен только при условии отвода земель в Куйбышевском крае», – отмечалось в письме отдела национальностей ВЦИК⁴². После этого началась работа по созданию цыганской административной единицы на базе колхозов Куйбышевского края.

Куйбышевский край был определен не только по причине большого количества проживавших здесь цыган, но и в силу внимания, которое местные власти придавали идее оседания цыганского населения. Куйбышевский райисполком в феврале 1936 г. планировал объединение цыганских колхозов ввиду того, что их население превышало 300 человек⁴³. С учетом начавшегося движения цыган из Горьковского края Куйбышевский райисполком даже принимал отдельное постановление «О слиянии колхозов «Нэви бахт» Куйбышевского района с колхозом «Ново Джуймо» Горьковского края⁴⁴.

Реализация проекта по созданию цыганского района пришлась на конец 1936–1937 г. План секретариата Президиума ЦИК подразумевал переселение в колхозы 1000 цыганских семей, из них 400 – доприселением, 600 – путем создания новых колхозов. В Куйбышевский край планировалось доприселить 200 человек⁴⁵.

Во второй половине 1936 г. в Куйбышевском крайисполкоме по инициативе краевого земельного управления и Нацменотдела состоялось несколько совещаний по вопросу выделения земли для создания цыганских колхозов, чтобы объединить в самостоятельный национальный цыганский сельсовет или даже в национальный цыганский район⁴⁶. Такой район был определен на территории Куйбышевского района, в 80 км от г. Куйбышев, в районе станции Кротовка⁴⁷. В постановлении Куйбышевского крайисполкома № 55/34 от 05 мая 1936 г. «О выделении земфондов для организации новых цыганских колхозов» планировалось осуществить:

организацию 3–4 цыганских колхозов, с охватом до 200 семейств и доприселение к существующему цыганскому колхозу «Нэви Бахт» – 50 семей, с тем чтобы в дальнейшем эти колхозы объединить в самостоятельный сельсовет»⁴⁸.

Для этого было решено изъять часть земельного фонда площадью 4575 га у близлежащих колхозов, а также 3800 га из соседнего Теренгульского района⁴⁹. На этом к концу 1936 г. был завершен первый этап работ, связанный с определением территории.

На следующем этапе планировалось создать сразу несколько цыганских колхозов численностью до 200 кочующих семей со своими клубом, роддомом, школой,

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 146. Л. 21.

⁴¹ Совещание по трудоустройству... С. 63.

⁴² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 145. Л. 99.

⁴³ Там же. Д. 143. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Д. 145. Л. 88.

⁴⁶ Там же. Д. 146. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Л. 50.

⁴⁹ Там же. Л. 19.

баней, ветпунктом, прочими хозяйственными учреждениями⁵⁰. Крайисполком планировал образовать три новых колхоза и в перспективе включить в них земельный участок в 9 тыс. га из расположенного рядом совхоза им. Ворошилова. Создание района, таким образом, представлялось вполне решаемой задачей, однако проект так и не был воплощен.

Причины неудачи реализации проекта цыганской автономии в Поволжье

На стадии реализации проекта цыганской автономии в 1937 г. возник ряд сложностей. Первая – межведомственные изменения. Если ранее Всесоюзный переселенческий комитет существовал при СНК СССР, то в конце 1936 г. он был передан в ведение НКВД: приказом НКВД от 15 декабря 1936 г. при Отделе мест заключения (ОМЗ) создавался Переселенческий отдел. В ноябре 1936 г. зав. отделом национальностей ВЦИК С.А. Такоев в докладной записке указывал, что вопрос о создании района «затягивается в связи с реорганизацией переселенческого дела»⁵¹.

В функции Переселенческого отдела НКВД входил в том числе «учет цыганских колхозов и кочующих цыган»⁵², а цыганский район было поручено создавать специально созданной для этого переселенческой группе⁵³. Решение вопроса с цыганами было поручено Израилю Плинеру, одному из создателей ГУЛАГа и организатору первых советских депортаций⁵⁴.

Судя по источникам, после реформирования решение вопроса об автономии для цыган существенно замедлилось. Сначала НКВД поручило своему управлению в Куйбышевском крае создать собственную переселенческую группу, не выделив для этого финансового и штатного ресурса. «Обслуживание переселенческой группы не входит в обязанности ОМЗ, а указанием зам. Нач. Переселенческого отдела НКВД СССР т. Даубэ для него не являются основанием», – писал в 1937 г. начальник отдела мест заключения Куйбышевского УНКВД⁵⁵.

Один из инспекторов переселенческого отдела НКВД Д.М. Ярков писал в августе 1937 г., что местные власти «ограничились только лишь вынесением постановлений», а «так как эта работа дескать Правительством возложена на Переселенческий отдел НКВД СССР – то пусть он и осуществляет его»⁵⁶.

В результате подготовительные работы начались только после прямого указания НКВД на необходимость их начала, а план переселения цыган и создания района было решено перенести на 1938–1939 гг.⁵⁷

Вторая сложность была связана с выделением земельного фонда. Запланированные ранее к изъятию у колхозов фонды сами колхозы решили не отдавать, поскольку по советскому законодательству они уже получили государственные акты «на вечное пользование», да и с руководством колхозов вопрос изъятия не обсуждался. В ноябре 1936 г. краевое земельное управление направило в крайисполком

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 145. Л. 8.

⁵¹ Там же. Л. 88.

⁵² Там же. Д. 165. Л. 1–2.

⁵³ Там же. Д. 147. Л. 54.

⁵⁴ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М., 1999. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/gb392.htm> (дата обращения: 23.01.2023).

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 157. Л. 87.

⁵⁶ Там же. Л. 91.

⁵⁷ Там же. Л. 88–90.

справку об отсутствии свободных земельных фондов для создания новых колхозов для цыган⁵⁸.

Только в декабре 1936 г. были найдены земли площадью 8,760 га, принадлежавшие зерносовхозу имени Ворошилова, который напрямую подчинялся Наркомпищепрому. Постановление «О сельхозустройстве кочующих цыганских семей по Куйбышевскому краю в соответствии с планом на 1937» было принято только 28 декабря 1936 г. В документе вновь была обозначена задача создания цыганского колхоза⁵⁹.

В июле 1937 г. комиссия в составе Куйбышевского УНКВД, колхоза «Сталин дром» и властей района постановила построить поселок для цыган на 100 жилых домов в Сарбайском сельсовете Куйбышевского района.

Дальнейшая работа так и не была начата из-за последовавшего периода репрессий. Куратор «цыганского вопроса» при Куйбышевском крайисполкоме Р.К. Нельке 1 сентября 1937 г. был арестован, руководитель переселенческой группы НКВД В. Даубэ переведен со своей должности в аппарат УНКВД Воронежской области⁶⁰. А И. Плинер в 1938 г. будет арестован и расстрелян⁶¹. Последние документы о подготовке работ по созданию района для цыган и возникающих трудностях относятся к октябрю 1937 г. Очевидно, что работа ввиду начавшихся репрессий просто была прекращена. Существенную роль в нерешенности цыганского вопроса в регионе сыграли и изменения в приоритетах национальной политики, направленной в сторону унификации жизни народов СССР. Так, 17 декабря 1937 г. ЦИК утвердил постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов»⁶², после чего все работы по созданию национальных районов по стране были свернуты.

Таким образом, можно констатировать, что идея создания первого цыганского национального района в рамках советской национальной политики вполне могла быть реализована: была определена территория, выделены средства на строительство инфраструктуры, существовал костяк цыганских хозяйств, готовых перейти к оседлости. Однако межведомственные изменения, бездействие местных органов власти, а также начавшиеся репрессии не позволили данной идее воплотиться в жизнь.

Выводы

Анализ ситуации с колхозным строительством в Поволжье дает довольно полную картину об особенностях советской модернизации и степени вовлеченности в ее процессы цыган.

В 1920-е гг. в Поволжье сложилось несколько устойчивых маршрутов кочевки, по которым передвигалось не менее пяти тысяч цыган, которые промышляли традиционными для себя видами деятельности (торговля лошадьми, кражи, попрошайничество, гадания и т.п.). Коллективизация, исключение из сельской жизни товарно-денежных отношений, усиление контроля за деревней значительно усложнили быт цыган, толкая беднейшие слои на поиски новых форм хозяйствования. В этой ситуации политика содействия оседанию кочевников и помощь в организации колхозов становились существенной альтернативой. Принимая решение всту-

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 147а. Л. 44.

⁵⁹ Там же. Л. 38:

⁶⁰ Даубэ Вальдемар Петрович // ЦентрАзия [сайт]. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1546709116> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶¹ Лица ГУЛАГа. Плинер Израиль Израелевич // Библиотекарь Ру [сайт]. URL: <https://www.bibliotekar.ru/gulag/62.htm> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7.

пить в колхоз, цыгане получали материальное довольствие, могли рассчитывать на улучшение быта. Масштабы коллективизации были невелики, даже в лучшие годы коллективизировалось около 10 % цыган. В 1935 г. еще и прекратилась целевая поддержка цыганских колхозов. В результате цыгане перестали видеть преимущества оседания в сравнении с кочевкой, начался массовый исход цыган из колхозов, что побудило власти вновь вернуться к решению цыганского вопроса путем создания отдельной административной единицы, куда можно было бы доприселить коллективизированные хозяйства. В перспективе планировалось на этой базе создать сельсоветы или национальные районы.

Однако бюрократизация процесса на фоне межведомственной реформы, а также нерешенность земельного вопроса не позволили этой идее реализоваться в намеченные сроки. В 1937 г. с прекращением политики создания национальных районов вся деятельность властей Куйбышевского края в этом направлении потеряла смысл, так как не давала ни политических, ни экономических дивидендов. В результате идея собственной территориальной автономии для цыган уже не могла быть воплощена. Большинство цыган вернулись к привычным моделям быта, однако уже в 1950-е годы Поволжье и территория Куйбышевской области станут местом существования цыганских колхозов на новом витке политики содействия оседанию цыган, который развернулся во второй половине 1950-х гг.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 04.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.05.2024

References

- Amanzholova, D.A. "State nation-building. some problems of the soviet model of federalization." In *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee* 11, no. 3-4 (2023): 1–14 (in Russian).
- Bugai, N.F. *Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiia, konsensus (1900–2010)* [Gypsies of Russia. Community. Adaptation. Consensus]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012 (in Russian).
- Chernykh, A.V. "The Kalderash Gypsies of Russian Industrial Cooperation of the 1920s–1930s." *Social Inclusion* 8, no. 2 (2020): 358–366.
- Chernykh, A.V., and Kamenskikh, M.S. "Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s." *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 4 (2017): 10–17 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868>
- Chernykh, A.V., ed. *Tsyganskie soobshchestva v sotsiume: adaptatsiia, integratsiia, vzaimodeistvie* [Gypsy communities in society: adaptation, integration, interaction]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2022 (in Russian).
- Cheshko, S.V. *Raspad SSSR: etnopoliticheskii analiz* [The collapse of the USSR: ethnopolitical analysis]. Moscow: IEA RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Demeter, N., Bessonov, N., and Kutenkov, V. *Istoriia tsygan – novyi vzgliad* [History of gypsies – new mind]. Voronezh: Voronezh Publ., 2000 (in Russian).
- Demeter, N.G., and Chernykh, A.V., eds. *Tsigane* [Gypsies]. Moscow: IEA RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Dimanshtein, S.M. *Evreiskaia avtonomnaia oblast – detishche Oktiabrskoi revoliutsii* [The Jewish Autonomous Region is the brainchild of the October Revolution]. Moscow: Der Emes Publ., 1936 (in Russian).
- Easter, J. *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitelstvo. Sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiia elity v Sovetskoii Rossii* [Soviet State Building. The system of personal connections and self-identification of the elite in Soviet] Russia]. Moscow: ROSSPEN; Prezidentskii tsentr B.N. Yeltsina Publ., 2010 (in Russian).
- Hirsch, F. *Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.

- Hosking, D. *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soiuze* [Rulers and Victims. Russian in the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Istyagin, V.R. “Realization of state resettlement policy in the north Caucasian region at the initial stage of collectivization: resettlement of gipsy, Koreans and Assyrians.” *Humanities and law research*, no. 4 (2015): 60–66, 2015 (in Russian).
- Ivaschenko, V.I. *Tsyganskie sud'by. Istoriia, trud, etnografiia* [Gypsies destiny: history, work, ethnography]. Rostov on Don: Donizdat Publ., 2011 (in Russian).
- Kamenskikh, M.S. “The involvement of the Gypsy population in collectivization process in the Urals in 1920s – 1930s.” *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4 (2017): 83–90. (in Russian), <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2017.4.13>
- Kilin, A.P. “Sozdanie tsyganskikh kolkhozov na Urale: Interesy storon [Creating new kolkhozes in the Ural: sides interests].” In *Materialy konferentsii: Chetvertye Tatishchevskie chteniia. Priroda,byt i kul'tura Urala* [Conference materials: Fourth Tatishchev readings. Nature, life and culture of the Urals], 261–264. Yekaterinburg: Bank kulturnoi informatsii Publ., 2002 (in Russian).
- Martin, T. *Imperiia 'polozhitelnoi deiatelnosti.' Natsii i natsionalizm v USSR, 1923–1939* [The Empire of ‘Affirmative action.’ Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939], Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Mastyugina, T.M., Perepelkin, L.S., and Stelmakh, V.G. *Natsionalnaia politika v Rossii: XVI – nachalo XXI veka* [National Policy in Russia: XVI – the Beginning of the XXI Century], Moscow: Forum Publ., 2013 (in Russian).
- Platunov, N.I. *Pereselencheskaia politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917–1941 gg.)* [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1976 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “Tsygane SSSR i zemleustroistvo vo vtoroi polovine 1920-kh godov [Gypsies of the USSR and land management in the second half of the 1920s].” In *Vyzov v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 289–293. St. Petersburg: Leningrad State University Publ., 2021 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “Gypsies in Siberia (late XVIII century – XX century) [Tsygane v Sibiri (konets XVIII v. – XX v.)].” *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2022): 60–72 (in Russian).
- Tishkov, V.A. *Rekviem po etnosu* [Requiem for ethnos]. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Tomohiko, U., ed. *Comparing modern empires: imperial rule and decolonization in the changing world order*. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018.
- Vdovin, A.I. *Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda* [Russian in the twentieth century. Tragedies and triumphs of great people]. Moscow: Veche Publ., 2013 (in Russian).
- Zorin, V.Yu. *Natsional'naia politika rossiiskogo gosudarstva v XX – nachale XXI veka.: ucheb. posobie dlia bakalavriata i magistratury* [National policy of the Russian state in the XX – early XXI century: textbook. allowance for undergraduate and graduate programs]. Moscow: Iurait Publ., 2018 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Михаил Сергеевич Каменских, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; Россия, 614990, Пермь, ул. Ленина, 13а; доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; Россия, 614099, Пермь, Комсомольский проспект, 29; mkamenskih27@gmail.com; SPIN-код: 3723-3000; <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>

Mikhail Sergeevich Kamenskikh, PhD in History, Senior Researcher of the Institute of humanitarian studies, Perm Federal Research Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 13a, Lenina St., Perm, 614990, Russia; Associate Professor of the Foreign Languages, Linguistics and Translation Department, Perm national research polytechnic university; 29, Komsomolskiy Ave., Perm, 614099, Russia; mkamenskih27@gmail.ru; SPIN-code: 3723-3000; <https://orcid.org/0000-0002-4041-086X>

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА
HISTORICAL URBANISTICS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-335-345>
EDN: FBUNAC

Научная статья / Research article

**От имперских столиц к мегаполисам:
Санкт-Петербург и Москва во второй половине XIX века**

Александр Павлович Шевырев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ london7579@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается эволюция российских столиц Петербурга и Москвы в мегаполисы под влиянием индустриализации второй половины XIX в. Анализируются урбанизационные процессы в этих городах и те вызовы, с которыми они столкнулись. Источниковой базой стали материалы статистики, публицистики, путеводителей. В статье показано, как во второй половине XIX в. в условиях быстрой индустриализации обе столицы становятся крупнейшими промышленными и торговыми центрами, что способствовало быстрому росту населения этих городов и урбанизации их пространства. Обе столицы столкнулись с острыми проблемами больших городов: жилищным вопросом, загрязнением воды и воздуха, что становилось причиной высокой заболеваемости и смертности. При этом обнаруживались новые градостроительные тенденции, в частности зонирование городского пространства, и оба города имели уже немалые достижения в модернизации своей инфраструктуры: оборудовались конно-железные дороги, проводилось газовое, керосиновое и даже электрическое освещение, осуществлялась очистка воды. Таким образом, во второй половине XIX в. обе российских столицы проходили через то, что в начале XX в. стали достоянием европейских столиц. Но ни Москва, ни даже Петербург еще не стали достаточно привлекательными, чтобы притягивать к себе потоки туристов, желающих познакомиться с достопримечательностями современного мегаполиса. Свою притягательность в качестве мегаполисов обе столицы будут обретать уже в начале XX в.

Ключевые слова: урбанизация, историческая урбанистика, образ города, градостроительство, уличная жизнь, демография, экология, городское хозяйство, железные дороги

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Для цитирования: Шевырев А.П. От имперских столиц к мегаполисам: Санкт-Петербург и Москва во второй половине XIX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 335–345. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-335-345>

From Imperial Capitals to Megacities: St. Petersburg and Moscow in the Second Half of the XIX Century

Alexander P. Shevyrev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

✉ london7579@yandex.ru

Abstract: The author examines the evolution of St. Petersburg and Moscow, the Russian capitals, into megacities under the influence of industrialization in the second half of the XIX century. The urbanization processes in these cities and the challenges they faced are analyzed within the body of the text. The source base is the materials of the statistics, journalism, travel guides and research papers on historical urbanism of the period. The article shows that in the second half of the XIX century, under the conditions of rapid industrialization, both capitals became the largest industrial and commercial centers of the Russian Empire, a situation which contributed to the rapid growth of the population of these cities and their urbanization. Both capitals faced urgent problems of large cities: housing, water and air pollution, which caused high morbidity and mortality among the population. At the same time, new urban trends emerged, in particular, zoning of urban space, and, both cities had achieved considerable achievements in the modernization of their infrastructure: horse-drawn railways were constructed, gas, kerosene and even electric lighting was installed, and water was purified. Thus, in the second half of the XIX century, both Russian capitals went through the same purgatory that European capitals had gone through several decades earlier. While neither Moscow nor even St. Petersburg during this period had yet become attractive enough for tourists wishing to see the sights of a modern metropolis, nevertheless, both capitals grew to become appealing megacities in the early XX century.

Keywords: urbanization, city image, urban development, street life, demography, ecology, urban economy, railways

Acknowledgements and Funding: The article was prepared as part of the project of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences to write a multi-volume academic work “History of Russia.” Published for testing purposes.

For citation: Shevyrev, A.P. “From Imperial Capitals to Megacities: St. Petersburg and Moscow in the Second Half of the XIX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 335–345 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-335-345>

Введение

Актуальность. Историческая урбанистика в последние десятилетия развивается в тесной связи с урбанистикой как таковой. Поиск общего и особенного в разных типах городов опирается в том числе и на темпоральное сопоставление. Проблема больших городов, обретая острую актуальность к концу XIX в., затрагивала европейские столицы, в том числе Петербург и Москву. Вопросы сочетания богатства выбора и разнообразия возможностей с проблемами социального неблагополучия и социальной отчужденности остаются актуальными на протяжении всей истории существования больших городов.

Урбанизационные процессы второй половины XIX в. в значительной степени нашли свое отражение в росте больших городов в Российской империи. По переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 20 городов с населением свыше 100 тыс. чел. (включая Гельсингфорс, в котором перепись не производилась). Из их числа два города имели население свыше одного миллиона – Санкт-Петербург (1 264 900 чел.) и Москва (1 038 600 чел.). Петербург и Москва замыкали собой десятку крупнейших городов мира.

До середины XIX в. значение этих двух самых крупных городов Российской империи определялось почти исключительно их столичным статусом. К этому времени обе русские столицы по численности населения входили в десятку крупнейших городов Европы, при этом Петербург уступал только Лондону и Парижу, а Москва – еще трем европейским столицам – Неаполю, Вене и Берлину. В 1858 г.,

по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в Петербурге проживало 565 тыс. чел., а в Москве 378 тыс.¹ В доиндустриальную эпоху высокая концентрация населения в европейских столицах определялась именно их столичными функциями: пребыванием императорских и королевских дворов, правительственных учреждений, военных частей, размещением университетов, гимназий, театров, музеев, а также ресторанов и увеселительных заведений, нахождением рынков, магазинов и лавок, промышленных предприятий и ремесленных мастерских, обслуживающих потребности двора и представителей элиты. Все большие города той эпохи были мультифункциональными. Как отмечали американские историки А. Лис и Л.Х. Лис, «они одновременно являлись рынками, центрами услуг и местами производства» и были «местами нахождения институтов, которые отовсюду привлекали ресурсы, людей, товары и информацию»².

Петербург был многофункциональным городом с момента основания. Он сразу стал промышленным центром в силу того, что находился на переднем крае Северной войны. Кораблестроительные, оружейные и пороховые предприятия обеспечивали в том числе и оборону самого города. Помимо военной промышленности сразу получили развитие отрасли, обслуживающие царский двор и административные учреждения. Приток населения потребовал развития производства предметов массового потребления.

Многофункциональный характер Москвы был обусловлен ее столичным статусом, который не был полностью утрачен после переезда двора в Петербург. Ее нахождение в центре исторически сложившейся дорожной сети обусловило положение Москвы как крупнейшего центра внутренней торговли, а это в свою очередь обуславливало быстрое развитие промышленности, в том числе тех отраслей, которые работали на широкого потребителя. Первопрестольная Москва оставалась крупнейшим религиозным центром, включавшим в свои функции проведение монарших коронаций, а также принимала на себя значение культурного центра страны. «Тройственная идея Оксфорда, Манчестера и Реймса»³ – эта формула В.Г. Белинского 1844 г. очень метко отражала многофункциональный статус Москвы.

Бурный рост населения российских столиц во второй половине XIX века и превращение их в мегаполисы ставило их перед вызовами, с которыми сталкивались в XIX в. все большие города. Это проблемы и растущего городского пространства, и хаотичности городской застройки, и загрязнения окружающей среды, и повышения заболеваемости и смертности, и роста преступности, и нарастания политической активности городского населения. Перед комфортной городской средой и величественной красотой столичных городов вставала угроза быть поглощенными дискомфортом и уродливостью большого города.

Степень изученности проблемы. Историография развития Петербурга и Москвы во второй половине XIX в. не столь значительна, как по истории российских столиц предшествующего и последующего периодов. Очерки по истории пореформенных Петербурга и Москвы в многотомных изданиях 1950-х гг., хотя и устарели морально, но содержат обширный материал по экономической, социальной и культурной истории этих городов⁴. Более современные подходы нашли свое отражение в трехтомной истории Москвы, изданной к ее 850-летию⁵.

¹ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 7. С. 517; Т. 6. С. 313; О численности населения европейских городов см.: Lees A., Lees L.H. Cities and the Making of Modern Europe, 1750–1914. Cambridge, 2007. P. 287–288.

² Lees A., Lees L.H. Cities and the Making of Modern Europe... P. 21–22.

³ Белинский В.Г. Петербург и Москва // Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М., 1955. Т. 8. С. 404.

⁴ История Москвы: в 6-ти т. М., 1954. Т. 4; Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1957. Т. 2.

⁵ История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. М., 1997. Т. 2.

Глубокий анализ социальных перемен, происходивших в Петербурге и Москве, представлен в книгах канадского географа Дж. Бейтера и американского историка Дж. Брэдли⁶. Градостроительное развитие и архитектурный облик российских столиц нашли свое отражение в работах Е.И. Кириченко и В.Г. Лисовского⁷. Восприятие петербургского городского пространства в искусстве посвятил свою книгу Г.З. Каганов⁸. Существует также значительный пласт литературы, посвященный отдельным отраслям городского хозяйства Петербурга и Москвы.

Целью исследования является выявление тех социальных и градостроительных перемен, которые происходили в Петербурге и Москве. Были ли эти перемены благотворны или пагубны для столичной социокультурной среды? Сохраняли или утрачивали столицы ту привлекательность, которую они обрели в классический период? Переувешивал ли обретаемый комфорт те язвы, которые приносил бурный экономический рост?

Источниковая база включает в себя главным образом опубликованные источники (материалы статистики, публицистику), а также справочные материалы – дореволюционные путеводители.

Терминология. Большие города как социальная, градостроительная и духовная проблема приобретали свое важное место в мировой урбанистике к концу XIX в. Под большими городами тогда и сейчас подразумевают чаще всего поселения с численностью свыше 100 тыс. чел. Но урбанистов больше всего впечатляли города-«миллионеры», хотя специального термина для таких городов тогда не было. В современном лексиконе города-«миллионеры», как правило, именуют мегаполисами⁹. В силу того, что остальные 18 больших городов Российской империи заметно отставали от «миллионеров» (в Варшаве насчитывалось 684 тыс., в Одессе 403 тыс., в Лодзи 314 тыс., в Риге 282 тыс. чел. и т.д.), в статье используется современный термин «мегаполис» по отношению к Санкт-Петербургу и Москве.

Столицы экономического роста

В первой половине XIX в. величественные ансамбли К.И. Росси, анфилада парадных площадей, завершающаяся Исаакиевским собором, в Петербурге, ансамбли Кремля, Александровского сада, Театральной площади в Москве завершили оформление имперского образа обеих столиц. Во второй половине XIX в. на облик русских столиц в гораздо большей степени, чем присутствие институтов власти, оказывали влияние последствия бурного промышленного, торгового и финансового роста. В 1890-е годы автор путеводителя по Петербургу сетовал, что Невскому проспекту не хватает динамизма в его начальной части для того, чтобы стать центром общественной жизни города:

Если бы на обширной Адмиралтейской площади была биржа, или главные театры, или обширный столичный рынок и т.п., тогда Невский действительно был бы главной артерией столицы, и движение на нем происходило не такое, как теперь¹⁰.

⁶ *Bater J.* St. Petersburg: Industrialization and Change. London, 1976; *Bradley Josef.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in late imperial Russia. Berkeley etc., 1985.

⁷ *Лисовский В.Г.* 1) Петербург // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. М., 2010. Кн. 3. С. 62–80; 2) Три века архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2022. Кн. 2; *Кириченко Е.И.* 1) Москва // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Кн. 3. С. 134–170; 2) Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982.

⁸ *Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. СПб., 2004.

⁹ Мегаполис // Большая Российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/megapolis-52fd14?ysclid=m054ds9rb3106731518 (дата обращения: 24.06.2024).

¹⁰ *Зарубин И.* Альманах-путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1892. С. 13.

Градоформирующее значение административной функции <...> чувствительно ослабело, оно стало существенно менее значительным по сравнению с XVIII – первой третью XIX столетия, – отмечает автор «Вступления» к третьему тому монографии о градостроительстве России середины XIX – начала XX века. – <...> Бурный рост промышленности, торговли, деловой активности, железные дороги сделали оба города столицами, предельно характеризующими градостроительные процессы своего времени¹¹.

В условиях быстрой индустриализации обе столицы становятся крупнейшими промышленными центрами. В Петербурге военные заказы, близость к морю и наличие квалифицированной рабочей силы обеспечивали развитие судостроительной промышленности, паровозостроения и других видов машиностроения, производство артиллерии, пороха и взрывчатых веществ. Спрос на предметы роскоши и культурного потребления способствовали дальнейшему развитию предприятий по производству фарфора, художественного стекла, полиграфической продукции, ювелирных изделий; удобство доставки импортного сырья было условием развития хлопчатобумажной и табачной промышленности. В Москве благодаря развитию железных дорог еще более укрепилось ее центральное положение в коммуникационной сети, и это приближало ее как к источникам сырья, так и к рынкам сбыта промышленной продукции. В пореформенный период Москва стала крупнейшим центром производства текстиля. Здесь быстро развивались также машиностроение и пищевая промышленность.

Оба города во второй половине XIX в. были крупными торговыми центрами – Петербург благодаря своему портовому статусу, Москва как центр коммуникационной сети европейской части России. При этом по доле населения, занятого в торговле, Москва обходила оба крупнейших торговых порта империи – Петербург и Одессу, а среди европейских городов уступала только Парижу¹². Торговые склады располагались как в самом центре Москвы – в Китай-городе, так и вдоль железнодорожных магистралей. В розничной торговле современный магазин вытеснял традиционную лавку из центра города. Ярким архитектурным выражением этого процесса стала перестройка в 1886–1893 гг. обветшавших торговых рядов на Красной площади в огромный пассаж¹³.

Сочетание в обеих русских столицах многих функций центра – политического, промышленного, финансового, торгового, культурно-образовательного – способствовало быстрому росту населения этих городов и урбанизации их физического и социального пространства.

Проблемы и вызовы мегаполисов

Промышленное развитие оказывало решающее влияние на градостроительные тенденции в обеих столицах. В городах быстро росли промышленные окраины с заводами, фабриками и рабочими поселками. В Петербурге все пространство вдоль Невы и ее рукавов, которое до середины XIX в. не успели застроить дворцами, особняками и правительственными зданиями, становилось протяженной промышленной зоной. Пояс промышленных предприятий охватывал Петербург с юга, вдоль Обводного канала. Если в Петербурге размещение промышленности в значительной степени было обусловлено водными путями, то в Москве наряду с реками определяющую роль играли железные дороги. К концу XIX в. к Москве подходило уже шесть магистральных путей, и промышленные зоны покрывали все пространство города за пределами Садового кольца, а также Замоскворечье. Железные доро-

¹¹ Градостроительство России середины XIX – начала XX века... Кн. 3. С. 14.

¹² Bradley J. Muzhik and Muscovite... P. 79.

¹³ Поткина И.В. Московская торговля в начале XX века // Купеческая Москва: Образы ушедшей российской буржуазии. М., 2007. С. 75.

ги сами по себе создавали близ себя индустриальное пространство, планировочно обособлялись от городской среды, постепенно превращаясь в мощный, самостоятельно функционирующий механизм, особую отрасль городского хозяйства. Более того, они разрезали городскую территорию, подобно рекам на несоединимые берега, что влекло за собой нередко полное изменение планировочной структуры окружавших железнодорожные пути местностей¹⁴.

В пореформенную эпоху русские мегаполисы столкнулись с проблемами, «все сильнее напоминавшими раннеиндустриальную Западную Европу», но которые западноевропейские столицы уже успешно решали, «пройдя через чистилище 1820–1830-х годов»¹⁵. Одной из самых острых проблем большого города был жилищный вопрос. Спрос на жилье, вызванный наплывом населения в эти города, не находил соответствующего предложения. В пореформенный период большинство рабочих проживало при фабриках – либо в казармах, либо на рабочих местах. Однако с появлением городских постановлений, регламентирующих условия проживания рабочих на фабриках и заводах, предприниматели вынуждены были отказываться от предоставления жилья рабочим.

Качество жилья для беднейшего населения беспокоило не только и не столько его обитателей, сколько состоятельных горожан и городские власти. Эпидемии, начинавшиеся в местах проживания бедноты, быстро распространялись на весь город. Связь между перенаселенностью городов и высокой смертностью была очевидной. Смертность в Петербурге, согласно исследованиям Центрального статистического комитета за 1856–1865 гг. была 42,4 чел. на 1000, что значительно превышало эти показатели для Лондона, Парижа и Берлина, где смертность колебалась от 25 до 29 чел. на 1000¹⁶. В Москве смертность была немного ниже, чем в северной столице, и с 1862 до 1901 гг. постепенно снижалась с 37,1 до 28,5 чел. на 1000¹⁷. Снижалась она и в Петербурге – до 26 в 1890–1894 гг.¹⁸ Однако Петербург был самой нездоровой европейской столицей. Половина смертей была вызвана инфекционными заболеваниями: тифом, холерой, корью, оспой, сифилисом, – а также туберкулезом, желудочно-кишечными расстройствами и острыми воспалениями дыхательных путей. Они давали такой коэффициент смертности,

который превосходил всю смертность не только многих больших городов Западной Европы, но и некоторых государств¹⁹.

Смертность от этих болезней в российских столицах была во многом обусловлена жилищными условиями. Другой ее причиной было качество воды, в особенности в Петербурге. Здесь водопроводная сеть появилась в 1863 г. и быстро наращивала свою мощность, увеличив потребление воды с 164,5 в 1864 г. до 5 875,5 млн ведер воды в год в 1893 г., но поступающая по ней вода была недостаточно чиста: ее брали из Невы без всякого фильтрования, и только в 1888–1889 гг. были установлены фильтры, благодаря которым очищенная вода стала поступать в левобережные части города²⁰.

¹⁴ *Наццокина М.В.* Общие принципы и особенности развития городов России второй половины XIX – начала XX века // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. М., 2001. Кн. 1. С. 317.

¹⁵ *Мартин А.* Просвещенный метрополис: Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М., 2013. С. 393.

¹⁶ *Bater J.* St. Petersburg: Industrialization and Change... P. 186.

¹⁷ Статистический ежегодник города Москвы. М., 1916. Вып. 4. С. 57.

¹⁸ Статистический ежегодник Санкт-Петербурга. 1894. Год четырнадцатый. СПб., 1897. С. 143.

¹⁹ Статистический ежегодник Санкт-Петербурга. Материалы по статистике Санкт-Петербурга. Год первый (1881). СПб., 1882. С. 117.

²⁰ Очерки истории Ленинграда. Т. 2. С. 832–833.

Гораздо хуже обстояло дело с канализацией. Несмотря на то, что со строительством и расширением водопроводных систем значительно увеличился объем сточных вод, канализация так и не была построена, и все нечистоты спускались в реки и каналы.

В Москве качество воды из реконструированного в 1853–1858 гг. Мытищинского водопровода было достаточно высоким, однако поставляемого им объема воды в количестве 500 тыс. ведер воды в сутки было уже недостаточно для растущего населения города, и «недостаток воды в Москве был давно вопиющим злом»²¹. Не спасали положения и сооруженные в 1860–1880-е гг. Ходынский, Преображенский, Андреевский и Артезианский водопроводы, дававшие в совокупности свыше 400 тыс. ведер в сутки²². Этот недостаток удалось преодолеть лишь к концу века, когда в 1892 г. был построен новый Мытищинский водопровод с мощностью до 1,5 млн ведер в сутки, но уже через четыре года его мощность была исчерпана²³. До конца 1890-х гг. не было в Москве и канализации – она была сооружена и пущена в эксплуатацию только в 1898 г.

Промышленное загрязнение воздуха и воды в еще большей степени, чем органические запахи, усиливало дискомфорт проживания в городе в летнее время. Оно же вытесняло обитателей дач в еще недавно наполненных зеленью окраинных частях столиц искать более благоприятные места для летнего проживания. Так, Выборгская сторона Петербурга, которая в середине XIX в. считалась «идущей вслед» и даже кое в чем превосходившей знаменитое дачное место – Петергофскую дорогу, в 1860–1870-х гг. стала застраиваться промышленными предприятиями, и

к концу 1870-х годов Кушелевка и модный в 1840–1850-х гг. курорт Полустрово, известный своими минеральными водами, опустели²⁴.

Железные дороги создавали возможности для появления дачных поселков в новых местностях, защищенных от пагубного воздействия промышленности. Более того, именно благодаря им и возникали целые дачные пространства, каким стал Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии благодаря тому, что через него проходили четыре железнодорожные магистрали: Николаевская, Балтийская, Варшавская и Царскосельская²⁵.

Железные дороги оказывали значительное влияние на городскую топографию. Подобно водным рубежам, они разделяли сложившиеся территории на два берега, заставляя каждую из сторон функционировать самостоятельно²⁶. Так, вплоть до начала XX века соединительные ветки Николаевско-Рязанской и Николаевско-Нижегородской железных дорог шли по поверхности земли; при пересечении их путей с большими улицами устраивались переезды, что сильно мешало городскому движению²⁷. Железные дороги захватывали территорию города, вынуждали

²¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 199.

²² [Рерберг И.Ф.] Московский водопровод. Исторический очерк устройства и развития водоснабжения г. Москвы. Описание нового водопровода. М., 1892. С. 13–15.

²³ Краткое описание московских городских водопроводов. 1913 г. М., 1913. С. 8–9.

²⁴ Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013. С. 115–119.

²⁵ Там же. С. 232.

²⁶ Нацокина М.В. Город и транспорт... Кн. 1. С. 317.

²⁷ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. М., 1972. Т. 3. С. 287.

менять планировочную структуру прилегающих местностей. Особенно значительными были изменения в планировке уже обжитых местностей под воздействием прокладки соединительных веток между отдельными железными дорогами²⁸.

Новые тенденции в развитии городского пространства

Если магистральные железные дороги разделяли пространство города, то городские железные дороги, напротив, его связывали. В 1863 г. открылось движение по конно-железной дороге в Петербурге. Первые три линии, которые прошли по Невскому проспекту, Садовой улице и от Дворцовой площади вдоль Невы до 6-й линии Васильевского острова, должны были разгрузить интенсивное движение гужевого транспорта по оживленным магистралям города. В 1872 г., во время Политехнической выставки конно-железная дорога появилась и в Москве, и к в 1875 г. появилась первая сеть из трех линий, которые, помимо разгрузки движения по Тверской и от Каланчевской площади с уже существовавшими там тремя вокзалами, связали центр города с его окраинами – Петровским дворцом, Сокольниками и Введенской площадью за Яузой. В последующие десятилетия были построены сети конно-железных дорог в столицах, и к концу века длина их в Петербурге составила 114 км, а в Москве 94 км²⁹. Укреплению связей частей города способствовало и строительство постоянных мостов: Благовещенского (Николаевского), Александровского, Биржевого в Петербурге, Бородинского, Крымского, Большого Устьинского в Москве.

Другая градостроительная тенденция этого времени – зонирование городского пространства, в частности появление, наряду с правительственными и административными, торгово-деловых центров. В Москве роль такого центра играл Китай-город, и жизнь этой части города замирала в вечерние и ночные часы. В Петербурге деловая жизнь была более рассредоточенной и протекала вдоль Невского и Адмиралтейского проспектов, Большой Морской и Садовой улиц, а также на Васильевском острове. Наличие императорских дворцов, правительственных зданий, казарм и других военных объектов в центральной части города не позволяли появиться здесь такому деловому центру, который выстроился в Москве. Тем не менее в связи с интенсификацией деловой жизни в обеих столицах происходило уплотнение городской застройки в центре города. Это происходило за счет повышения ее плотности и этажности. В 1900 г. около половины из 512 зданий Адмиралтейской части Петербурга, самой «имперской» части города, имели 4 и более этажей³⁰. Точно так же в московском Китай-городе увеличилась до 4–5-ти этажей средняя этажность возводимых сооружений, исчезли дворовые сады, застройка стала самой плотной в столице³¹.

Однако в целом по сравнению с европейскими столицами горизонт в Петербурге был низок: высоту в 4 и более этажей в 1900 г. имело всего 17 % домов³². И дело заключалось не только в ограничении высоты частных зданий законом 1844 г.³³: около 70 % всех зданий имело не более двух этажей. В Москве количество малоэтажных зданий было еще больше, и ввысь город рос медленно: в 1882–1901 гг. доля одно- и двухэтажных домов среди построенных зданий составляла 94 %³⁴.

²⁸ Сьтин П.В. История планировки и застройки... С. 286–287.

²⁹ Bater J. St. Petersburg: Industrialization and Change... P. 273; История Москвы... Т. 4. С. 541.

³⁰ Bater J. St. Petersburg: Industrialization and Change... P. 325.

³¹ Нащюкина М.В. Город и природная среда // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Кн. 1. С. 306–307.

³² Bater J. St. Petersburg: Industrialization and Change... P. 325.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 19. № 18398. СПб., 1845.

³⁴ Статистический ежегодник города Москвы. М., 1916. Вып. 4. Раздел XVI. С. 314–315.

Другая зона, которая появляется в больших городах – это зона культурно-развлекательная. Как и торгово-деловой центр, в Москве эта зона была более четко выражена, чем в Петербурге. К середине XIX в. сложился культурный центр города, который развивался по оси Театральная площадь (с двумя императорскими театрами – Большим и Малым) – Охотный ряд (Благородное, или Дворянское собрание) – Моховая (Университет, Манеж и Румянцевский музей)³⁵. Во второй половине XIX в. культурно-развлекательная зона вытянулась к северу и северо-западу от Кремля вплоть до границы Белого города. Здесь после отмены монополии императорских театров в столицах разместились частные театры Солодовникова, Корша, Шеллапутина, Парадиз, а также увеселительный сад «Эрмитаж». Сюда из Китай-города перемещалась жизнь вечером. Связующим звеном между деловой и развлекательной зонами служили рестораны и первоклассные трактиры, которые располагались как в Китай-городе, так и в Охотном ряду, и в прилегающих к нему улицах.

Жизнь большого города не останавливалась в вечернее и даже в ночное время. Этому способствовали перемены в освещении городских улиц. В дореформенных городах масляные фонари «создавали лишь островки света, а не сплошное освещение»³⁶. По наблюдению А. Мартина, в просмотренных им двух больших альбомах видов Москвы XVIII–XIX вв. «нет ни одного изображения города после наступления темноты, при зажженных уличных фонарях», а в богато иллюстрированной книге А.М. Гордина «Пушкинский Петербург» «воспроизводится всего один вид города с горящими фонарями»³⁷. В 1839 г. в Петербурге появились первые газовые фонари, но газ оказался существенно дороже масла, поэтому с 1863 г. стали использовать наряду с газовым новый осветительный материал – керосин. Газовые и керосиновые фонари давали заметно больше света и воспринимались в обществе как успех в борьбе с мраком, а запах керосина на улицах – как символ прогресса³⁸. С 1880-х гг. появляется электрическое освещение, которого хватало пока только на центральные улицы. В 1894 г. на улицах Петербурга было установлено около 17 тыс. фонарей, из которых только 79 были электрическими, а соотношение между газовыми и керосиновыми было примерно равным³⁹.

Выводы

Во второй половине XIX в. обе российские столицы проходили через то чистилище, из которого уже выходили европейские столицы. Образы величия и аристократизма были уже анахронизмом. При этом и Петербург, и Москва имели уже немалые достижения в модернизации своей инфраструктуры и создавали островки комфортной среды для своих жителей и для приезжих. Но они еще не стали достаточно привлекательными, чтобы притягивать к себе потоки туристов, желающих познакомиться с памятниками истории и достопримечательностями современного мегаполиса. Так, Петербург в путеводителях конца XIX в. – это преимущественно город для деловых приездов: посещения государственных учреждений, поступления в учебные заведения, осуществления коммерческих предприятий. В них нет маршрутов осмотра города – они ограничиваются описанием частей города и справочной информацией о достопримечательностях, которая вполне соответствует предполагаемым целям поездки: на равных с перечнем храмов, дворцов, памятни-

³⁵ Ильин П. География культуры Москвы в конце XIX – начале XX века // Москва рубежа XIX и XX столетий: Взгляд в прошлое издали. М., 2004. С. 135.

³⁶ Мартин А. Просвещенный метрополис... С. 88.

³⁷ Там же. С. 89.

³⁸ Латин В.В. Петербург: запахи и звуки... С. 38; Мартин А. Повседневный метрополис... С. 84.

³⁹ Статистический ежегодник С.-Петербурга. 1894. С. 207–208.

ков, музеев приводятся адреса общественных зданий, промышленных и торговых предприятий. Город еще являлся не объектом осмотра, а местом пребывания⁴⁰. Свою притягательность как мегаполисы обе столицы будут обретать уже в начале XX в.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.10.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 03.06.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 13.06.2024

References

- Bater, J.H. *St. Petersburg: Industrialization and Change*. L.: Edward Arnold, 1976.
- Belinskii, V.G. “Peterburg i Moskva [St. Petersburg and Moscow].” In vol. 8 of *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow: AN SSSR Publ., 1955 (in Russian).
- Bradley, J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in late imperial Russia*. Berkeley, etc.: University of California press, 1985.
- Chicherin, B.N. *Vospominaniia Borisa Nikolaevicha Chicherina. Zemstvo i Moskovskaia дума* [Memoirs of Boris Nikolaevich Chicherin. Zemstvo and the Moscow Duma]. Moscow: Sever Publ., 1934 (in Russian).
- Il'in, P. “Geografiia kul'tury Moskvy v kontse XIX – nachale XX veka [The Geography of Moscow Culture in the Late XIX and Early XX Century].” In *Moskva rubezha XIX i XX stoletii: Vzgliad v proshloe izdaleka* [Moscow at the Turn of the XIX and XX Centuries: Looking into the Past from a Distance], 131–194. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2004 (in Russian).
- Kaganov, G.Z. *Sankt-Peterburg: Obrazy prostranstva* [St. Petersburg: Images of Space]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2004 (in Russian).
- Kirichenko, E.I. “Moskva [Moscow].” In vol. 3 of *Gradostroitel'stvo Rossiii serediny XIX – nachala XX veka* [The Urban Planning in Russia of the mid-XIX – early XX century]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2010 (in Russian).
- Kirichenko, E.I. *Russkaia arkhitektura 1830–1910-h godov* [The Russian Architecture of 1930–1910]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1982 (in Russian).
- Lapin, V.V. *Peterburg: Zapakhi i zvuki* (Saint Petersburg: Smells and Sounds). St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2007 (in Russian).
- Lees, A., and Lees, L.H. *Cities and the Making of Modern Europe, 1750–1914*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007.
- Lisovskiy, V.G. “Peterburg [St. Petersburg].” In vol. 3 of *Gradostroitel'stvo Rossiii serediny XIX – nachala XX veka* [The Urban Planning in Russia of the mid-19th – early 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2010 (in Russian).
- Lisovskiy, V.G. “Tri veka arkhitektury Sankt-Peterburga [Three Centuries of St. Petersburg Architecture].” In vol. 2 of *Ot Klassiki k Modernu* [From Classic to Modern]. St. Petersburg: Kolo Publ., 2022 (in Russian).
- Malinova-Tziafeta, O.Yu. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniia dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the City to the Country House: Socio-cultural Factors of Development of the Dacha Space around Sy. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013 (in Russian).
- Martin, A. *Prosveshchennyi metropolis: Sozidanie imperskoi Moskvy, 1762–1855* [The Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013 (in Russian).
- Nashchokina, M.V. “Gorod i prirodnaia sreda [City and Natural Environment].” In vol. 1 of *Gradostroitel'stvo Rossiii serediny XIX – nachala XX veka* [The Urban Planning in Russia of the mid- XIX – early XX century]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2001 (in Russian).
- Nashchokina, M.V. “Gorod i transport [City and Transport].” In vol. 1 of *Gradostroitel'stvo Rossiii serediny XIX – nachala XX veka* [The Urban Planning in Russia of the mid-XIX – early XX century]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2001 (in Russian).

⁴⁰ *Шевырев А.П.* Петербург и Москва в путеводителях конца XIX – начала XX века: европейская столица или азиатский город? // Путеводитель по городу: История и современность. Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 51.

- Nashchokina, M.V. “Obshchie printsipy i osobennosti razvitiia gorodov Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [General Principles and Features of the Development of Russian Cities in the second half of the XIX – early XX century].” In vol. 1 of *Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka* [The Urban Planning in Russia of the mid-XIX – early XX century]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2001 (in Russian).
- Potkina, I.V. “Moskovskaia torgovlia v nachale XX veka [Moscow Commerce in Early XX Century].” In *Kupecheskaia Moskva: Obrazy ushedshei rossiiskoi burzhuazii* [Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie], 62–86. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2007 (in Russian).
- Shevyrev, A.P. “Peterburg i Moskva v putevoditeliakh kontsa XIX – nachala XX veka: evropeiskaia stolitsa ili aziatskii gorod? [St. Petersburg and Moscow in the Guidebooks of the Late XIX and early XX century: European capital or Asian city?].” In *Putevoditel' po gorodu: Istoriia i sovremennost'. Materialy nauchnoi konferentsii* [A City Guide: History and Modernity. Materials of the academic conference], 49–55. St. Petersburg: GMI SPb. Publ., 2011 (in Russian).
- Sytin, P.V. *Pozhar Moskvy v 1812 godu i stroitel'stvo goroda v techenie 50 let. 1812–1862* [The Fire of Moscow in 1812 and Construction of the City for 50 years]. Vol. 3 of *Istoriia planirovki i zastroiki Moskvy: Materialy i issledovaniia* [History of Planning and Development of Moscow: Materials and Studies]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1972 (in Russian).
- Zarubin, I. *Al'manakh-putevoditel' po S.-Peterburgu* [Almanac-guide of St. Petersburg]. St. Petersburg: [N.s.], 1892 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Павлович Шевырев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Россия, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4; london7579@yandex.ru; SPIN-код: 8707-7996; <https://orcid.org/0000-0001-5454-2719>

Alexander Pavlovich Shevyrev, PhD in History, Associate Professor of the Department of History of Russia of the XIX – early XX century at Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; 27, building 4, Lomonosovsky Prospekt Av., Moscow, 119192, Russia; london7579@yandex.ru; SPIN-code: 8707-7996; <https://orcid.org/0000-0001-5454-2719>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-346-357>
EDN: FCLJCJ

Научная статья / Research article

Первые отечественные фирмы по асфальтированию

Владимир Васильевич Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 v_moga@mail.ru

Аннотация: Рассматривается опыт внедрения в практику содержания дорог Санкт-Петербурга новых способов дорожного покрытия. Очевидно, для современных городских органов власти небезынтересен этот опыт. Целью исследования является определение степени развития асфальтовой отрасли производства и методов привлечения фирм и компаний по изготовлению дорожных покрытий в городской среде Российской империи. Исследуемая тема и практически не рассматривалась российскими и зарубежными историками. Источниковой базой для написания статьи стали документальные материалы из петербургских архивов. Сведения о деятельности предприятий по производству асфальта и дорожных работ были почерпнуты из фондов Петербургской конторы Государственного банка России, городской управы столицы, правлений асфальтовых предприятий. Современные методы асфальтирования российских городских улиц имеют относительно непродолжительную историю. Они широко стали внедряться в городскую среду в крупных экономических центрах дореволюционной России лишь в последней четверти XIX в. Первые подобные мостовые появились в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе и других российских городах. Отметим, что отрасль асфальтового производства в Российской империи в силу разных причин оказалась сабо развитой, а в годы Первой мировой войны пережила глубочайший кризис. Последующие события в России окончательно свернули асфальтовое производство в стране, которое смогло возродиться лишь к 1930-м годам.

Ключевые слова: городская инфраструктура, градостроительство, строительство Санкт-Петербурга, историческая урбанистика, городское пространство, городская история

Для цитирования: Морозан В.В. Первые отечественные фирмы по асфальтированию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 346–357. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-346-357>

First Domestic Asphalt Paving Companies

Vladimir V. Morozan

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 v_moga@mail.ru

Abstract: In their article, author considers the historical experience of introducing new methods of road paving into the practice of road maintenance in St. Petersburg. Obviously, this example is of interest to modern city authorities. The purpose of the study is to determine the degree of development of the asphalt production industry and methods of attracting firms and companies to manufacture road surfaces in the urban environment of the Russian Empire. The topic has practically not been considered by Russian and foreign historians. The source base for the article is documentary materials from St. Petersburg archives. The information on the activities of enterprises producing asphalt and road works was taken from the funds of the St. Petersburg office of the State Bank of Russia, the city government of the capital, and the boards of asphalt enterprises. Modern methods of paving Russian city

streets have had relatively brief history. They began to be widely introduced into the urban environment in large economic centers of pre-revolutionary Russia only in the last quarter of the XIX century. The first such pavements appeared in St. Petersburg, Moscow, Warsaw, Odessa and other Russian cities during that period. It should be noted that due to various reasons the asphalt production industry in the Russian Empire was poorly developed, by the First World War, it was in deep crisis. Subsequent events in Russia definitively scaled back the asphalt production in the country, which was revived only by the 1930s.

Keywords: urban infrastructure, urban planning, construction of St. Petersburg, historical urban studies, urban space, urban history

For citation: Morozan, V.V. “First Domestic Asphalt Paving Companies.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 346–357. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-346-357>

Введение

Актуальность. Настоящая статья является продолжением вышедшей в 2023 г. публикации о мостовых покрытиях Санкт-Петербурга в XVIII–XIX вв.¹ В ней рассматривается период широкого применения асфальта в дорожном деле столицы России в последней трети XIX – начале XX в. Несомненно, опыт городских властей столицы Российской империи по содержанию дорожного хозяйства не потерял своей актуальности и в настоящее время. Хотя в современной России и изменилась практика конкурсного отбора частных фирм и компаний в деле проведения новых дорог и ремонта старых, многие элементы производства тендеров все же сохранились.

Цель исследования – определение степени развития асфальтовой отрасли производства и методов привлечения фирм и компаний к производству дорожных покрытий в городской среде Российской империи.

Степень изученности темы и источниковая база. В последние десятилетия все более популярной сферой исследования становится историческая урбанистика². Однако, следует признать, что в отечественной историографии отсутствуют работы по истории асфальтобетонных покрытий в Санкт-Петербурге в последней трети XIX – начале XX в. По этой причине автору целиком пришлось основываться при написании настоящей статьи на архивных документах, содержащихся в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива.

Хотя в Санкт-Петербурге асфальтовые работы производились разными фирмами, автор рассматривает деятельность лишь нескольких крупных предприятий, которые специализировались на устройстве дорожных мостовых. В частности,

---

¹ Морозан В.В. История петербургских мостовых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 342–353.

² Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 79–84. <https://doi.org/10.17223/15617793/385/13>; Баканов С.А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201; Стась И.Н. Urban History: между историей и социальными науками // Социологическое обозрение. 2022. № 3. С. 250–285. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-250-285>; Тишикова Е.Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 120–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/14>; Davies G.W. *The Rise of Urban History in Britain c. 1960–1978*. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. Leicester, 2014; Frisch M. Comment on Michael B. Katz, From Urban as Site to Urban as Place: Reflections on (Almost) a Half Century of U. S. Urban History // *Journal of Urban History*. 2015. Vol. 41. № 4. P. 595–599; Weaver T. Urban Crisis: the Genealogy of a Concept // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54. № 9. P. 2039–2055 и др.

в начале 1870-х гг. в Санкт-Петербурге, Варшаве и других городах империи стали действовать отечественные фирмы, выполнявшие мелкие заказы по асфальтированию дворов и внутренних помещений. В частности, такие работы производили с 1870 г. торговый дом «Жданович, Цверчакевич и К^о» в Санкт-Петербурге и фирма «Гонсиоровский, Цверчакевич и К^о» в Варшаве. Первая из них заключила контракт на содержание асфальтовой мостовой на Инженерной улице столицы, а в 1870 г. обе фирмы совместно заасфальтировали там же небольшой участок в Соленом городке.

Эти работы проводились в качестве рекламного мероприятия с целью привлечь внимание властей к новым, более совершенным методам асфальтирования. С 15 мая по 1 августа 1870 г. в столице проходила XIV Всероссийская мануфактурная выставка. На ней были представлены достижения отечественной торговли, промышленности, науки и техники. Выставочные павильоны располагались в Соляном городке на набережной Фонтанки, напротив Летнего сада. Для удобства городские власти решили расширить набережную и привести в порядок мостовую. Отмеченные выше фирмы предложили покрыть эту мостовую асфальтом за свой счет в качестве демонстрационного опыта. После завершения работ фирмы объявили, что готовы публично испытать это покрытие на прочность. Во время показательных испытаний по асфальтовой мостовой прошла пушка с лафетом Обуховского завода весом до 2 тыс. пудов, не сделав ни трещин, ни выбоин, ни даже колеи. Загруженная фура с лошадьми провезла свободно 230 пудов по асфальтовому полотну, «при относительном удобстве, спокойствии езды и сохранности экипажей и ног лошадей»³. Организаторы выставки высоко оценили проделанную работу, наградив фирмы медалями. Положительное впечатление мостовая произвела и на Александра II, который посетил выставку 30 июня 1870 г.

Впрочем, члены Городской управы выразили сомнение, что асфальтовое покрытие выдержит длительную эксплуатацию в суровых климатических условиях, учитывая высокую нагрузку от гужевого транспорта. Чтобы проверить эффективность асфальтовых улиц, от имени Управы было направлено предложение торговому дому «Жданович, Цверчакевич и К^о» в качестве пожертвования в пользу города заасфальтировать одну из оживленных улиц города для выяснения долговечности этого покрытия. 12 марта 1871 г. фирма согласилась за свой счет заасфальтировать участок набережной Фонтанки между Семеновским и первым Инженерным мостами на площади свыше 800 кв. саженей. При заключении контракта фирма брала на себя обязательство содержать этот участок в хорошем состоянии, проводя необходимые ремонтные работы в течение последующих десяти лет. Городские же власти перечисляли ежегодно на счет предприятия сумму, равную той, что тратилась ежегодно на ремонт прежнего покрытия. Эта мостовая простояла более десяти лет и представляла собой лучшую мостовую города. Данный участок набережной стал одним из любимых мест для горожан, их прогулок. Довольно интенсивной было и движение по нему извозчиков и разных транспортных средств.

Товарищество для производства асфальтовых работ в России

В 1871 г. торговые дома «Жданович, Цверчакевич и К^о» и «Гонсиоровский, Цверчакевич и К^о» при участии контр-адмирала Павла Ниловича Абалешева, действительного статского советника Александра Владимировича Лохвицкого, инженер-подполковника Александра Герасимовича Хмелева, инженер-капитанов Миха-

³ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее – ЦГИА). Ф. 513. Оп. 118. Д. 391. Л. 9.

ила Александровича Петрова и Николая Матвеевича Горбенко, а также владельца асфальтовых копий в Лиммере прусского подданного Августа Эгесторфа решили создать новое предприятие под названием «Товарищество для производства асфальтовых работ в России». Все необходимые документы для его учреждения были представлены министру финансов, который писал по этому случаю министру внутренних дел:

Торговые дома под фирмами «Жданович, Цверчакевич и К^о» в С.-Петербурге, «Гонсиоровский, Цверчакевич и К^о» в Варшаве, контр-адмирал Абалешев, действительный статский советники Лохвицкий и Дурасов, инженер-подполковник Хмелев и другие лица, полагая учредить товарищество на паях для производства асфальтовых работ в России, а также для сбыта за границу русского асфальта, представили в Министерство финансов проект устава товарищества и просят об исходатайствовании учреждения сего предприятия. По рассмотрению упомянутого проекта он был подвергнут в Министерстве финансов, по соглашению с учредителями, необходимым изменениям и дополнениям, для большей определенности заключающихся в оном правил, и для согласования с утвержденными в последнее время уставами подобных предприятий⁴.

Министр финансов М.Х. Рейтерн находил возможным учредить подобное товарищество и направил в Министерство внутренних дел проект устава. После решения ряда вопросов юридического порядка Устав этого предприятия был утвержден 26 ноября 1871 г. Правление товарищества состояло из шести директоров, избираемых владельцами паев, при этом основной капитал составлял 150 тыс. руб., разделенный на 300 паев по 500 руб. каждый⁵. Среди пайщиков этого предприятия были известные в России лица. Так, А.В. Лохвицкий был крупным юристом, блестящим знатоком русского права, А.А. Пороховщиков – успешный предприниматель и меценат, который в 1870-е гг. покрыл лиммерским асфальтом мостовую перед своим рестораном «Славянский базар» в Москве.

На общем собрании пайщиков 28 декабря 1871 г. директорами правления были избраны П.Н. Абалешев, М.И. Жданович, С.М. Цверчакович, А.А. Пороховщиков, М.П. Петровский и А.Г. Хмелев. Председателем правления был избран П.Н. Абалешев, директором-распорядителем С.М. Цверчакевич и инспектором работ М.И. Жданович. Собрание приняло от торгового дома «Жданович, Цверчакевич и К^о» все его дела и имущество, а также контракты с А.Э. Эгесторфом, который владел Лиммерскими копиями.

Как правопреемник торгового дома «Жданович, Цверчакевич и К^о» товарищество продолжило содержать участок набережной Фонтанки между Семеновским и Первым Инженерным мостами. Однако в 1872 г. возникли споры между руководством этого предприятия и хозяйственно-строительной комиссией города по выплатам денег за содержание данной части улицы. Комиссия потребовала от товарищества доказательств, что торговый дом, войдя в его состав, передал ему эти права. По этой причине городские власти в первый год деятельности товарищества постоянно срывали платежи по эксплуатации этой части улицы в размере 2 213 руб. 43 коп в год. Означенная сумма должна была погашаться ежегодно двумя платежами. Но и после разрешения споров по этому участку платежи продолжали поступать с большим опозданием.

Тем не менее 14 октября 1876 г. Городская управа решила продлить договор по эксплуатации указанного участка с уплатой уже по 5 200 руб. в год. Срок договора был рассчитан на девять лет, начиная с 1 января 1877 г. Если по каким-либо

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. 1871 г. Д. 397. Л. 1.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 5. Д. 239. Л. 5–6.

причинам договор не продлевался, то товарищество было обязано привести мостовую в прежнее состояние. В ходе эксплуатации мостовых между товариществом и Городской управой время от времени возникали взаимные претензии. Полицейские и уполномоченные комиссары докладывали городским властям о том, что товарищество зимой несвоевременно убирало снег, а летом мусор. В частности, в 1884 г. комиссар Шульц доносил в Управу, что по набережной Фонтанки от Цирка до Летнего сада находились горы снежных сугробов и неубранного сколотого льда⁶. Претензии были и к городским властям, которые плохо следили за работой разных подрядчиков на асфальтированных улицах. Так, Газовое общество при установке фонарей и их ремонте часто портило мостовую, вынуждая товарищество нести лишние расходы по устранению неполадок.

К началу 1880-х гг. это предприятие приобрело уже значительный опыт в деле асфальтирования улиц городов, находившихся в разных климатических зонах: в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе и других населенных пунктах. За 10 лет своего существования товарищество произвело работ на 300 тыс. руб. При этом оно не пользовалось субсидиями ни от правительства, ни от городских властей. Примечательно, что накопленный опыт работы с асфальтом в России в разных климатических зонах использовался инженерами в Англии и Канаде. Успех в деле асфальтирования дорог и тротуаров в этих странах побудил английские фирмы скупить практически все асфальтовые копи в Европе. Само товарищество первые десять лет было вынуждено импортировать этот материал из Европы, но по мере разработки отечественных месторождений оно стало потреблять и российский асфальт. Первоначально найденные залежи на Кавказе и берегах Каспийского моря содержали асфальт, который плохо переносил перепады температуры. Наиболее подходящими для климата России оказались копи Волжского бассейна, особенно в Симбирской губернии, где асфальт оказался достаточно качественным, лишь немного уступавшим по своим характеристикам материалам из месторождений в Швейцарии. Но был значительно лучше, чем асфальт из Германии. Товарищество арендовало в 1874 г. в Сызранском уезде Бахилевские копи на 25 лет с правом продления аренды еще на 25 лет. При них был построен завод по выделке гудрона с паровым котлом в 12 сил. Кроме того, на заводе были 14 мелких котлов и 2 железных цилиндра для варки сырья, 5 деревянных чанов, газовые трубы и прочее оборудование. Гудрон продавался компанией по 1 руб. 50 коп. пуд, в то время как заграничный стоил 3 руб.

В конце 1870-х гг. промышленная деятельность Товарищества для производства асфальтовых работ в России существенно возросла. Собственных капиталов для производства асфальтовых работ в Санкт-Петербурге и других городах неоставало. Между тем вслед за появлением ряда новых предприятий в России усиливалась конкурентная борьба. 26 июля 1878 г. товарищество впервые обратилось в Государственный банк за ссудой на оборотные средства. Однако при отсутствии собственного недвижимого имущества получить кредит оказалось невозможно. Повторную попытку товарищество сделало 12 сентября 1894 г., попросив 10 тыс. руб. под соло-вексели, обеспеченные «многочетными контрактами с благонадежными учреждениями и лицами». В прошении обстоятельно описывалась деятельность фирмы, обосновывалась необходимость в кредите. За 23 года своего существования это предприятие покрыло в Санкт-Петербурге мостовые асфальтом и торцами площадью 5 334 м². В Одессе таких работ было проведено на площади

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 118. Д. 391. Л. 1.

3 200 м² ⁷. И это не считая частных заказов по мощению внутренних дворов в Санкт-Петербурге, Одессе и Москве.

Отметим, что в конце XIX в. дорожная одежда петербургских улиц сохраняла свою пестроту. Вот так описывались мостовые Спасской части города в 1897 г., в которой были 35 улиц и переулков:

Все улицы, переулки и площади в Спасской части замощены. Мостовые разных видов: 1) асфальтовая на Екатерининской улице – она обыкновенно каждое лето ремонтируется; в жаркие летние дни она делается мягкой; в зимнее время от замерзания воды в лежащей под ней почве, асфальтовый слой приподнимается, а с наступлением теплых весенних дней от езды лопается, образуя щели до 1 дюйма шириной; 2) торцовая мостовая – на Садовой, Караванной и Невском проспекте; 3) мостовая из гранитных плиток – на Вознесенском проспекте и 4) булыжная мостовая – на всех остальных площадях, улицах и переулках⁸.

В 1897 г. заасфальтированной была Гороховая ул. в 11 аршин в длину и 2 аршина ширины. В Адмиралтейской части около 20 % дворов были вымощенные асфальтом. Зато в Казанской части таких дворов с асфальтовым покрытием было менее 10. Большая Конюшенная ул. была вымощена асфальтом по обеим сторонам, а между асфальтом и по бокам – булыжным камнем. Порой отдельные площади покрывались разными материалами. Так, Театральная площадь местами была покрыта торцами, а остальная часть булыжником.

Работы по асфальтированию улиц производились Товариществом для производства асфальтовых работ двумя способами. Менее употребляемым в России и других европейских странах был способ «coule», когда плавленным асфальтом покрывали дворы, тротуары, полы в банях, в подвалах, конюшнях, сараях, прачечных и других внутренних помещений. Этим же способом порой покрывали улицы. Товарищество для производства асфальтовых работ в России использовало этот способ чаще, так как он был дешевле и более подходил для северных районов страны. В частности, таким способом фирма предлагала покрыть мостовую по Лебяжьему шоссе около Летнего сада и далее по Каменноостровскому проспекту. После разрыва контракта с А.Э. Эгесторфом фирма взяла в качестве компаньона Ново-Гановерское асфальтовое общество в Гамбурге, которое обеспечивало работу асфальтовым материалом. Общая протяженность мостовой составляла 3 версты и 304 сажени. Товарищество обязывалось выполнить все работы в течение года, если позволит погода. Ширина асфальтового покрытия могла составить 3 сажени с оплатой городом по 40 руб. за квадратную сажень. Плата должна была производиться каждый раз после покрытия 1 тыс. сажени. По окончании работ фирма брала на себя обязательство обслуживать этот участок улицы в течение тридцати лет. Учитывая, что городские власти ежегодно тратили на ремонт и содержание этой мостовой по 36 тыс. руб., то товарищество было готово обслуживать Лебяжье шоссе и Каменноостровский проспект за 21 тыс. руб. в течение того же периода.

Городские власти согласились на большую часть предложенных условий. Однако потребовалось расширить асфальтовую мостовую до 4-х сажени и, сверх того, устроить мощеную обочину от 1-й до 2-х сажени. Что касается фундамента дороги, то товарищество предлагало уложить под асфальтовое покрытие слой цементного бетона в 2 дюйма⁹.

Рассматривая способы покрытия мостовых асфальтом, отметим, что наиболее распространенным был способ «comprieme», когда мостовые покрывались прессо-

⁷ РГИА Ф. 588. Оп. 2. Д. 620. Л. 1.

⁸ Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897. С. 289.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 118. Д. 411. Л. 1–2.

ваным асфальтом, как это было сделано на Большой Конюшенной улице в Санкт-Петербурге. Этот способ мощения использовался в то время во всех главных городах Европы. Однако этот способ был наиболее дорогостоящим, так как требовал использования особого рода машин. При этом сам прессованный асфальт выписывался товариществом из-за границы из лучших копий Сан-Валентино в Италии. Его завозили по мере надобности с таким расчетом, чтобы запас не превосходил сумму 3 тыс. руб. К началу 1890-х гг. Товарищество для производства асфальтовых работ в России прекратило аренду Бахиловских копий, предпочитая закупать отечественный асфальт у Общества Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности. Годичная производительность работ товарищества была различной и колебалась между 30 и 50 тыс. руб.¹⁰

Отметим, что это предприятие использовало исключительно природный материал, не прибегая к искусственному, как это делали некоторые производители асфальтовых работ в стране. В товариществе работали до 15-ти рабочих, не считая мастеров. В период резкого увеличения заказов фирма нанимала временных рабочих. Административный персонал товарищества состоял из трех членов правления (хотя первоначально оно должно было комплектоваться из шести человек), которые избирались на три года общим собранием пайщиков. В частности, в 1894 г. в него входили петербургский купец Василий Васильевич Фохт и Александр Николаевич Попов и Василий Васильевич Фохт-младший. Последние два исполняли обязанности директоров. Имущество фирмы состояло из пятнадцати котлов для варки асфальта по 200 руб. каждый, машины для нагревания прессованного асфальта стоимостью 1 065 руб., вала с гирями для равнения асфальта (415 руб.), большого вала для равнения асфальта (300 руб.), ломов, лопат, ведер, чанов и прочих мелких инструментов¹¹.

Отсутствие недвижимого имущества и слабая техническая оснащенность фирмы стали причиной отказа ряда кредитных учреждений в выделении средств. По мнению помощника директора С.-Петербургской конторы Государственного банка А.В. Коншина, деятельность товарищества не могла приносить более или менее значительной пользы русской производительности, так как сырой материал, на который товарищество обращало особое внимание, а именно прессованный асфальт, выписывался из-за границы¹².

Кроме того, к 31 декабря 1893 г. общество при основном капитале в 250 тыс. руб. накопило долгов на сумму 126 513 руб. В то время как по дебиторскому счету оно могло получить 60 300 руб. Так что пассив товарищества составлял 51 231 руб.¹³

Хотя портфель «Товарищества для производства асфальтовых работ в России» содержал ряд выгодных контрактов, их добыча становилась все труднее. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в С.-Петербурге конкурентная борьба в этой сфере становилась все острее. Так, в 1892–1893 гг. товарищество вступило в ожесточенную борьбу за право устроить мостовую на Конюшенной площади, где первоначально предполагалось устроить торцовое покрытие так называемой системой «Мостовой паркет». Этот метод считался более надежным среди деревянных покрытий и менее затратным для городского бюджета.

Однако при всей, казалось бы, дешевизне торцовых деревянных мостовых город все же тратил немалые средства на их поддержание. Крайне часто приходилось их чинить или вовсе производить новое мощение. Хотя со временем совер-

¹⁰ РГИА Ф. 588. Оп. 2. Д. 620. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

шенствовались методы использования более твердых пород древесины, расходы на содержание такой «уличной одежды» продолжали оставаться значительными. Так, в январе 1892 г. Хозяйственное отделение Министерства императорского двора решило заново замостить мостовую напротив Придворно-Конюшенных зданий по Большой Конюшенной улице. Длина участка мостовой в том месте составляла 100 саженей, а ширина – 6,43 саженей, следовательно, площадь проезжей части была равна 643 кв. саженей. Старое покрытие имело двойную булыжную мостовую. Нижняя состояла из крупного камня, верхняя – из камня средней величины. Расстояние между этими частями уличной одежды составляло 4–5 вершков. Профиль же мостовой был выпуклым, при умеренном уклоне с отмошкой вдоль тротуара шириной 1,33 саженей. Использовалась только одна сточная труба, которая проходила по продольной оси улицы. На линии желоба, расположенного вдоль тротуара, имелись сточные колодцы, соединенные с магистральной трубой боковыми ветвями.

При выборе деревянной мостовой Хозяйственный отдел исходил из богатого городского опыта по использованию древесины. Эксплуатация таких мостовых показывала, что они подвергались порче не только от изнашивания материала, но в большей степени от неравномерной осадки основания, на которую укладывались деревянные шашки или бруски. Поэтому было принято предварительное решение устроить достаточно прочное основание, не подверженное осадке, с использованием деревянных брусков однородного характера и имевших одинаковую степень изнашиваемости. Между тем степень изнашиваемости зависела еще и от интенсивности транспортного потока. Так, правильно устроенная торцовая мостовая при проезде по ней 10–20 тыс. экипажей в год выдерживала 6–7 лет эксплуатации. По Конюшенной площади в среднем проезжали до 10 тыс. экипажей в год. Но при использовании брусков правильной формы и горной березы шириной 3–4 дюйма, длиной 7–10 дюймов и высотой 4–6 дюймов этот срок можно было довести до 10 лет. Перед использованием бруски помещались в герметический металлический цилиндр, из которого выкачивался воздух. Затем они подвергались обработке «паром летучих углеводородов, нафталина и креозота», получаемого при перегонке каменноугольного и древесного дегтя или нефтяных остатков¹⁴. После этого бруски погружались в жидкость из тяжелых дегтярных или нефтяных масел с содержанием 10–15 % гудрона. На устройство деревянной мостовой напротив Придворно-Конюшенных зданий предполагалось потратить 10 670 руб. 12 коп.

Пока шло обсуждение способа мощения и сметных расходов в городское управление стали обращаться различные фирмы со своими предложениями по устройству Большой Конюшенной улицы и площади. В частности, некий британский подданный, представитель Невшталского акционерного общества Джон Лоут предлагал покрыть площадь асфальтом. Он уже приметил место на ней позади часовни для складирования материалов и требовал разрешения приступить к работе. Однако против этого выступил заведующий Придворно-Конюшенными зданиями. Ко всему в то же время в борьбу за этот заказ вступило и Товарищество для производства асфальтовых работ в России. 22 августа 1892 г. правление предприятия обратилось с письмом к статс-секретарю и управляющему Кабинетом его императорского величества Н.С. Петрову:

Ваше превосходительство! Правление товарищества рассчитывает, что Придворно-Конюшенное ведомство не оставит без своей поддержки русское товарищество, заботами которого в настоящее время улицы Петербурга мало-помалу покрываются мостовой вполне соответствующей всем современным требованиям и в особенности условиям санитарным, заготовило

¹⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 460. Л. 12 об.

запас дорогостоящего материала и выписало из-за границы для Большой Конюшенной улицы специалиста-мастера хорошо знакомого с делом постройки мостовых из прессованного асфальта¹⁵.

Так как Придворно-Конюшенное ведомство еще не определилось с подрядчиком, то товарищество просило предоставить ему как отечественному предприятию возможность выполнить этот заказ.

Примечательно, что в борьбе за право выполнения работ на Большой Конюшенной ул. Невшталское акционерное общество уполномочила другого своего представителя в России – немецкого подданного Августа Янке. Он с новым упорством стал убеждать Придворное ведомство, что его фирма лучше всех справится с предстоящими работами. Однако и Товарищество для производства асфальтовых работ не ослабляла свой натиск на это ведомство:

Высочайше утвержденное акционерное Товарищество для производства асфальтовых работ в России более 20-ти лет стремится к развитию в России асфальтового производства, как, бесспорно, полезного во многих отношениях производства, и успело, после многих лет борьбы с иноземными конкурентами и значительных затрат, поставить это дело если не выше, то во всяком случае, не хуже иностранных обществ, занимающихся тем же делом¹⁶.

Из переписки Придворной конторы с двумя конкурирующими предприятиями видно, что управляющий Придворным кабинетом барон В. Б. Фредерикс отдавал все же предпочтение иностранной фирме. Тем не менее настойчивость товарищества позволила ему получить часть работ по асфальтированию Большой Конюшенной улицы, а именно ее правой стороны, в то время как А. Янке позволили покрыть этим материалом левую сторону и площадь перед Придворно-Конюшенными зданиями. Интересно и то, что бывший проситель подряда на Большой Конюшенной Д. Лоут получил право устроить мостовую перед Придворной капеллой.

Общество Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности

Не только иностранные компании составляли конкуренцию Товариществу асфальтированных работ в России. Не менее активными были и отечественные фирмы. В частности, среди таких конкурентов было Общество Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности. Сызранский уезд Симбирской губернии оказался главным центром производства асфальта в Российской империи. О залежах асфальта и асфальтита на Самарской луке по ее южной окраине было известно уже давно, еще в XVIII в. В тех местах одно время существовал небольшой завод по производству сургуча из асфальтового сырья.

Хотя залежи этого материала находили и в других частях государства, асфальтовая промышленность сложилась только в указанной местности, так как в Российской империи других промышленных залежей асфальтового камня необходимого качества найдено не было. Впрочем, в стране существовали и другие заводы по производству этого материала: в Санкт-Петербурге, Варшаве и Киеве, в Ярославской, Нижегородской и Казанской губерниях. В Симбирской губернии находились наиболее крупные по размерам предприятия, которые вырабатывали более 800 тыс. пудов в год на сумму около 185 тыс. руб. Асфальтовые заводы принадлежали Обществу Сызранско-Пензенских асфальтовых и горных промыслов, компании Льва Александровича Топоркова, Товариществу Сызранского асфальто-

¹⁵ ЦГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 460. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 25.

вого бетона и другим фирмам. Так, первое среди перечисленных предприятий выпускало в продажу асфальт в виде лепешек весом от 2 до 2 ½ пудов, снабженных клеймами «Асфальт В. Утв. Об-ва Сызранско-Печет. Асф. И Гор. Пром.».

На рынок поступала не только асфальтовая мастика, приготовленная из настоящего гудрона, но также разного вида суррогаты из нее, а именно: а) каменноугольный асфальт, изготавливаемый из каменноугольной смолы, песка и прочих продуктов), б) асфальтовая мастика, выделяемая из нефтяного гудрона, и ряд других материалов. Асфальтовый завод в Варшаве и небольшой в Киеве вырабатывали исключительно искусственный асфальт, который не мог тогда конкурировать с натуральным в силу различных технических свойств и дороговизны. Асфальтовые заводы того времени изготавливали также материал для мощения улиц, тротуаров, полов в жилых помещениях, изоляции от сырости и многих других назначений. При производстве асфальтовой мастики шли, главным образом, известковые каменные породы, пропитанные битумом, который носил еще название горной смолы и гудрона. Эта порода камня вымалывалась, раздроблялась до состояния мелкой муки и к ней добавлялось некоторое количество чистого гудрона, с которым все вместе переваривалось в котлах особого устройства при высокой температуре. В результате получалась асфальтовая мастика, идущая на разные производственные нужды.

Главными учредителями Общества Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности были выходец из Пруссии сызранский временный 2-й гильдии купец Андрей Андреевич Иордан и генерал-майор граф Николай Яковлевич Ростовцев, которые начали осваивать асфальтовые залежи в Сызранском уезде в 1874 г. 15 июня 1875 г. они заключили с Сызранской удельной конторой контракт об аренде земельного участка для добычи асфальта сроком на 25 лет. По этому контракту им было разрешено устроить на этом участке завод. Однако компаньоны решили построить свой небольшой завод по договоренности с крестьянами деревни Бахилово, на их земле. Это предприятие располагалось в 15 верстах от ст. Батраки Сызрано-Вяземской железной дороги. 16 января 1882 г. по инициативе Иордана и графа Ростовцева, а также при поддержке потомственного почетного гражданина Морица Николаевича Фалька и кандидата права Давида Лазаревича Крейцера было подано прошение об учреждении акционерного общества. В Санкт-Петербурге всеми учредительными делами занимался Д.Л. Крейцер. Из прошения следовало, что предприятие с 1874 г. ежегодно выработало до 140 тыс. пудов асфальта на сумму до 50 тыс. руб. На заводе состояли механик и 75 рабочих. Стоимость завода при этом достигала 100 тыс. руб.¹⁷

Согласно Уставу все имущество А.А. Иордана и графа Н.Я. Ростовцева, состоявшее из завода и всех находившихся при нем жилых и нежилых строений, машин, аппаратов, запасов товаров и материалов, как и арендованная земля передавались вновь учреждаемому акционерному обществу. Основной капитал этого предприятия состоял из 300 тыс. руб., разделенных на 600 именных акций по 500 руб. Все акции распределялись между учредителями и приглашенными ими к участию в этом предприятии лицами, но только по взаимному соглашению. Внести денег за приобретенные акции надлежало в течение шести месяцев и без какой-либо рассрочки. Учредителям нового предприятия не потребовалось много времени для утверждения своего Устава, который был подписан императором 30 июля 1882 г. в Красном Селе¹⁸. Правление общества находилось в Санкт-Петербурге и состояло из трех директоров и двух к ним кандидатов, избранных общим собранием акцио-

¹⁷ РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 384. Л. 34–36.

¹⁸ Там же. Л. 53.

неров. Первые избирались на три года, а последние – на два из лиц, обладавших не менее чем двадцатью акциями. Директор-распорядитель должен был иметь не менее тридцати таких ценных бумаг. Первым директором общества стал Д.Л. Крейцер, кандидатами к нему А.А. Иордан и П.Е. Войнов.

В деле асфальтовых работ это предприятие оказалось одним из самых успешных в России. Даже после пожара в мае 1895 г. и полной гибели завода у д. Бахилово общество смогло быстро восстановиться, сумев построить к февралю 1896 г. новый, более современный завод на берегу р. Волги в десяти верстах от станций Печерское. Восстановленный завод специализировался на производстве гудрона. География выполнения заказов была очень широкая. В частности, общество производило работы в Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Харькове, Баку, Нижнем Новгороде и других городах.

В начале XX в. данное общество стало крупнейшим предприятием в своей отрасли. В канун Первой мировой войны его акционерами были: Василий Федорович Карнеев со 103 акциями, Генрих Давидович Крейцер со 100 акциями, Дмитрий Николаевич Батюшков со 100 акциями, Павел Алексеевич Сазонов со 100 акциями, граф Яков Николаевич Ростовцев со 100 акциями, Александр Дмитриевич Протопопов со 100 акциями, Рютгерс с 30 акциями, Николай Васильевич Мешков с 226 акциями и Владимир Давидович Крейцер с 21 акцией¹⁹. Примечательно, что производство различных материалов этим обществом значительно превосходили собственно работы по асфальтированию мостовых. Так, в 1913 г. предприятие выработало асфальтовой мастики на 208 662 руб. 56 коп., асфальтового порошка на 79 руб. 95 коп., гудрона на 98 898 руб. 69 коп., асфальтового известняка на 29 879 руб. 23 коп., гудронного песчаника на 8 548 руб. 15 коп., лака толевого на 102 руб. 95 коп., в то время как асфальтовых работ было произведено всего на 4 854 руб. 39 коп.²⁰

В 1914 г. общество расширило свое производство за счет приобретения активов Товариществом Сызранского асфальтового завода. По купчей крепости 21 марта 1914 г. у него была приобретена в Симбирской губернии Сызранского уезда дача в селе Батраки площадью 1 дес. и 2000 кв. сажен удобной земли и 1 дес. 1600 кв. сажен неудобной земли. 5 августа 1914 г. дополнительно было арендовано 562 дес. земли с битумными залежами у Удельного ведомства (сроком до 1951 г.) в с. Печерское Сызранского уезда вдоль Волги до с. Старых Костычей²¹. Были также куплены земли в других местах Сызранского уезда. 27 января 1915 г. Удельное ведомство разрешило Обществу производить в течение четырех лет поиск и разведку гудронного песчаника в Сызранском уезде с тем, что при обнаружении этих ископаемых Ведомство заключало с Обществом контракт на их разработку. Таким образом фирма активно пыталась расширить свое производство по добыче ископаемых материалов и проведению дорожных работ. Однако события Первой мировой войны внесли свои негативные коррективы.

Выводы

К началу XX в. сложились все условия для дальнейшего развития асфальтовой отрасли в России. Во всяком случае Санкт-Петербург и другие города могли в начале нового столетия перейти к сплошному асфальтированию внутригородских дорог. Однако в связи со вступлением России в войну в 1914 г. существенно

¹⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 491. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 46–53.

²¹ Там же. Л. 12.

изменилась ее бюджетная политика, которая привела к сокращению расходов на социальную сферу и, в частности, благоустройство городов. Данные обстоятельства оказали влияние и на процесс развития асфальтовой отрасли в стране, которая смогла восстановиться и динамично развиваться лишь в 1930-е гг., когда городские власти Ленинграда стали активно заменять деревянные торцовые мостовые на асфальтовое покрытие.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.09.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.05.2024

References

- Ageev, I.A. "Methodological resource of historical urban studies in modern research of urban spaces." *Tomsk State University Journal*, no. 385 (2014): 79–84 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/385/13>
- Bakanov, S.A. "Urban history in Russia declares itself." *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, no. 2 (2016): 198–201 (in Russian).
- Davies, G.W. "The Rise of Urban History in Britain c. 1960–1978." PhD thesis, University of Leicester. Leicester, 2014.
- Eremeev I., ed. *Gorod St. Peterburg s tochki zreniia meditsinskoj politsii* [Oraşul Sankt Petersburg din punctul de vedere al poliţiei medicale]. St. Petersburg: Tip. M.D. Lomkovskogo Publ., 1897 (in Russian).
- Frisch, M. "Comment on Michael B. Katz, 'From Urban as Site to Urban as Place: Reflections on (Almost) a Half Century of U. S. Urban History'." *Journal of Urban History* 41, no. 4 (2015): 595–599.
- Morozan, V.V. "History of St. Petersburg's Pavements." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (2023): 342–353 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-342-353>
- Stas', I.N. "Urban History: between History and Social Sciences." *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 3 (2022): 250–285 (in Russian), <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-250-285>
- Tinikova, E.E. "Approaches to the study of the domestic model of urbanization in modern historical science." *Tomsk State University Journal of History*, no. 76 (2022): 120–127 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/76/14>
- Weaver, T. "Urban Crisis: the Genealogy of a Concept." *Urban Studies* 54, no. 9 (2017): 2039–2055.

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Васильевич Морозан, доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ; Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; v_moga@mail.ru; SPIN-код: 9704-6714; <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

Vladimir V. Morozan, Dr. Habil. Hist., Professor of the History Department of the Peoples of the CIS Countries, Institute of History of St. Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russia; v_moga@mail.ru; SPIN-code: 9704-6714; <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-358-369>
EDN: FJIMPA

Научная статья / Research article

**Велико-Восточный вопрос:
развитие проевразийского миропонимания
Исмаила Гаспринского в начале XX века**

Сергей Васильевич Селиверстов

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан
✉ seliverst.sv@googlemail.com

Аннотация: Реконструируются взгляды российского тюрко-мусульманского деятеля, просветителя Исмаила Гаспринского в 1908–1914 гг. Рассматривается, в каком направлении в условиях обострения внутренних и международных проблем начала XX в. происходила эволюция взглядов И. Гаспринского в отношении концепта русско-восточного соглашения. На материале публицистики газеты «Терджиман» выявлено, что Гаспринский расширил свой взгляд до «Велико-Восточного вопроса» и углубил концепт восточного соглашения, с учетом центрального положения России и Турции, славян и тюрков. Однако к началу XX в. восточный вопрос трансформировался из славяно-турецкого в славяно-германский. По убеждению Гаспринского, выход заключался в создании славяно-тюркской «плотины» против «волны» германизма. На новом этапе он не отступил от своих базовых идей, остался сторонником российско-мусульманского сотрудничества. Автор приходит к выводу, что миропонимание Гаспринского являлось по содержанию проевразийским, а концепт восточного соглашения был развит в начале XX в. до уровня концепции, что стало существенным вкладом в раннеевразийскую общественную мысль, в интеллектуальное развитие России и тюркского мира в целом.

Ключевые слова: славянский и тюркский мир, сближение России и Турции, интеллектуальная история, российско-турецкие отношения, либерально-мусульманское политическое движение

Благодарности и финансирование: Автор благодарит своих анонимных рецензентов за тщательную работу.

Для цитирования: *Селиверстов С.В.* Велико-Восточный вопрос: развитие проевразийского миропонимания Исмаила Гаспринского в начале XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 358–369. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-358-369>

The Great Eastern Question: Development of the Pro-Eurasian Worldview of Ismail Gasprinsky at the Beginning of the XX Century

Sergey V. Seliverstov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

 seliverst.sv@googlemail.com

Abstract: The article reconstructs the views of the Russian Turkic-Muslim figure and educator Ismail Gasprinsky in 1908–1914. It examines the direction in which I. Gasprinsky's views evolved in relation to a conceptual Russian-Eastern Agreement due to a continued aggravation of domestic and regional international problems at the beginning of the twentieth century. Based on the journalism of the *Terdzhiman* newspaper, it is revealed that Gasprinsky continued to expand his views to the “Great Eastern Question” during the period and develop the concept of the Eastern Agreement, taking into account the central position of both Russia and Turkey, as well as the Slavs and Turkic peoples in general. However, by the beginning of the twentieth century, the Eastern Question had transformed from Slavic-Turkish issue to Slavic-German one. According to Gasprinsky, the solution was to create a Slavic-Turkic “dam” against the “wave” of Germanism. At the new stage, he did not retreat from his central ideas and continued to remain a supporter of Russian-Muslim cooperation. The author concludes that Gasprinsky's worldview was largely pro-Eurasian in content, and the concept of an eastern agreement had developed by the beginning of the XX century to the level of a possible diplomatic breakthrough and had become a significant contribution to early Eurasian social thought and to the intellectual development of Russia and the Turkic world as a whole.

Keywords: Slavic and Turkic world, rapprochement between Russia and Turkey, intellectual history, Russian-Turkish relations, liberal Muslim political movement

Acknowledgements and Funding: The author thanks his anonymous reviewers for their thorough work.

For citation: Seliverstov, S.V. “The Great Eastern Question: Development of the Pro-Eurasian Worldview of Ismail Gasprinsky at the Beginning of the XX Century.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 358–369 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-358-369>

Введение

Актуальность. Интеллектуальная история России начала XX в. – явление, содержательно состоящее из многих компонентов и тенденций. Национально-культурные процессы, интенсивно происходившие в начале XX в., способствовали формированию различных национальных дискурсов¹. Однако их становление происходило не изолированно, а в общероссийском и международном контекстах. Подобное понимание применимо к взглядам Исмаила Гаспринского (1851–1914), известного общественного деятеля и интеллектуала, который был одновременно и российским мыслителем, и национальным, тюркским, и международным, мусульманским.

Степень изученности проблемы. При изучении наследия И. Гаспринского начала XX в. внимание исследователей фокусируется преимущественно на его деятельности в национальной тюрко-мусульманской сфере² и при этом недостаточное

¹ Формы национального движения в современных государствах / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

² См.: Исмагъиль Гаспринский: тарихи-документаль жыентык / сост. С. Рахимов. Казань, 2006; Сентюпкина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1914 гг.). Нижний Новгород, 2007; Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. *Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008; Devlet N. İsmail Gasprıralı – Unutturulan Türkçü, İslamcı, Modernist. İstanbul, 2011; Tikhonova N.Ye., Ryzhenkov A.S. “Unity in Language, Thoughts, and Deeds”: The Ideas of Ismail Gasprinskii and Conceptualization of Turkic Nationalism in Turkey // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Востоковедение и африканистика, 2022. Т. 14. № 2. С. 230–242. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.205>*

внимание уделяется международному, российско-восточному аспекту. Редкими исключениями являются публикации Ю.Б. Османова о взаимоотношениях России и Турции и Н.Е. Тихоновой, сопоставившей позиции Гаспринского и публициста «Нового времени» М.О. Меньшикова в понимании восточного вопроса³. В целом это позволяет более пристально сосредоточиться на проблематике российско-восточного взаимодействия в публицистике Гаспринского в период 1908–1914 гг.

Кроме того, констатации евразийских аспектов в творчестве Гаспринского связываются, как правило, с внутрисоссийской, русско-тюркской проблематикой, но не с международными процессами. М. Кемпер, признавая Гаспринского «пионером “мусульманского евразийства”», ссылается на его позитивные представления о русско-ордынской эпохе⁴. Одной из немногих работ, где кратко сопоставляются внутренние и внешние, османо-российские аспекты проевразийских идей Гаспринского, является статья С. Актюрка⁵. Однако и здесь «внешние» воззрения периода 1908–1914 гг. не освещаются. Между тем для объективного восприятия позиции Гаспринского необходимо учитывать не только внутрисоссийский контур его воззрений, но и международный, европейско-азиатский.

Цель исследования – выяснить, в каком направлении в условиях обострения национальных и международных проблем начала XX в. происходила эволюция взглядов Гаспринского в отношении восточного вопроса и концепта российско-восточного соглашения.

Источниковая база. Основным источником данной статьи является актуальная публицистика Гаспринского в газете «Терджиман» (Бахчисарай, Крым) за период 1908–1914 гг. («По поводу речи министра иностранных дел», «Велико-Восточный вопрос», «Русская пресса о балканских событиях», «Исторический итог», «Турция и Россия», «Турецко-Русское общество» и др.), а также некоторые иные опубликованные документы и материалы.

Углубление и развитие концепта российско-восточного соглашения

События 1908 г. в Турции и на Балканах вновь подняли проблематику восточного вопроса. Младотурецкая революция скорректировала общественный дискурс⁶, создала предпосылки для сближения между Россией и Турцией. Гаспринский, пристально наблюдавший за ходом событий в Стамбуле, отнесся к «возрождающейся парламентарной Турции» серьезно: «Надо признать, не жмуря глаз, что мы имеем теперь дело не с “большим”, а с выздоравливающим человеком»⁷. При этом новые международные обстоятельства проявились еще до младотурецкой революции.

В апреле 1908 г. Гаспринский выступил в трех номерах газеты «Терджиман» с концептуальной статьей «Велико-Восточный вопрос»⁸. Обращает на себя внимание эксклюзивность названия, свидетельствующая о глобальности взгляда. Пово-

³ Османов Ю.Б. Исмаил Гаспринский о русско-турецких отношениях и проблеме евразийства // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 1996. С. 237–244; Тихонова Н.Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М.О. Меньшикова // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 295–298. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-3-295-298>

⁴ Kemper M. Muslim Eurocentrism: Ismail Gasprinskii's «Russian Islam» (1881) // Eurocentrism in European history and memory / Ed. M. Brolsma, R. de Bruin, M. Lok. Amsterdam, 2019. P. 98.

⁵ Akturk S. Counter-hegemonic visions and reconciliation through the past: The case of Turkish Eurasianism // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 222–223.

⁶ Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава // Русская мысль. 1915. Кн. 6. С. 15–18.

⁷ Гаспринский И. Турция и Россия // Терджиман. 1911. 15 апреля.

⁸ Гаспринский И. Велико-Восточный вопрос // Терджиман. 1908. 22, 25, 29 апреля.

дом к статье стало обсуждение в Государственной Думе македонского вопроса. Автор позитивно комментирует выступление министра иностранных дел А.П. Извольского (от 4 апреля)⁹, который, отметив «чувствительность» балканских дел для «русского сердца», подчеркнул, что Россия 30 лет живет в мире с Турцией и впредь «должна избегать всего, что могло бы быть сочтено султаном нарушением его верховных прав», не забывая, что подобные шаги «болезненно отзываются» на настроении мусульманских подданных России¹⁰. В этих словах, полагает Гаспринский, проявилась не «опасливость» (как посчитали в «Новом времени»), а «глубокое знание, предвидение и реальная политика». Особенно был им отмечен тезис о необходимости политики «здорового эгоизма» на Балканах¹¹.

По убеждению Гаспринского, России следует не односторонне подходить к балканскому и вообще – к «Велико-Восточному вопросу», а учитывать и славянский, и мусульманский факторы. Он отмечает, что «Россия непосредственно примыкает к востоку и граничит с ним на протяжении тысяч верст»; «по культуре своей она к нему ближе других народов» и «могла бы стать к мусульманским народам в более близкие и сердечные отношения». Это «нужно и важно для России», для ее будущего¹², чтобы не иметь мусульманский Восток «против себя, чтобы не толкнуть его в сферу влияния возможных врагов России»¹³. Тем более, что русскому и мусульманскому миру, России и Турции, «ссориться не из-за чего», а совместно защищать «имеем многое»¹⁴.

Таким образом, Гаспринский желал видеть в отношениях России с тюрко-мусульманским миром не конфронтацию, а добрососедство. Примечательно, что в статье «Велико-Восточный вопрос» он вновь (через 12 лет после трактата «Русско-восточное соглашение») напоминает читателям нереализованную возможность 1890-х гг.:

Я думаю, многие помнят волнение, овладевшее Европой по случаю слухов заключения русско-турецкого союза в начале 1896 г. Почему этот слух так взбудоражил европейскую прессу и заставил дипломатов наострить уши, так что и в Константинополе, и в С-Петербурге нашли необходимым опровергнуть их? Да потому, что такой союз, действительно, совершенно спутал бы все европейские карты¹⁵.

В частности, два столетия столкновений с Востоком, отмечает Гаспринский, не приблизили к разрешению «чисто русской нужды – вопроса о проливах и выхода в Индийский океан»¹⁶. В начале XX в. Россия, следуя советам Европы, оказалась «намного дальше от проливов, чем было сто лет назад»¹⁷. Однако если бы у проливов стояли друзья России, то «проливы могли бы быть так укреплены, что стали бы непроходимыми для врагов прибрежных стран»¹⁸.

В понимании Гаспринского вопрос о режиме проливов без позитивных отношений с Турцией решить невозможно. Он предполагал соглашение и с Ираном: тогда «на левом фланге азиатской Англии стояла бы Персия, а может быть и Афга-

⁹ Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 1. Стенографические отчеты. Ч. 2. СПб., 1908. Стлб. 1763–1776.

¹⁰ Гаспринский И. По поводу речи министра иностранных дел // Терджиман. 1908. 18 апреля.

¹¹ Гаспринский И. Велико-Восточный вопрос // Терджиман. 1908. 29 апреля.

¹² Там же.

¹³ Гаспринский И. Для новых подписчиков // Терджиман. 1910. 8 января.

¹⁴ Гаспринский И. По поводу одной телеграммы // Терджиман. 1911. 8 июня.

¹⁵ Гаспринский И. Велико-Восточный вопрос // Терджиман. 1908. 29 апреля.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского. Симферополь, 2000. С. 58.

¹⁸ Гаспринский И. Велико-Восточный вопрос // Терджиман. 1908. 29 апреля.

нистан, сочувствующие России». Такое соглашение с Турцией и Ираном «легче достижимо, чем завоевание этих царств». Обеспечение южных границ России в Европе и Азии «путем прочного соглашения с прилегающими мусульманскими царствами дало бы очень большую свободу русским силам на западе и крайнем востоке»¹⁹.

Гаспринский учитывал в восточном соглашении и экономическую составляющую, что могло обеспечить наилучшие торговые отношения и «особые льготы». Именно взаимовыгодное сотрудничество позволит Турции и Персии «оградить себя от эксплуатации Европы» и «от случайностей теории равновесия». Соглашение с Россией, не умаляя власти султана и шаха, придаст им «большую устойчивость и большую духовную и материальную мощь», позволит мусульманским странам «смелее и спокойнее смотреть вперед», заниматься «внутренним возрождением»²⁰.

Такова последовательная позиция Гаспринского, изложенная в апреле 1908 г. (до июльской младотурецкой революции) и развивающая концепт российско-восточного соглашения 1890-х гг.

«Тупик» восточного вопроса и новые возможности

Произошедшими в 1908 г. в Турции событиями, как известно, воспользовалась Европа. В конце сентября Австрия аннексировала османские провинции – Боснию и Герцеговину, а Болгария (по договоренности с Австрией) объявила о независимости. Именно к этому времени относится соприкосновение позиций таких неординарных национальных деятелей, как Гаспринский и Меньшиков. Н.Е. Тихонова ссылается на тюркоязычный вариант обзора прессы, сделанный Гаспринским²¹, однако 6 октября 1908 г. в «Терджимане» был опубликован изначальный русскоязычный текст с аутентичными цитатами – «Русская пресса о балканских событиях».

Гаспринский уверен, что в балканских событиях, инспирированных Европой, Турция сумеет отличить «статистов от авторов» и предложит «расхлебать эту кашу всем, у кого будет охота». Также цитируется мысль Меньшикова о новом витке восточного вопроса, решаемого «без существенного участия России» («в плачевной степени мы не готовы к моменту, который ожидался два столетия»). Зная патриотический настрой «Нового времени», Гаспринский подмечает, что «сказано очень откровенно», а на призывы не выступать в Европе в роли «простеца», используемого в чужих интересах, трезво указывает, что Россия «и так натаскала каштанов и шашлыков Англии, Италии, Франции и Австрии». И далее: «Расчленение Турции уже привело Россию к тупику, а дальнейшее расчленение может создать и опасности. Не верите? Так я скажу больше: опасность уже наступила сейчас. Ибо мы не можем, повторить фразы покойного Гладстона *руки прочь*» (фраза «hands off», сказанная английским премьером в 1878 г. в связи с оккупацией Австрией Боснии и Герцеговины – С.С.). И, наконец, вопрос-вывод, адресуемый прессе: если разделение Турции «привело Россию к тупику», то «не пора ли изменить нашу анти-турецкую политику, которая обременила долгами Россию, разорила Турцию и обогатила Европу»²²?

¹⁹ Гаспринский И. Велико-Восточный вопрос // Терджиман. 1908. 29 апреля.

²⁰ Там же.

²¹ Тихонова Н.Е. Идеи российско-турецкого сближения... С. 296, 298 (прим. 9).

²² Гаспринский И. Русская пресса о балканских событиях // Терджиман. 1908. 6 октября.

С сентября 1908 г. газеты обсуждали боснийский кризис²³, и «Терджиман» также наблюдал за динамикой мнений. В номере от 13 октября констатируется: «Новое время» в последние дни «не раз высказывало мысль о пользе развития тесных, дружественных отношений» с новой, конституционной Турцией, а устами Меньшикова газета «дала о тюркском народе самый теплый отзыв». Гаспринский цитирует «Новое время» (от 4 октября), где предлагается использовать балканский кризис «в наиболее выгодном для упрочения русско-турецких отношений смысле». «Мы искренне приветствуем такое настроение Нов[ого] вр[емени], – подчеркивает редактор «Терджимана», – и желаем только одного, чтобы оно не было преходящим». Свою же позицию он обозначает предельно четко:

С самого основания нашей газеты, мы держимся мнения, что отношения двух соседних держав и народов должны быть коренным образом улучшены. Этого требуют их общие нужды²⁴.

Примечательно, что внимание к Турции не ограничилось прессой: необходимость коалиции аргументировал МИД. 12 декабря 1908 г. А.П. Извольский заявил в Государственной Думе, что цель России – «сплотить между собою» Болгарию, Сербию и Черногорию и «объединить их вместе с Турцией одною общею мыслью о защите их национальной и экономической самостоятельности»²⁵. Идею балканской конфедерации тогда восприняли различные политические силы. Вопрос о возможном союзе России с Турцией не остался без внимания турецкой прессы: стамбульские газеты, поддерживая импульсы из России, обсуждали возможность как двустороннего сближения, так и создания Балканского союза с участием Турции²⁶. Гаспринский, разделяя подобные настроения, не мог ограничиться репликами и пообещал читателям высказать развернутую позицию. Статья была опубликована 28 октября 1908 г. и называлась предельно обобщающе – «Исторический итог».

Итоги восточного вопроса и необходимость его пересмотра

Гаспринский разделяет эпоху «борьбы России с мусульманским Востоком» на два периода. Первый – «реальный», когда она боролась «за свой кровный интерес и государственную необходимость». Это было «движение к Черному морю», включая взятие Азова, Крыма, Очакова и Хаджибея (Одессы), естественное, как и «прорыв к Балтийскому морю». Однако затем начался другой этап – «идеальный», когда Россия «увлеклась освобождением христиан». И вот на протяжении столетия «русский солдат дрался, а русский мужик расплачивался» за румына, молдаванина, грека, серба, болгарина. И только раз, при освобождении Греции, Европа помогла России. Во всех остальных случаях Европа «явно или тайно мешала ей»²⁷. Об истинном отношении Европы свидетельствует, например, позиция Франца Иосифа I (Австрия), обязанного России «союзника», в 1854 г. конфиденциально сформулировавшего:

Наше будущее на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла <...> Медленно, желательно незаметно <...> мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но <...> наш естественный противник на востоке – Россия²⁸.

²³ Кострикова Е.Г. Боснийский кризис 1908 года и общественное мнение России // Российская история. 2009. № 2. С. 42–54.

²⁴ [«Новое время» в последние дни] // Терджиман. 1908. 13 октября.

²⁵ Государственная дума. 3-й созыв. Сессия 2. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1908. Стлб. 2629.

²⁶ Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава... С. 15–18.

²⁷ Гаспринский И. Исторический итог // Терджиман. 1908. 28 октября.

²⁸ Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 433.

Поэтому, когда в начале 1850-х гг. Россия потребовала себе «протектората над турецкими христианами», результатом стала Крымская война и Парижский трактат, пресекающий устремления России. Более того, в 1878 г. Европа вновь продиктовала «свои условия мира и правила дальнейшего политического житья-бытья». Уже не теоретически (как в 1856 г.), а практически Европа «положила предел» устремлениям России на Ближнем Востоке. Притом не забывая о себе: Англия заняла Египет, «стоящий» всех Балкан, Франция обосновалась на севере Африки, Италия – на Красном море, Австрия экономически забрала Балканы, а Германия, «перескочив» Босфор, внедряется в азиатский рынок. «Этого ли желала Россия – задается вопросом Гаспринский, – систематически громя Турцию через каждые 20–25 лет в течение целого столетия»²⁹?

Показательно, что европейская политика в начале XX в. осталась такой же двуличной, как и прежде. Не случайно венгерский историк Л. Контлер отмечает, что в 1908 г., аннексируя Боснию и Герцеговину, Австрия «фактически обманула Россию»³⁰. Поэтому, «не возмущаться» надо захватом двух «славяно-турецких областей», полагал Гаспринский, а хладнокровно решить – «что же дальше». И «Новое время» теперь пишет по-другому: что турки «не покушались» на народную веру, язык, школу и семейные отношения, не вносили раздор между сербами-христианами и сербами-мусульманами и т.д. «О, как было бы хорошо, – восклицает он, – если бы Нов[ое] вр[емя] сообщило эту правду в 1875 г., в разгар Босногерцеговинского восстания». Но тогда все были увлечены и «не предвидели печального результата, сейчас очевидного даже слепым»³¹.

В ситуации общественного прояснения (пусть и запоздалого), но с учетом будущего, равно важного для русского и турецкого народов, Гаспринский выражает надежду, что для России (в ее «реальных пользах») предпочтительнее политика «здорового эгоизма» на Балканах и добрососедские, а не враждебные отношения с новой парламентской Турцией. Что касается Меньшикова, то он, когда младотурецкая революция «перевернула шахматную доску восточного вопроса», с учетом политики «Австро-Германии» и под впечатлением от присланной ему в октябре 1908 г. Гаспринским апрельской статьи «Велико-Восточный вопрос» стал также ситуативно склоняться к русско-восточному союзу:

Нам, срединным, полувосточным, совсем восточным царствам нужно соединиться – не против общечеловеческой цивилизации, но против насилий, столь откровенных со стороны Запада³².

Примечательно, что для своего обзора Меньшиков позаимствовал концептуальное название статьи в «Терджимане». Однако «велико-восточный» подход не стал его долгосрочным воззрением.

С другой стороны, идея российско-восточной консолидации не могла быть принята либеральными кругами. Характерна позиция журнала «Русская мысль» (соредакторы – А.А. Кизеветтер и П.Б. Струве). На фоне аннексии Боснии и Герцеговины журнал рефлексировал о кризисе «коллективного авторитета» Европы и «европейского патриотизма» («Европа вздрогнула не от того, что на сцену снова явился восточный вопрос, а потому, что рухнул европейский концерт»). И если Австрия пренебрегла «высшими интересами Европы», то Россия является представителем

²⁹ Гаспринский И. Исторический итог // Терджиман. 1908. 28 октября.

³⁰ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 386.

³¹ Гаспринский И. Исторический итог // Терджиман. 1908. 28 октября.

³² Меньшиков М.О. Велико-восточный вопрос // Новое время. 1908. 4 ноября.

«обще-европейской точки зрения». Журнал надеется на «концертное» решение «соединенной Европы» (о двустороннем российско-османском соглашении речь не идет)³³. Как видим, позиция Гаспринского о добрососедском сближении России и Турции (в «велико-восточном» контексте) существенно отличалась от проевропейской позиции.

Трансформация восточного вопроса в славяно-германский

Вытеснение османской власти с Балкан и разрешение восточного вопроса как турецко-славянского порождало, по наблюдению Гаспринского, славяно-германский вопрос. Вызов он видит в том, что в результате «идейного разгрома» Османской империи путь к Босфору «расчищался» для Вены и Берлина:

Австро-германский железный клин уже вбит в Балканский полуостров и через образовавшуюся трещину германизм <...> потечет к берегам не только Эгейского, но и нашего Черного моря³⁴.

Поэтому тюркам и славянам необходимо, не дожидаясь «прорыва» австро-германизма, создавать общую «плотину» против «тяжелой немецкой волны» (иначе надо будет освобождаться уже «не от турок»)³⁵. Такова была, с точки зрения Гаспринского, альтернатива на рубеже 1910-х гг.

Однако общая «плотина» – конфедерация России, Турции и балканских стран – не сложилась ни при Извольском в 1908–1909 гг. (когда соглашение с Турцией заключила Австрия), ни при его преемнике С.Д. Сазонове в 1911–1912 гг. (когда на первый план вышел эгоизм балканских государств). Гаспринский понимал «естественность» национальных стремлений, но доказывал, что Балканская война «выгодна прежде всего группе государств, враждебных России», так как «ослабит и Турцию, и славян»³⁶.

К началу 1910-х гг. прежний восточный вопрос, по убеждению Гаспринского, «превратился в славяно-германский», когда сила германизма медленно, но верно «движется на Восток» и с данным натиском «неминуемо придется встретиться и России»³⁷. В это самое время (1911) в Германии разрабатывался военно-оперативный план наступления на Россию. Как сформулировал Г. Мольтке-младший в докладе Вильгельму II, будущая война должна стать «войной германизма со славянством»³⁸. Гаспринский, как общественный деятель, не мог знать о подобных приготовлениях, но подчеркивал, что «нет ничего ошибочнее той мысли», будто Европа «защищала» турок и ислам. Все ее усилия на Ближнем Востоке «не что иное, как борьба с Россией»³⁹. Поэтому необходимо не сужение восточного вопроса до локально «турецкого», а расширение как глобального «Велико-Восточного вопроса», включающего многообразную проблематику русского и мусульманского миров. Именно в этом случае у России, в его понимании, появится возможность предотвратить превращение «турецкого» вопроса в «славяно-германский».

³³ Гальберштадт Л.И. Иностранная политика. События на Балканах // Русская мысль. 1908. № 10. Октябрь. С. 205–219.

³⁴ Гаспринский И. Исторический итог // Терджиман. 1908. 28 октября.

³⁵ Там же.

³⁶ Гаспринский Исмэгийль: тарихи-документаль жьыентьк... С. 407–408.

³⁷ Там же.

³⁸ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 13–14.

³⁹ Гаспринский Исмэгийль: тарихи-документаль жьыентьк... С. 408.

1914 г.: завещание мыслителя

В марте 1914 г., за полгода до кончины, в статье «Турецко-Русское общество» 63-летний мыслитель напоминает, что в течение тридцати лет вел на страницах «Терджимана» «упорную, неизменную проповедь о жизненной необходимости сближения турок и русских» (но, к сожалению, многим это казалось «абсурдом») ⁴⁰. Тем не менее, он остался убежден в своей правоте, а потому обращение в 1914 г. к теме турецко-русского взаимопонимания приобрело смысл политического завещания. Гаспринский скептически оценивает русско-англо-французское сближение, отмечая, что ни на Балканах, ни на Среднем и Дальнем Востоке новые союзники не пойдут на учет собственно славянских и русских интересов («всегда расчетливая Европа – германская и франко-британская», защищая собственные интересы в Азии, «травила попеременно, то турок, то русских, стоявших между Европой и Азией») ⁴¹. И, наконец, предупреждает:

европейские «союзники и друзья» обошлись туркам в половину их царства. Нам русским надо держать ухо востро, чтобы г.г. европейцы не стоили нам очень дорого ⁴².

Гаспринский размышляет о будущем, поэтому заключая, что «русско-турецкая вражда и войны послужили главным образом на пользу Европы», делает метафорический, но недвусмысленный вывод:

желательно, чтобы в будущем Россия не поджаривала восточные каштаны для западных обжор, а Турция не увлеклась дружбой и защитой Запада ⁴³.

Его трезвые мысли, сформулированные в канун исторических испытаний, вполне ясны и аргументированы и воспринимаются с не меньшим смыслом столетие спустя.

Гаспринский скончался 11 сентября 1914 г. Однако июльский кризис австрийско-сербских, а по сути, немецко-славянских отношений не мог не вызвать его реакции. 16 июля 1914 г., после австрийского ультиматума, он публикует статью «Перед ужасной войной», в которой, предчувствуя ход событий, отмечает, что «мы стоим» перед «мировой», «всеобщей войной». Гаспринский подчеркивает, что «германо-славянский антагонизм, стремление германцев к югу и востоку давно обратили всю Европу в военный лагерь», а значит «роковая схватка племен рано или поздно должна была состояться». Поэтому, заключал мыслитель, «мы все-таки должны быть готовы на все жертвы». И «если Россия вынуждена будет стать на защиту своей чести и интересов, то «мусульмане России, не отставая от коренных русских, выполнят как свой воинский долг, так и все гражданские обязанности. Так повелевают Аллах, честь, долг и закон» ⁴⁴.

С таким пониманием российский государственно мыслящий национальный деятель и мусульманин встречал надвигающиеся события. Через три дня после публикации (19 июля / 1 августа) Германия объявила войну России. Однако Гаспринский не ограничился статьей: понимая опасность и для России, и для Турции, находившейся под влиянием Германии, он спешно поехал в Стамбул (информацию об этом еженедельник «Türk Yurdu» дал 23 июля), где призвал правящие

⁴⁰ Гаспринский И. Турецко-Русское общество // Терджиман. 1914. 16 марта.

⁴¹ Гаспринский И. Турецко-Русское общество // Терджиман. 1914. 18 марта.

⁴² Гаспринский И. Турецко-Русское общество // Терджиман. 1914. 16 марта.

⁴³ Гаспринский И. Турецко-Русское общество // Терджиман. 1914. 18 марта.

⁴⁴ Гаспринский И. Перед ужасной войной // Терджиман. 1914. 16 июля.

круги Турции к нейтралитету⁴⁵. В этом же направлении действовала и официальная Россия. Как отмечал впоследствии А.Н. Мандельштам (тогда служивший в посольстве в Стамбуле), она «направила все свои старания к тому, чтобы побудить Турцию к сохранению нейтралитета». Однако турецкое правительство «под влиянием первоначальных успехов немцев предпочло стать на сторону Германии»⁴⁶.

Таким образом, в Первой мировой войне произошло то, на что Гаспринский обращал внимание российского общества в 1908–1914 гг. – австро-германизм бросил вызов славянству. Но случилось и иное, с точки зрения его миропонимания противоестественное, это – столкновение турецкого и русского мира. Оказавшись друг против друга, российская и османская стороны были, как известно, ввергнуты в многолетние внешние и внутренние конфликты и понесли значительные потери. Тем не менее, исторический процесс продолжался. Поэтому в новой реальности, избавившись от влияния западных «союзников и друзей», стороны – советская Россия и кемалистская Турция (несмотря на накопленный прежде негативный потенциал) – смогли в 1920-е годы в определенной степени реализовать то, к чему в 1890-х – 1910-х гг. призывал Петербург и Стамбул Гаспринский.

Выводы

Актуальные публицистические работы Гаспринского 1908–1914 гг. – это продолжение его основополагающих воззрений 1880–1890-х гг. (применительно к усложнившимся обстоятельствам начала XX в.), развитых и углубленных в ряде существенных аспектов.

В апреле 1908 г. Гаспринский высказал понимание российско-восточной проблематики в контексте расширенного «Велико-Восточного вопроса», охватывающего Ближний, Средний и Дальний Восток. Учитывая центральное положение России и Турции, славянских и тюрко-мусульманских народов, разрешение данного вопроса он предполагал через ряд шагов и открывающихся возможностей, а именно, – через позитивное сближение ключевых акторов; самостоятельность относительно Запада и защиту от его эксплуатации; «здоровый эгоизм» в международных делах; стабильность границ и взаимную внутреннюю устойчивость; расширение экономического сотрудничества; «свободу рук» в иных направлениях.

Тем самым Гаспринский способствовал возвращению концепта российско-восточного соглашения в общероссийский интеллектуальный контекст и содержательно развил данный концепт в условиях начала XX в. Расширение аргументации в более напряженную историческую эпоху, в обстановке активизации национального дискурса в России и Турции свидетельствует, что позиция мыслителя не конъюнктурна, а является последовательным и сбалансированным убеждением, прошедшим проверку временем. По сути, он предложил «снять», преодолеть проблематику восточного вопроса, контролируемую и локализуемую Западом, через российско-восточное (в основе русско-турецкое) соглашение. Новизна и перспективность здесь в том, что разрешение регионального проблемного ядра создавало, в его понимании, предпосылки для урегулирования «Велико-Восточного вопроса» в более широком формате.

В публикациях октября – ноября 1908 г. восстановление парламентаризма в Турции было воспринято Гаспринским как процесс ее «выздоровления». Новая ситуация стала импульсом к переосмыслению двухсотлетней эпохи взаимоотноше-

⁴⁵ İlk Dönem Türk Yurdu'nda Dış Türkler ve Türkçülük (1911–1918). URL: <https://www.turkyurdu.com.tr/yazar-yari.php?id=2596> (дата обращения: 23.01.2023)

⁴⁶ Мандельштам А.Н. Русская политика в Турции накануне и во время Первой мировой войны // Новоселье. Нью-Йорк, 1947. № 31/32. С. 116.

ний, в которой он выделил два периода борьбы России с османским Востоком – «реальный» и «идеальный» (считая рациональным первый). Понимание общих «печальных результатов» прежней политики в восточном вопросе (позиции России на Балканах и в Турции не усилились, а проблема проливов не разрешена) привело, констатировал автор, к ситуативному прозрению некоторых петербургских газет. Однако подобные здравые сдвиги не могли в долгосрочном плане изменить преобладающего, критического по отношению к Турции настроения прессы.

Гаспринским было подчеркнuto, что позиции Турции на Балканах занимала Европа, особенно Австрия и Германия, т.е. расчленение Османской империи вело к трансформации восточного вопроса в славяно-германский. Отсюда – необходимость выхода России из балканского тупика, что предполагало «здоровый эгоизм», примирение с Турцией, общую славяно-тюркскую «плотину» против германизма. Опираясь на такое понимание, Гаспринский поддерживал идею российско-османской коалиции, активированную в Петербурге в 1908 г. Но для него это был не ситуативный, а стратегический вопрос. Несмотря на обстоятельства, он являлся убежденным сторонником большого восточного соглашения, по существу, – международного, макрорегионального союза, включающего Россию, Турцию, Иран и славянские государства Балкан. И географически-позиционно, и историко-культурно предполагаемый союз являлся не азиатским, а евразийским. И хотя общая славяно-тюркская «плотина» против европейского германизма в конце 1900-х – начале 1910-х гг. не возникла, Гаспринский остался приверженцем российско-восточного сотрудничества. В 1914 г. он не отступил от своего миропонимания и оставил России и Турции, странам, стоящим «между Европой и Азией», по сути, концептуальное завещание.

Рассматривая сближение народов и потенциальный русско-турецкий союз не как «абсурд», а как необходимость, противостоящую «вражде», мыслитель вновь указал на заинтересованность в конфликте внешних сил, ориентировал Россию не повторять старых собственных и турецких ошибок. В июле 1914 г., считая войну с германизмом неизбежной, он призвал тюрко-мусульманские народы России быть «готовыми на все жертвы», а Турцию – к нейтралитету.

Таким образом, концепт российско-восточного, русско-турецкого соглашения, развиваемый Гаспринским на протяжении 1890-х – первой половины 1910-х гг., не был самодовлеющим и оторванным от реалий воззрением. В его понимании – это необходимое внешнее условие (наряду с внутренним русско-тюркским сближением) для успешной модернизации и интеграции славянского и тюркского социума.

Рассмотренные проблемные аспекты, аргументированные Гаспринским в 1908–1914 гг., свидетельствуют, что его взгляды являются самостоятельной тюрко-мусульманской вариацией евразийского, точнее проевразийского миропонимания, то есть ориентированного в макрорегиональном, тюрко-славянском плане не на раздробление, а на перспективную консолидацию евразийского пространства, на сбалансированное сочетание национальных, общегосударственных и международных устремлений.

В 1908–1914 гг. концепт российско-восточного соглашения был развит и углублен Гаспринским (в контексте Велико-Восточного вопроса) до уровня концепции, что стало существенным вкладом в многогранный процесс становления евразийского миропонимания в России, в интеллектуальное развитие славянского и тюркского мира.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.05.2024

References

- Akturk, S. “Counter-hegemonic visions and reconciliation through the past: The case of Turkish Eurasianism.” *Ab Imperio*, no. 4 (2004): 207–238.
- Devlet, N. *İsmail Gasprali – Unutturulan Türkçü, İslamcı, Modernist*. Istanbul: Başlık Publ., 2011 (in Turkish).
- Gal'bershtadt, L.I. “Inostrannaia politika. Sobytiia na Balkanakh [Foreign Policy. Events in the Balkans].” *Russkaia mysl'* no. 10 (1908): 204–220 (in Russian).
- Gankevich, V.Yu. *Na sluzhbe pravde i prosveshcheniiu: Kratkii biograficheskii ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851–1914)* [In the service of truth and enlightenment: A brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky]. Simferopol: Dolia Publ., 2000 (in Russian).
- Gankevich, V.Yu., Shendrikova, S.P. *Ismail Gasprinskii i vozniknovenie liberal'no-musul'manskogo politicheskogo dvizheniia* [Ismail Gasprinsky and the emergence of the liberal Muslim political movement]. Simferopol: Dolia Publ., 2008 (in Russian).
- Kastelyanskii, A.I., ed., *Formy natsional'nogo dvizheniia v sovremennykh gosudarstvakh* [Forms of national movement in modern states]. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ., 1910 (in Russian).
- Kemper, M. “Muslim Eurocentrism: Ismail Gasprinskii’s ‘Russian Islam’ (1881).” In *Eurocentrism in European history and memory*, 79–101. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019.
- Kontler, L. *Istoriia Vengrii. Tysiacheletie v tsentre Evropy* [History of Hungary. A Millennium in the heart of Europe]. Moscow: Ves' mir Publ., 2002 (in Russian).
- Kostrikova, E.G. “Bosniiskii krizis 1908 goda i obshchestvennoe mnenie Rossii [The Bosnian crisis of 1908 and Russian public opinion].” *Rossiiskaia istoriia* 2 (2009): 42–54 (in Russian).
- Mandel'shtam, A.N. “Mladoturetskaia derzhava [Young Turk state].” *Russkaia mysl'*, no. 6 (1915): 13–46 (in Russian).
- Mandel'shtam, A.N. “Russkaia politika v Turtsii nakanune i vo vremia Pervoi mirovoi voiny [Russian policy in Turkey on the eve of and during the First World War].” *Novosel'e*, no. 31/32 (1947): 105–120 (in Russian).
- Osmanov, Yu.B. “Ismail Gasprinskii o rusско-turetskikh otnosheniakh i probleme evraziizta [Ismail Gasprinsky on Russian-Turkish relations and the problem of Eurasianism].” In *Osmanskaia imperiia: problemy vneshnei politiki i otnoshenii s Rossiei*, 237–244. Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN Publ., 1996 (in Russian).
- Pisarev, Yu.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoi mirovoi voiny* [The Great Powers and the Balkans on the Eve of First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Rakhimov, S., ed. *Ismail Gasprinskii: tarikhi-dokumental' zhyentyk* [Ismail Gasprinsky: a historical-documentary collection]. Kazan: Zhyen Publ., 2006 (in Russian).
- Senyutkina, O.N. *Tiurkizm kak istoricheskoe iavlenie (na materialakh istorii Rossiiskoi imperii 1905–1914 gg.)* [Turkism as a historical phenomenon (based on the history of the Russian Empire 1905–1914)]. Nizhnyi Novgorod: Medina Publ., 2007 (in Russian).
- Shindling, A., Tsigler, V. *Kaizery* [Kaisers]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1997 (in Russian).
- Tikhonova, N.E. “The Ideas about Russian-Turkish Rapprochement in the Views and correspondence between I. Gasprinskiy and M. O. Menshikov.” *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* 18, no. 3 (2018): 295–298 (in Russian), <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-3-295-298>
- Tikhonova, N.E., and Ryzhenkov, A.S. “‘Unity in Language, Thoughts, and Deeds’: The Ideas of Ismail Gasprinskii and Conceptualization of Turkic Nationalism in Turkey”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* 14, no. 2 (2022): 230–242, <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.205>

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Васильевич Селиверстов, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Абай академиясы», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; Z01A3D7, Республика Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2; seliverstov.sv@googlemail.com; SPIN-код: 5958-0256; <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Sergey Vasilyevich Seliverstov, PhD in History, Chief Researcher of the Scientific Center “Abai Academy,” L.N. Gumilyov Eurasian National University; 2, Satpaev Str., Astana, Z01A3D7, Republic of Kazakhstan; seliverstov.sv@googlemail.com; SPIN-code: 5958-0256; <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-370-381>
EDN: FLTYFO

Научная статья / Research article

Проблемы транспортировки нефти Урало-Эмбинского нефтяного района: правительственная дискуссия 1920–1921 гг.

Юлия Геннадьевна Ещенко

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

✉ pushistik_yuliya@mail.ru

Аннотация: Исследуется процесс организации транспортировки нефти Урало-Эмбинского нефтяного района с опорой на материалы дискуссии, проходившей в советском правительстве в 1920–1921 гг., относительно целесообразности возведения новых транспортных коммуникаций – железной дороги и нефтепровода – от нефтепромыслов к центральным промышленным районам страны. С опорой на широкую источниковую базу, представленную комплексом опубликованных законодательных и нормативно-правовых документов, а также архивных делопроизводственных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассматриваются меры, принимавшиеся руководством страны для разрешения топливного кризиса 1918–1919 гг.; причины принятия решения о строительстве железной дороги Александров Гай – Эмба и нефтепровода Эмба – Саратов; основные аргументы участников дискуссии о необходимости продолжения стройки; сложности, возникшие в процессе строительства, которые привели к свертыванию проекта. В условиях отсутствия доступа к другим нефтяным районам в начале 1920 г. значительные капиталовложения в освоение Урало-Эмбинского нефтяного района являлись для правительства политически и экономически обоснованными. Восстановление контроля над Бакинским и Грозненским нефтяными районами весной – летом 1920 г. вызвало дискуссию среди представителей различных ведомств об оправданности продолжения дорогостоящего строительства. Автор приходит к выводу, что в числе причин заморозки возведения эмбинских объектов были отсутствие у советского правительства опыта реализации больших экономических проектов в военных условиях, недостаточная квалификация руководителей и кадровых специалистов профильных ведомств, а также отсутствие выстроенной системы подготовки и планирования строительства.

Ключевые слова: транспортные коммуникации, экономическая история, советская экономика, экономическая инфраструктура, ранний советский период

Для цитирования: Ещенко Ю.Г. Проблемы транспортировки нефти Урало-Эмбинского нефтяного района: правительственная дискуссия 1920–1921 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 370–381. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-370-381>

Problems of Oil Transportation in the Ural-Emba Region: The Government Debate in 1920–1921

Yuliya G. Eshchenko

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

✉ pushistik_yuliya@mail.ru

Abstract: The author analyzes the problems of organizing oil transportation from the Ural-Emba region based on the materials of the discussion that took place in the Soviet government in 1920–1921 regarding the feasibility of constructing new transport communications – a railway and an oil pipeline – from oil fields to the central industrial regions of the Russian Empire. Based on the sources such as a complex of the published legislative documents and archival materials, some of which are being introduced into scientific use for the first time, the authors considers: the measures taken by the country's leadership to resolve the fuel crisis of 1918–1919, the reasons for the decision to build the Aleksandrov Gai – Emba railway and the Emba – Saratov oil pipeline, the main arguments of the discussion participants about the need to continue the construction, and the difficulties that arose during the construction process, difficulties which ultimately led to the closure of the project. The author comes to the conclusion that among the reasons for freezing the construction of Emba facilities were the Soviet government's lack of experience in implementing large economic projects in military conditions, insufficient qualifications of managers and specialists of relevant departments, and lack of a built system of construction preparation and planning.

Keywords: transport communications, economic history, soviet economy, economic infrastructure, early soviet period

For citation: Eshchenko, Yu.G. “Problems of Oil Transportation in the Ural-Emba Region: The Government Debate in 1920–1921.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 3 (August 2024): 370–381 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-370-381>

Введение

Актуальность. Становление Советского государства происходило в сложный период Великой русской революции и Гражданской войны. Перед новым правительством стоял ряд задач, от решения которых зависело будущее успешное социально-экономическое и политическое развитие страны. Функционирование промышленности, тыловое снабжение Красной армии, работа телеграфной и телефонной связи и прочее было невозможно без наличия достаточных запасов топлива и, в первую очередь, нефтепродуктов. Первым нефтяным районом, оказавшимся под контролем советской власти, стал Урало-Эмбинский. В связи с чем правительством в срочном порядке начал осуществляться ряд мер по его восстановлению и доставке добытой нефти в промышленные районы страны.

Степень изученности проблемы. Освоение Урало-Эмбинского нефтяного района в первые годы советской власти, а также строительство транспортных коммуникаций от промыслов к Поволжью и центру страны, уже попадали в поле зрения историков. На поиске причин начала строительства железной дороги Александров Гай – Эмба (Алгемба) и нефтепровода Эмба – Саратов сосредоточился в своих исследованиях историк А.А. Иголкин¹, отмечавший как недостаток материально-технических ресурсов для осуществления строительства, так и полное отсутствие, по его мнению, экономического смысла Алгембы². Работа Второй революционной армии труда и строительного управления Комитета государственных сооружений

¹ Иголкин А.А. 1) Алгемба: нефтепровод в небытие // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 5–34; 2) Загадка Алгембы // Родина. 2008. № 10. С. 54–60.

² Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в первой трети XX в. // Труды Института российской истории РАН. 2002. № 3. С. 139–156.

по возведению нефтепровода Эмба – Саратов представлены в исследовании В.Н. Комарицы³.

Как правило, в исторических исследованиях данная проблема является лишь одной из составляющих при изучении советской экономической политики. Так, при анализе системы управления железнодорожным строительством и электрификации железных дорог в период Первой мировой войны и Великой русской революции А.С. Сенин рассматривает условия возведения железнодорожной линии Александров Гай – Эмба: проведение земляных работ, сложности доставки пресной воды⁴. Вопросы освоения Урало-Эмбинского района в 1920–1930-х гг. в рамках обобщающих работ по развитию нефтяной промышленности СССР касаются в своих исследованиях Е.В. Бодрова и В.В. Калинов⁵, которые анализируют становление советской государственной политики в нефтяной сфере⁶ и доказывают важность освоения новых нефтяных районов в 1920-е гг.⁷

Интерес к истории возведения эмбинских транспортных коммуникаций в начале 1920-х гг. присутствует и среди современных казахстанских исследователей, которые делают акцент на социальной составляющей строительства, отмечая просчеты в системе планирования работ, трудности снабжения не только строительными материалами, но и продовольствием, пресной водой и обмундированием⁸; анализируют систему мобилизации трудовых ресурсов на постройку железной дороги и нефтепровода⁹. Ими также дается характеристика освоения Урало-Эмбинского нефтяного района в 1910–1920-х гг.¹⁰, отмечается вклад иностранного капитала в развитие нефтедобычи в годы Первой мировой войны¹¹, показана дея-

³ Комарица В.Н. Нефтепровод Эмба – Саратов (1920–1921 гг.): правовые, экономические, организационные и технические решения // *Человеческий капитал*. 2021. № 7 (151). С. 31–44. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.07.02>

⁴ Сенин А.С. Управление железнодорожным транспортом России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2006. С. 212–213.

⁵ Бодрова Е.В., Калинов В.В., Гусарова М.Н. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. М., 2014.

⁶ Бодрова Е.В., Калинов В.В. 1) К истории утверждения декрета о национализации нефтяной промышленности // *Право и образование*. 2020. № 11. С. 124–134; 2) Нефтяная отрасль СССР в конце 1920-х – 1930-е гг.: противоречивые результаты развития // *Научный диалог*. 2020. № 7. С. 314–327. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-314-327>

⁷ Бодрова Е.В., Калинов В.В. 1) Проекты мобилизации нефтяных ресурсов на нужды форсированной индустриализации // *Новейшая история России*. 2022. № 2 (12). С. 385–395. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.208>; 2) Положение в нефтяной отрасли накануне Великой Отечественной войны: достижения и просчеты // *Научный диалог*. 2021. № 11. С. 299–314. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-299-314>

⁸ Мухитов Қ.С. 1) «Алегмба» құрлысының салыну тарихы // БҚУ Хабаршысы. 2019. №. 4 (76). Р. 432–438; 2) Жайық-Жем ауданында мұнай құбыры қалай салынды // Чыгыш таануунун маселелери. 2023. № 2. Р. 27–34. https://doi.org/10.52754/16948653_2023_2_4

⁹ Медеубаев Е.И. Механизмы и практики реализации трудовой натуральной повинности в эпоху «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане в 1918–1921 гг. // *Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов*. Новосибирск, 2022. С. 132–147. <https://doi.org/10.31518/978-5-98901-255-8-132-147>; *Надиров Н.К.* История становления нефтегазового комплекса Казахстана // *Нефтяное хозяйство*. 2003. № 7. С. 26–28.

¹⁰ Berdyguzhin L.B., Mehdizereev K.B., Bozakhayeva G.K. From the history of the Ural – Emba oil region in the early 20th century // *European Journal of Natural History*. 2013. № 6. Р. 78–79; *Бердыгузин Л.Б., Мирболатов С.М., Аманбаева Ж.К., Сатимова К.К.* История становления и развития нефтяной промышленности Казахстана // *Научный альманах*. 2023. № 2-1 (100). С. 87–98.

¹¹ Рысбеков Т.З., Нариман А.Б. Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы Батыс Қазақстанның мұнай өнеркәсібіне шетел капиталының енуі: тарихы мен мәселелері // *Қарағанды университетінің хабаршысы. Тарих. Философия серисы*. 2020. Т. 97. № 1. С. 122–127.

тельность треста Эмбанефть по послевоенному восстановлению нефтяного оборудования промыслов¹².

Несмотря на значительное количество научных трудов, следует констатировать отсутствие исследований, посвященных анализу принятия решений в центральном аппарате страны и мотивов, которыми руководствовались управленцы, ставившие целью скорейшее освоение Урало-Эмбинского нефтяного района.

Цель исследования. По результатам проведенного историографического и источниковедческого обзора автор статьи ставит целью выявить особенности организации транспортировки нефти Урало-Эмбинского района с опорой на материалы дискуссии, проходившей в советском правительстве в 1920–1921 гг.

Источниковая база. Используемые источники можно разделить на две основные группы. Первая из них – это опубликованные законодательные и нормативно-правовые документы, представленные декретами и предписаниями СНК, постановлениями СНК и Совета рабочей и крестьянской обороны, приказами по Комитету государственных сооружений. В них отражена основная линия государственной политики в нефтяной сфере в исследуемый период – национализация всех нефтяных ресурсов и их использование для нужд Красной армии и восстановления экономики страны. Вторая группа используемых источников представлена делопроизводственной документацией из фондов Главного управления государственного строительства (ГУКС) ВСНХ (Ф. 2259) и Высших советов народного хозяйства РСФСР и СССР (ВСНХ РСФСР и СССР) (Ф. 3429) Российского государственного архива экономики (РГАЭ). В них хранятся докладные записки, телеграммы, переписка наркоматов и ВСНХ по вопросам строительства железной дороги Александров Гай – Эмба и нефтепровода Эмба – Саратов, отчеты главного инженера и комиссаров о ходе стройки, протоколы заседаний Особой комиссии ВСНХ при строительном управлении по сооружению нефтепровода Эмба – Саратов и др. Делопроизводственная документация помогает понять сложности, возникавшие при реализации центральных декретов и постановлений, реальную ситуацию на участках строительства дороги и характер дискуссии, развернувшейся в правительственных кругах относительно ее практической значимости и финансовой целесообразности.

Меры по разрешению топливного кризиса в 1918–1919 гг.

Уже в первые месяцы после прихода к власти большевики приняли ряд мер по перестройке системы управления и форм собственности в нефтяной промышленности. Декретом от 17 мая 1918 г. при отделе топлива ВСНХ был создан Главный нефтяной комитет, на который была возложена задача осуществления перехода нефтяной отрасли из частных рук в собственность государства¹³. Национализация нефтяной промышленности открыла новый период в развитии отечественной нефтяной отрасли. 2 июня 1918 г., еще до утверждения Декрета о национализации, ориентируясь на обсуждение вопроса в СНК РСФСР, Бакинский СНК издал Декрет о национализации нефтяной промышленности Азербайджана¹⁴.

Несмотря на принятые советским правительством меры, ситуация со снабжением топливом начала обостряться во второй половине 1918 г. Крупнейший нефтяной район – Бакинский – летом 1918 г. был занят интервентами. Разворачивавшаяся

¹² Муктаров А.К. Развитие Урало-Эмбинского нефтеносного бассейна (1920–1940 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1993.

¹³ Декрет об учреждении Главного нефтяного комитета от 18 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 163–164.

¹⁴ Седых Е.М. Нефтяная промышленность России после Первой мировой войны // Экономика и социум: современные модели развития. 2012. № 4. С. 45.

Гражданская война постепенно отрезала от центра Грозненские и Майкопские месторождения. Боевые действия сделали труднодоступными центры нефтедобычи в Казахстане и Туркмении.

В специальном Декрете по вопросу снабжения железнодорожного транспорта от 2 августа 1918 г. указывалось на критическую ситуацию, вызванную «недостатком всех вида топлива и невозможностью пополнения запасов минерального топлива и нефти»¹⁵. Отсутствие доступа непосредственно к нефтяным районам в течение некоторого времени компенсировалось вывозом нефти с мест ее транзита, где на складах и в хранилищах имелись значительные ее запасы. Так, в декабре 1918 г. на нужды Рязано-Уральской железной дороги из Астрахани (являвшейся крупнейшим транзитным пунктом на Каспийском море, через который проходила транспортная бакинская, грозненская и эмбинская нефти) было отправлено более 1 млн пудов нефтепродуктов¹⁶.

Однако долговременно решать топливную проблему подобным образом не представлялось возможным. К тому же весеннее наступление 1919 г. белогвардейских частей к Волге заставило советское правительство в спешном порядке эвакуировать имевшиеся запасы нефти и нефтепродуктов¹⁷.

Можно констатировать, что вопрос снабжения нефтепродуктами со времени начала Гражданской войны и потери всех нефтяных районов вышел на уровень важной государственной задачи.

Известные еще с конца XIX в. промыслы Эмбы могли стать временным решением топливной проблемы до освобождения основных нефтяных районов. На тот момент эмбинские нефтяные месторождения были заняты частями генерала В.С. Толстова. 24 апреля 1919 г. в телеграмме Астраханскому реввоенсовету В.И. Ленин, ставя эту задачу, задавал вопрос: «... Нельзя ли занять устье Урала и Гурьев для взятия оттуда нефти»¹⁸. Такая же задача была поставлена и перед командующим войсками Туркестанского фронта М.В. Фрунзе. Развернувшееся наступление Красной армии позволило 5 января 1920 г. занять г. Гурьев, а 8 января – Доссорские нефтяные промыслы и Большую Ракушенскую пристань (Ракушу), в хранилищах которой размещалось около 12 млн пудов нефти¹⁹. Возвращение Урало-Эмбинского нефтяного района стало важным успехом Красной армии, позволившим частично возместить потерю Баку и Грозного.

Принятие решения о строительстве железной дороги Александров Гай – Эмба и нефтепровода Эмба – Саратов

Параллельно с наступлением Красной армии в Урало-Эмбинском нефтяном районе в советском правительстве стал обсуждаться вопрос о создании подходящих транспортных путей для доставки нефти. Решением виделось строительство железнодорожной ветки Александров Гай (Саратовская область) – Эмба. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны по этому вопросу было принято 24 декаб-

¹⁵ Декрет о лесных заготовках для нужд железных дорог от 2 августа 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 133–134.

¹⁶ Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О предоставлении Рязано-Уральской железной дороге от 1 до 1,5 млн пудов нефти из Астрахани» от 25 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 586.

¹⁷ Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О вывозе нефтепродуктов с Волги» от 29 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 469.

¹⁸ *Темиргалиев К.* В.И. Ленин о нашей нефтяной Эмбе // Прикаспийская коммуна. 1960. № 65 (7499). 1 апреля. С. 1.

¹⁹ Там же.

ря 1919 г.²⁰ Идея возникла не спонтанно. В конце XIX – начале XX в. в трех ведомствах – министерствах путей сообщения финансов и иностранных дел Российской империи рассматривался проект по соединению Средней Азии и центральных районов страны железнодорожной веткой Чарджуй (сейчас Туркменабад) – Александров Гай. Предполагалось, что дорога станет составной частью пути из Европы в Индию, а также позволит обеспечить транспортировку нефти с эмбинских промыслов и хлопка из Туркмении²¹. Но революционные события 1917 г. не позволили реализовать намеченные планы. Лишь в начале 1919 г. специальным декретом советской власти была принята программа железнодорожного строительства в РСФСР на 1919–1920 гг.²² Таким образом, еще до освобождения эмбинских промыслов у нового руководства страны с учетом дореволюционного опыта был разработан стратегический план по освоению района и вывозу нефти в Поволжье. На наш взгляд, именно это устоявшееся еще с конца XIX в., мнение о необходимости возведения железной дороги помешало объективно оценить сложности строительства в условиях 1920–1921 гг. и отказаться от него еще в самом начале реализации проекта. Однако оперативное принятие решения о строительстве железной дороги помешало объективно оценить сложности строительства в условиях 1920–1921 гг. и отказаться от него еще в самом начале реализации проекта.

Приказом председателя Комитета государственных сооружений Г.М. Кржижановского главным инженером по постройке железной дороги Александров Гай – Эмба был назначен А.В. Будасси²³. Он представил проект строительства на утверждение в Управление по сооружению железных дорог Комитета государственных сооружений ВСНХ²⁴, который одобрил его в январе 1920 г., после чего проект в «срочном внеочередном порядке» был передан в СНК²⁵.

Даже после выхода постановления Совета рабочей и крестьянской обороны о постройке дороги предлагались альтернативные проекты ее строительства. Так, согласно телеграмме, полученной В.И. Лениным 30 января 1920 г. от командования Туркестанским фронтом, с военно-стратегической точки зрения более целесообразным виделось строительство железнодорожной линии Уральск – Лбищенск – Гурьев вдоль р. Урал. Телеграмма была передана В.И. Лениным в Управление по сооружению железных дорог Комитета государственных сооружений ВСНХ для сравнения проектов. Управление представило записку, в которой отмечалось, что протяженность строительства обеих линий была практически одинакова, однако возведение железной дороги вдоль извилистой р. Урал было бы сопряжено с большими техническими трудностями и экономическими издержками. Инженеры допускали возможность постройки линии Уральск – Гурьев только до Лбищенска, но далее к нефтяным промыслам в качестве транспортного пути необходимо было использовать р. Урал, что было очень рискованно, так как фактического судоходства и флота, подходящего для транспортировки нефтепродуктов, на реке не существовало. Это ставило под вопрос возможность функционирования всей транспортной линии. Кроме того, железная дорога Уральск – Гурьев имела местное значение,

²⁰ Предписание СНК реввоенсоветам Туркестанского, Юго-Восточного и Южного фронтов от 12 января 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 458–459.

²¹ *Сенин А.С.* Управление железнодорожным транспортом России в эпоху войн и революций... С. 212–214.

²² Декрет СНК «О программе железнодорожных работ на 1919–1920 гг.» от 21 января 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 304–307.

²³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 2259. Оп. 2. Д. 52. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 61. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 22–23.

а связь нефтяных промыслов с Поволжьем открывала возможность для транспортировки нефтепродуктов в центральные районы страны. Однако, по мнению инженеров, трудность при постройке железной дороги заключалась в невозможности доставлять строительные материалы к месту работ в короткие сроки, в связи с чем Управлением был сделан вывод об отсутствии преимуществ строительства линии Уральск – Лбищенск – Гурьев²⁶.

В марте 1920 г. был издан декрет председателя СНК В.И. Ленина, положивший начало строительству нефтепровода Эмба – Саратов. Стройке было присвоено приоритетное государственное значение, а выполнение работ на ней было приравнено «к осуществлению военно-оперативных задач». Выполнение работ, также как и строительство железной дороги, было возложено на Комитет государственных сооружений ВСНХ РСФСР, в структуре которого было создано Специальное строительное управление²⁷. Возведение железной дороги и нефтепровода гарантировала бесперебойную транспортную связь с Урало-Эмбинским нефтяным районом.

Дискуссия в советском правительстве о целесообразности строительства железной дороги и нефтепровода до эмбинских промыслов

Весной 1920 г. в пользу Советской России стала меняться ситуация на фронтах. Красная армия одержала победу над крупными белогвардейскими формированиями на юге страны, в марте советские войска взяли Майкоп и Грозный, а затем под их контроль перешел Бакинский нефтяной район. 28 мая 1920 г. все нефтяные предприятия Баку были повторно национализированы. Восстановление контроля над бакинскими и грозненскими нефтяными промыслами оживило правительственную дискуссию о целесообразности дорогостоящих вложений в строительство.

14 мая 1920 г. на заседании СТО была назначена комиссия для пересмотра вопроса о постройке железнодорожной линии Александров Гай – Эмба, в которую вошли представители от Комитета государственных сооружений, реввоенсовета, Главнефти и др.²⁸ Комиссия подтвердила необходимость возведения железной дороги до эмбинских промыслов.

Вопрос о необходимости строительства нефтепровода обсуждался в финансово-экономическом совете при Комитете государственных сооружений ВСНХ на заседании 3 июля 1920 г. Советом отмечалось следующее. Постройка и эксплуатация нефтепровода могла производиться успешно лишь в случае, если нефтепровод укладывался рядом с существующими путями сообщения, прежде всего с железной дорогой. Однако параллельная постройка железной дороги и эмбинского нефтепровода «является предприятием трудно выполнимым, чрезмерно дорогим и, поэтому, преждевременным»²⁹. Сооружение нефтепровода, по мнению совета, должно было начаться лишь в том случае, если введенная в строй железная дорога не смогла бы обеспечить требуемую пропускную мощность.

Таким образом, возражения финансово-экономического совета при Комитете государственных сооружений касались, в основном, строительства нефтепровода. Ставился вопрос не только о пересмотре решения об укладке эмбинского нефтепровода, но и о выработке специальной стратегии прокладки нефтепроводов, со-

²⁶ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 2259. Оп. 2. Д. 61. Л. 16–16 об.

²⁷ Декрет СНК «О сооружении нефтепровода от Эмбинского нефтеносного района до г. Саратова» от 17 марта 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. М., 1943. С. 150–151; РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2953. Л. 1.

²⁸ РГАЭ. Ф. 2259. Оп. 2. Д. 61. Л. 78.

²⁹ Там же. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1858. Л. 5 об.

гласованной с общим планом экономического развития страны. В то же время отмечалось, что «постройка железной дороги Александров Гай – Эмба, как удовлетворяющей вопросы текущего момента, должна продолжаться»³⁰.

Сомнения, которые сохранялись в строительном ведомстве, созыв специальных комиссий и продолжавшиеся обсуждения вопросов целесообразности возведения новых коммуникаций заставили контрольные органы обратить внимание на эту проблему. 2 сентября 1920 г. народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) РСФСР под руководством И.В. Сталина направил обращение к председателю ВСНХ А.И. Рыкову с изложением своей позиции по данному вопросу.

Первое, на что обратили внимание в наркомате РКИ, это экономическая обоснованность строительного проекта. Стоимость сооружения железнодорожной линии Александров Гай – Эмба должна была обойтись Советскому государству приблизительно в 3 млрд руб., а нефтепровода – не менее 4,5 млрд руб. Пропускная способность данных транспортных коммуникаций составляла около 25 млн пудов в год, но, по данным Главнефти, среднегодовая добыча по всем скважинам Доссора и Маката составляла около 276 тыс. пудов в год³¹.

Указанные статистические данные свидетельствовали, что реальные объемы нефтедобычи в регионе были ниже пропускной способности возводившихся коммуникаций. Рост добычи в Урало-Эмбинском нефтяном районе был возможен. Но, во-первых, требовались значительные восстановительные работы, так как прошедшие боевые действия причинили значительный ущерб оборудованию нефтяных промыслов. Во-вторых, требовалось изменение системы снабжения промысловых рабочих, сооружение водопровода, увеличение численности квалифицированных рабочих.

Кроме того, устойчивое снижение добычи позволяло сделать предположение о возможном истощении запасов нефти в регионе³². А дальнейший рост добычи мог быть возможен только за счет проведения дополнительных геолого-поисковых работ. Все это также требовало значительных финансовых и временных затрат, поэтому развитие добычи в Бакинском и Грозненском нефтяных районах с их налаженной логистической сетью представлялось наркомату РКИ более перспективным и экономически обоснованным.

Второе, на что указывалось в записке в президиум ВСНХ, – это наличие альтернативных вариантов транспортировки эмбинской нефти, использовавшихся с дореволюционного периода. Имелся нефтепровод, построенный в 1912 г., длиной около 65 км от промыслов Доссора до пристани в Ракуше в устье реки Урал, откуда нефть перевозилась морским путем по Каспию в наливных судах до Астрахани³³. Поэтому целесообразность постройки новых столь дорогостоящих и мощных по пропускной способности коммуникаций вызывала сомнения наркомата РКИ.

Таким образом, наркомат РКИ поддержал позицию финансово-экономического совета Комитета государственных сооружений: железнодорожную линию предлагалось возводить в ускоренном темпе, а постройку нефтепровода отложить до выяснения действительных запасов эмбинских месторождений и условий их добычи³⁴.

Несмотря на все приводимые противниками возведения эмбинских коммуникаций аргументы, в руководстве ВСНХ по-прежнему преобладало мнение о необходимости их скорейшей постройки. На доклад наркома РКИ И.В. Сталина

³⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1858. Л. 5 об.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 6.

27 ноября 1920 г. был подготовлен отзыв подведомственной ВСНХ Особой комиссии по сооружению эмбинского нефтепровода. В нем объяснялась специфика строительства возводимых объектов. Нефтепровод Эмба – Саратов, также как и железную дорогу, планировалось сооружать в два этапа. Первый этап включал в себя укладку нитки нефтепровода от промыслов до р. Урал, навстречу линии железной дороги Александров Гай – Эмба. Летом 1921 г. планировалось осуществить смычку нефтепровода и железной дороги в районе р. Урал, что позволило бы в короткие сроки наладить непрерывную транспортировку нефти³⁵.

Кроме того, Особой комиссией ВСНХ выдвигался целый комплекс причин (политических, экономических, логистических), доказывавших целесообразность и перспективность сооружения как железной дороги, так и нефтепровода. Прежде всего говорилось о том, что бакинские нефтяные промыслы после их повторной национализации стали главным источником топлива для советской республики. Но они находились на территории Азербайджанской республики, на тот момент еще не связанной союзным договором. Опыт топливного кризиса, Гражданской войны и интервенции показал руководству страны, что нельзя было базировать экономическую и оборонную системы в одном, отдаленном от центра нефтяном районе, на который не прекращались посягательства со стороны других государств, разжигавших к тому же межнациональные конфликты в регионе.

С этим тезисом сложно не согласиться, тем более что опасения по поводу концентрации нефтяных производств в одном месте подтвердились в годы Великой Отечественной войны, когда недостаточная освоенность других нефтеносных территорий снова поставила армию и военную промышленность в зависимость от кавказских промыслов.

Указывалось и на экономические факторы, связанные с особенностями разработки Урало-Эмбинских месторождений, с их высокими качественными характеристиками добываемой нефти и относительно легким способом ее добычи из-за неглубокого залегания нефтяных пластов.

С начала XX в. осваивалась лишь небольшая часть Урало-Эмбинского нефтяного района – промыслы Доссор и Макат, дававшие около 15–18 млн пудов нефти в год. Согласно исследованиям Главнефти разработка Урало-Эмбинского района предполагалась быстрыми темпами, так как нефть добывалась на глубине около 100 саженей (213 м), в то время как на бакинских промыслах средняя глубина скважин составляла свыше 300 саженей (639 м), а на грозненских – около 500 саженей (1 065 м).

Кроме того, эмбинская нефть содержала в себе большое количество масел и в этом могла соперничать с бакинской нефтью. Традиционно смазочные масла производились только из бакинской нефти, залегавшей на т.н. «старых площадях». В связи с их истощением встала задача поиска других районов с маслянистой нефтью. По заключению Главнефти, масла, производившиеся из эмбинской нефти, могли конкурировать по своим качественным характеристикам с лучшими американскими смазочными маслами³⁶.

Таким образом, освоение Урало-Эмбинского нефтяного района виделось в перспективном ключе, а сеть транспортных коммуникаций была нужна не только для покрытия текущих потребностей в топливе, но и для дальнейшего развития нефтяной промышленности. Позиция наркомата РКИ была подвергнута в ВСНХ критике и по той причине, что низкий уровень нефтедобычи на промыслах в 1918–1919 гг. логично объяснялся не истощением нефтеносных площадей, а тем, что эта

³⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1858. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 11.

территория была театром боевых действий и неоднократно переходила из рук в руки.

Существовали и логистические факторы, обосновывавшие целесообразность сооружения дороги Александров Гай – Эмба и нефтепровода. Морской путь транспортировки нефти, на который указывали противники строительства нефтепровода, по мнению ВСНХ, имел ряд серьезных недостатков. И прежде всего речь шла о том, что вывоз нефти с промыслов мог осуществляться исключительно в период навигации, по окончании которой все нефтесклады на промыслах и пристани быстро заполнялись, после чего нефть сливалась в открытые земляные ямы, что ухудшало качество сырья и приводило к дополнительным потерям.

Таким образом, несмотря на возражения противников стройки, в ВСНХ было принято решение о ее продолжении. Но уже с осени 1920 г. докладные записки о выполнении плана работ с места строительства содержали ряд тревожных сигналов: запаздывающее финансирование (в связи с чем по факту к работам приступили только в июне 1920 г.), отсутствие необходимого оборудования (импортных труб, двигателей) и др.³⁷ Отмечались также проблемы снабжения стройки материалами и транспортом. В документах говорилось, в частности:

Круглый лес получен... в количестве 2 % от общей потребности. Топливо совершенно не получено... Предоставлено всего 10 грузовых автомашин, но фактически в распоряжение строительного управления они еще не поступили³⁸.

На схожие проблемы со снабжением материалами, инвентарем, автомобильным и гужевым транспортом при строительстве железной дороги и укладке нефтепровода указывалось в докладной записке председателя Главного комитета государственных сооружений ВСНХ Г.М. Кржижановского, что создавало опасность срыва сроков завершения строительства³⁹. К этому добавлялись сложные социально-бытовые условия жизни рабочих, нехватка пресной воды и частые эпидемии, которые приводили к гибели людей⁴⁰.

В конечном итоге все это вело к пересмотру проекта. 15 апреля 1921 г. была создана специальная комиссия по проверке выполненного объема работ, и по ее результатам 29 апреля 1921 г. принято решение СТО о прекращении строительства и проработке вопроса о приобретении или постройке наливного флота для перевозки нефти с Эмбы через Ракушу на Астрахань⁴¹.

Выводы

Победа большевиков в Гражданской войне привела к укреплению позиции советской власти, вслед за чем встала задача восстановления разрушенной экономики. Итогом боевых действий Красной армии стал возврат потерянных нефтяных месторождений и последующая национализация отрасли и взятие ее под контроль государства. В таких условиях проект строительства транспортных коммуникаций, соединявших Урало-Эмбинский нефтяной район с промышленным центром стра-

³⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1859. Л. 54–54 об.

³⁸ Там же. Л. 55 об. – 56.

³⁹ Там же. Д. 2401. Л. 4–6.

⁴⁰ Комарица В.Н. Нефтепровод Эмба – Саратов (1920–1921 гг.): правовые, экономические, организационные и технические решения // Человеческий капитал. 2021. № 7 (151). С. 38. doi: 10.25629/НС.2021.07.02.

⁴¹ Постановление СТО «О прекращении работ по постройке нефтепровода Эмба – Урал – Саратов и по разборке Майкопского нефтепровода» от 29 апреля 1921 г. // Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М., 1997. С. 357–358.

ны, виделся политически и экономически обоснованным мероприятием, на которое были направлены значительные финансовые и людские ресурсы.

Освобождение во время боевых действий 1920 г. других центров нефтедобычи, прежде всего Бакинского нефтяного района, вызвало в правительстве дискуссию об обоснованности больших затрат на строительство железной дороги и нефтепровода для транспортировки эмбинской нефти. Проанализировав позицию как сторонников проекта, так и его противников, отметим, что аргументы с обеих сторон представляются достаточно убедительными. Нельзя также не обратить внимание на позицию ВСНХ и СТО, руководствовавшихся не просто разрешением топливной проблемы, а нацеленных на перспективное развитие нового нефтяного района, расположенного в глубине страны, вдали от границ. Тем не менее, ресурсы для реализации столь масштабных планов у нового руководства страны были весьма ограничены, а ход текущих событий укрепил позиции противников строительства, ставивших под сомнение его целесообразность. На наш взгляд, в числе причин неудачи проекта следует отметить отсутствие у советского правительства на тот момент опыта по реализации столь значимых экономических задач, тем более в сложных военных условиях; недостаточную квалификацию руководителей и дефицит кадров; отсутствие выстроенной системы подготовки и планирования реализации строительства, а также взаимосвязи между всеми частями хозяйственного аппарата, участвовавшими в снабжении стройки.

Проанализированная дискуссия свидетельствует также о том, что советское правительство рассматривало Урало-Эмбинский нефтяной район как возможную альтернативу бакинским и грозненским месторождениям, понимая необходимость мер по разведке и разработке новых перспективных нефтегазоносных площадей. Дальнейшие восстановительные работы и развитие Урало-Эмбинского района положили начало освоению такого крупного региона как Прикаспийская нефтегазоносная провинция.

Поступила в редакцию / Submitted: 06.04.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2024

References

- Berdyguzhin, L.B., Mehdizereev, K.B., and Bozakhayeva G.K. "From the history of the Ural – Emba oil region in the early 20th century." *European Journal of Natural History*, no. 6 (2013): 78–79.
- Berdyguzhin, L.B., Mirbolatov, S.M., Amanbaeva, Zh.K., and Satimova, K.K. "Istoriia stanovleniia i razvitiia nefiianoi promyshlennosti Kazakhstana [History of Formation and Development of the Oil Industry of Kazakhstan]." *Nauchnyi al'manakh* 100, no. 2-1 (2023): 87–98 (in Russian).
- Bodrova, E.V., and Kalinov, V.V. "K istorii utverzheniia dekreta o natsionalizatsii nefiianoi promyshlennosti [On the History of the Approval of the Decree on the Nationalization of the Oil Industry]." *Pravo i obrazovanie*, no. 11 (2020): 124–134 (in Russian).
- Bodrova, E.V., and Kalinov, V.V. "Nefiianaia otrasl' SSSR v kontse 1920-kh – 1930-e gg.: protivorechivye rezul'taty razvitiia [Oil Industry of USSR in Late 1920s – 1930s: Conflicting Development Results]." *Nauchnyi dialog*, no. 7 (2020): 314–327 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-314-327>
- Bodrova, E.V., and Kalinov, V.V. "Polozhenie v nefiianoi otrasli nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny: dostizheniia i proshchety [Situation in Oil Industry on Eve of World War II: Achievements and Miscalculations]." *Nauchnyi dialog*, no. 11 (2021): 299–314 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-299-314>
- Bodrova, E.V., and Kalinov, V.V. "Projects of Mobilization of Oil Resources for the Needs of Forced Industrialization." *Modern History of Russia* 12, no. 2 (2022): 385–395 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.208>
- Bodrova, E.V., Kalinov, V.V., and Gusarova, M.N. *Evolutsiia gosudarstvennoi promyshlennoi politiki v SSSR i Rossiiskoi Federatsii* [Evolution of State Industrial Policy in the USSR and the Russian Federation]. Moscow: REGENS Publ., 2014 (in Russian).

- Igolkin, A.A. “Algemba: nefteprovod v nebytie [Algemba: oil pipeline into oblivion].” *Ekonomicheskii zhurnal*, no. 1 (2001): 5–34 (in Russian).
- Igolkin, A.A. “Otechestvennaia nefianaia promyshlennost' v pervoi treti XX v. [Domestic oil industry in the first third of the XX century].” *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, no. 3 (2002): 139–156 (in Russian).
- Igolkin, A.A. “Zagadka Algemby [The riddle of Algemba].” *Rodina*, no. 10 (2008): 54–60 (in Russian).
- Komaritsa, V.N. “Nefteprovod Emba-Saratov (1920–1921 gg.): pravovye, ekonomicheskie, organizatsionnye i tekhnicheskie resheniia [Emba-Saratov Oil Pipeline (1920–1921): Legal, Economic, Organizational and Technical Solutions].” *Chelovecheskii kapital* 151, no. 7 (2021): 31–44 (in Russian), <https://doi.org/10.25629/HC.2021.07.02>
- Medeubaev, E.I. “Mekhanizmy i praktiki realizatsii trudovoi natural'noi povinnosti v epokhu ‘voennogo kommunizma’ v Stepnom krae i Turkestane v 1918–1921 godakh [Mechanisms and Practices of the Implementation of Natural Labor Conscription in the Era of ‘War Communism’ in the Steppe Region and Turkestan in 1918–1921].” Rynkov, V.M., ed. *Grazhdanskaia voina v Rossii: problemy vykhoda, istoricheskie posledstviia, uroki dlia sovremennosti: sbornik nauchnykh trudov* [The Civil War in Russia: problems of exit, historical consequences, lessons for the present: a collection of scientific papers], 132–147. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2022 (in Russian), <https://doi.org/10.31518/978-5-98901-255-8-132-147>
- Mukhitov, K.S. “How Oil Pipelines were Built in the Ural-Embinsky District.” *Issues of Oriental Studies*, no. 2 (2023): 27–34 (in Kazakh), https://doi.org/10.52754/16948653_2023_2_4
- Mukhitov, K.S. “The history of the construction of ‘Alegmba’.” *Bulletin of BKU* 76, no. 4 (2019): 432–438 (in Kazakh).
- Mukhtarov, A.K. “Development of the Ural-Emba oil basin (1920–1940),” PhD thesis in History, Alma-Ata State University named after Abay, 1993 (in Russian).
- Nadirov, N.K. “Istoriia stanovleniia neftegazovogo kompleksa Kazakhstana [History of the formation of the oil and gas complex of Kazakhstan].” *Neftyanoe khozyaistvo*, no. 7 (2003): 26–28 (in Russian).
- Rysbekov, T.Z., and Nariman, A.B. “Penetration of foreign capital into the oil industry of Western Kazakhstan during the First World War: history and issues.” *Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy series* 97, no. 1 (2020): 122–127 (in Kazakh).
- Sedykh, E.M. “Neftianaia promyshlennost' Rossii posle Pervoi mirovoi voiny [Petroleum of Russia after the First World War].” *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya*, no. 4 (2012): 31–58 (in Russian).
- Senin, A.S. “Management of Russian railway transport in the era of wars and revolutions (1914–1922),” PhD diss. in History, Russian State University for the Humanities, 2006 (in Russian).
- Temirgaliev, K. “V.I. Lenin o nashei nefianoii Embe [V.I. Lenin about Our Oil Emba].” *Prikaspiiskaia kommuna* 7499, no. 65 (1960): 1.

Информация об авторе / Information about the author

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; pushistik_yuliya@mail.ru; SPIN-код: 8136-5496; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>

Yuliya Gennadievna Eshchenko, PhD in History, Senior Research Fellow of the Center for the Study of the History of the Lower Volga Region, Astrakhan State University named after V.N. Tatischev; 20a Tatischev St., Astrakhan, Russia, 414056; pushistik_yuliya@mail.ru; SPIN-code: 8136-5496; <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>